

Клаус Фукс —
атомный
разведчик

1
1991

РАБОБОРЕЦ

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 0321-0626

Гримасы
демократии

Персидский
коридор

ГУЛаг
в годы Великой
Отечественной
войны

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Подписка на наш журнал принимается всеми отделениями связи и органами „Союзпечати“ без каких-либо ограничений и на любой срок.

В связи с тем что розничная продажа журнала, к сожалению, ограничена, советуем подписываться на наше издание заблаговременно.

Подписная цена: на год — 12 р.;

на 6 месяцев — 6 р.

В случае отказа в подписке просим сообщать в редакцию.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ, КАВАЛЕРГАРДЪ и ОФИЦЕРЪ

при Императоре Александрѣ II.

1764-1796

(Братский журнал)

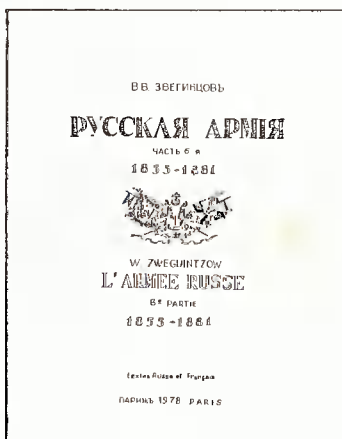
О РУССКОЙ АРМИИ – С ЛЮБОВЬЮ...

Тем, кто интересуется военно-прикладной историей и особенно обмундированием, снаряжением и вооружением русской армии со времен Петра I до первой мировой войны, хорошо известно имя члена французского военно-исторического общества „Сабреташ“ Владимира Владимировича Звегинцова, проживающего под Парижем.

Первый его труд „Формы русской армии 1914 года“ вышел в свет в 1959 году. Эта рукописная книга, с помощью ротационного аппарата размноженная в нескольких сотнях экземпляров, содержит богатый и разнообразный материал, снабжена многими таблицами и рисунками, которые позволяют воссоздать облик участников первой мировой войны: пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов.

В течение многих лет В. В. Звегинцов трудился над главным творением своей жизни — семитомной книгой „Русская армия“, в которой в сжатой форме, но тем не менее достаточно полно описал обмундирование русских солдат, офицеров и генералов от XVII до начала XX века. Русский текст (а кроме него есть и французский перевод) здесь занимает 1000 крупноформатных страниц. В придачу к нему имеется 728 таблиц с рисунками.

Внимание заслуживает также и другой труд В. В. Звегинцова — „Знамена и штандарты русской армии от XVI века до 1914 года“.

Владимир Звегинцов

В прошлом году В. В. Звегинцов посетил Советский Союз. Он побывал в Москве, Киеве, Ленинграде. В столице официальный прием в его честь был устроен в конном военно-историческом клубе „Улан“. Здесь собрались одетые в военные мундиры члены

военно-исторических клубов Москвы.

Владимир Владимирович рассказал, что любовь к истории русской армии унаследовал от отца, который был офицером и служил в Кавалергардском полку. По линии матери он — праправнук знаменитого генерала Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. Другой его предок — генерал Ланжерон — командовал русскими полками, штурмовавшими Париж в 1814 году.

Семья Звегинцовых покинула Россию в 1920 году, когда Владимиру было всего 6 лет. Сначала они жили в Югославии, затем в Италии, в середине 20-х годов переехали во Францию. В 1934 году В. В. Звегинцов окончил Высшую коммерческую школу в Швейцарии и с 1946 года работал заведующим отделом документации в Международной торговой палате в Париже.

Работа над военно-историческими книгами стала его увлечением, которому он посвящал все свободное время. Издавал эти книги только за собственный счет. Они продавались в Париже в русских книжных магазинах. Но на родину Владимир Владимирович отправлял их бесплатно.

А. И. БИГУНОВА,
вице-президент конного
военно-исторического
клуба „Улан“,
А. Е. ШАДРИН (фото)

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

За нашу Советскую Родину!

ОРГАН
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СССР

ОСНОВАН
В АВГУСТЕ
1939 ГОДА

1 1991

Издается
ежемесячно

Главный редактор
В. И. ФИЛАТОВ.

Редакционная коллегия:

Н. Т. АКСЕНОВ
(ответственный
секретарь),
А. В. БЕТЕХТИН,
И. Н. ВЕНКОВ,
А. Ф. ГОЛОБОРОДОВ,
А. Г. ЕВДОШЕНКО,
В. Т. ИМИНОВ,
С. Г. ИЩЕНКО
(заместитель
главного редактора),
П. Н. ЛАЩЕНКО,
В. Н. ЛОБОВ,
А. М. МАЙОРОВ,
С. В. ОГОРОДНИК,
В. Г. ОППОКОВ,
Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ,
К. Б. РАШ,
О. Д. ФЕДЮНИН.

Редактор по отделу
оформления
А. Е. ШАДРИН.
Художественный
редактор
Л. П. ДЕМАХИНА.

Адрес редакции:
103160, Москва, К-160,
«Военно-исторический
журнал».
Тел. 296-44-87, 296-44-95,
296-45-01, 296-45-35.

Сдано в набор 12.11.90
Подписано к печати
11.01.91.
Бумага 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8 4 + 0,35 вкл.
Уч.-изд. л. 12.
Усл. кр.-отт. 14.
Высокая печать.
Тираж 114 000 экз.
Зак. 2686. Цена 1 р.
Ордена «Знак Почета»
типография газеты
«Красная звезда».
123826, Москва, Д-317.
Хорошевское шоссе, 38.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Свидетельство
о регистрации № 559.

© «Военно-исторический
журнал», 1991.

● К 50-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОЙ БИТВЫ

- Б. И. НЕВЗОРОВ — Последний рубеж 3
Московские чекисты в обороне столицы 1941—1942 гг. 10
(Публикация Ю. Б. Смирнова, В. Г. Ушакова)

● В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

- ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны 14

● В ПОМОЩЬ ИЗУЧАЮЩИМ ВОЕННУЮ ИСТОРИЮ

- А. В. БАСОВ, Г. И. ГУТЕНМАХЕР — Персидский коридор 25

● БОМБА И ДЛЯ... САХАРОВА

- А. С. ФЕКЛИСОВ — Подвиг Клауса Функа 34

● ИССЛЕДУЯ СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Б. С. ПОПОВ, В. Г. ОППОКОВ — Бериевщина 44

● ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

- А. Ф. РЕДИГЕР — История моей жизни 57

• • •

- А. И. ТАЛАНОВ — Кавалергарды 64

● ПАТРИОТИЗМ И ...ЭКСТРЕМИЗМ

- А. В. ТРЕТЕЦКИЙ — Новочернасс: июнь 1962 года 68

● ИЗ АРХИВОВ КГБ

- Какой наша армия нужна НТС 77
(Публикация П. К. Викторова)

● ГРИМАСЫ ДЕМОКРАТИИ

- В. А. ПОДГУЗОВ — «Мужественный» поступок академика 82

● ИЗ ОПУБЛИКОВАННОГО

- Храм Христа Спасителя 89

- НАМ ПИШУТ: О мнимом и настоящем 81

**ПРЕЗИДЕНТУ СССР,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

Заявляем решительный протест в связи с оскорбительным для Вооруженных Сил выступлением народного депутата СССР писателя А. Адамовича, прозвучавшим 20 декабря 1990 года с трибуны Съезда народных депутатов. Считаю, что сказанное Адамовичем — не случайность, а логическое продолжение развернутой в нашей стране определенными кругами и частью средств массовой информации кампании позорной для любого государства травли собственной армии. Поддерживаем оглашенное на Съезде требование 1467 офицеров Военной академии связи о привлечении к ответственности гражданина Адамовича.

КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

Читатель:

«МНЕ БЫЛО ВСЕ РАВНО...»

ХОЧУ затронуть одну деликатную тему. Мне до недавних пор было как-то все равно, кто есть кто и какой национальности. Но благодаря личному вкладу Коротича и его журнала у меня (русского) стали возникать отрицательные эмоции по отношению и людям другой национальности. Поговорил с друзьями — то же самое. Как это понимать? Вопрос, конечно, не по адресу, но, думаю, напиши я в «Огонек», письмо осталось бы без ответа.

Н. К. ПОКИДАЕВ
(Новосибирск)

«ВОИН, СПАСИ!»

ВЧЕРА встретил бывшего комсомольского функционера, бывшего инструктора горкома партии, бывшего секретаря парткома, который заявил, что социализм — ошибка природы и самое естественное и справедливое — капитализм. Этому человеку 40 лет. Воин Красной Армии, спаси!

Е. П. ОВЕРЧИК
(Северодонец)

«ОБОЛВАНЯЮТ МОЛОДЕЖЬ»

ВОЗВРАЩАЯСЬ с работы, увидела знакомых девочек 16—17 лет. Услышала их разговор и не поверила своим ушам. Одна из них очень эмоционально объясняла подругам бесполезность Октябрьской революции. Надо, оказывается, было остановиться на Февральской, и тогда наше общество давно было бы процветающим. Я попыталась возразить, но девочка крикнула: «Да, я в этом уверена!» До сих пор не могу прийти в себя. Молодежь оболванивают «Собеседник», «Комсомольская правда». Вот только непонятно, почему в названии газеты присутствует слово «комсомольская». Кошунство какое-то!

Н. Н. САФОНОВА
(Владивосток)

«ВРЕМЯ ЗАДАВАТЬ ГЛУПЫЕ ВОПРОСЫ»

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ развелось много говорунов, дилетантов. Яркий тому пример — Е. Боннэр, вдова А. Д. Сахарова. Не знаю ее общего и специального образования, но в вопросах ПВО, тактики истребителей-бомбардировщиков израильских ВВС, подготовки летного состава и командования, думаю, познания Боннэр неглубоки. Это было бы опасно, если бы она не задавала провокационных вопросов со страниц «Известий» начальнику одного из управлений Генштаба Вооруженных Сил СССР. Через «Известия» я попросил ее ответить, служила ли она в истребительной авиации. Попутно заинтересовался, на какие деньги она ездит за рубеж и кто ее туда приглашает. Редакция «Известий» не сочла нужным ответить мне, а вот задавать глупые вопросы генералу из Генштаба на ее страницах может чуть ли не каждый член добровольного общества борьбы за трезвость.

В. И. ПРОТАСОВ
(Иркутск)

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

(Оборонительная
операция
16-й армии
Западного фронта
в битве
под Москвой)

*Полковник Б. И. НЕВЗОРОВ,
кандидат исторических наук*

ПРОТИВНИК, перейдя в конце октября к обороне, сразу же начал подготовку к захвату Москвы до наступления зимы. Замыслом командования группы армий «Центр» предусматривался охват столицы с севера (операция «Волжское водохранилище»). Суть его заключалась в том, чтобы ударами с рубежа нижнего течения реки Лама на Клин, Солнечногорск и из района Волоколамска на Истру, Солнечногорск окружить и уничтожить войска правого крыла Западного фронта. В дальнейшем намечалось развивать наступление в обход Москвы с северо-востока¹. Окружение планировалось осуществить соединениями 9-й и 4-й полевых армий. Ударная группа 9-й армии — 3-я танковая группа имела в полосе 16-й армии до 1,5 дивизии (7 тд, 14 мд). Из состава 4-й армии перед фронтом 16-й армии находилось десять дивизий 4-й танковой группы и двух армейских корпусов (схема 1).

Некоторые количественные характеристики войск сторон в полосе 16-й армии приведены в таблице. Из нее видно, что враг имел общее превосходство в силах и средствах, особенно по танкам. Преимущество его по всем показателям обеспечивало возможность ведения маневренных действий, а наличие оперативных и тактических резервов позволяло быстро наращивать усилия в ходе наступления. К слабым сторонам наступательных возможностей противника необходимо отнести растянутость коммуникаций и неподготовленность войск к боям в зимних условиях.

16-я армия² Западного фронта имела задачу не допустить прорыва противника на волоколамско-истринском и тереево-клинском направлениях. Справа от нее оборонялась 30-я армия Калининского фронта, слева — 5-я армия. Разрыв между ними был соответственно до 15 и 10 км. Отсутствие войск на стыках с соседями создавало угрозу обоим флангам армии.

Командующий армией принял решение на оборонительную операцию. Основные усилия он сосредоточил на удержании главной полосы с массированием сил и средств на важнейшем волоколамско-истринском направлении. Здесь плотности по артиллерии и танкам были соответственно в 3,3 и 5 раз выше, чем их средние значения во всей полосе обороны. Наличие второго эшелона и резервов увеличивало ее глубину до 50 км. Глубокое оперативное построение армии обеспечивало нарастающее противодействие врагу, возможность маневра и своевременного проведения контрударов, повышало устойчивость и активность обороны.

Оборудование второй (армейской) полосы, кроме главной, а также наличие фронтового рубежа были новым явлением в практике советского военного искусства, положившим начало переходу

¹ Рейнгардт Клаус. Поворот под Москвой. — М.: Воениздат, 1980. — С. 166—168.

² 16-я армия (командующий — генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, член военного совета — дивизионный комиссар А. А. Лобачев, начальник штаба — полковник М. С. Малинин) в своем составе к 14 ноября имела: четыре стрелковые (316, 18, 78, 126 сд), две кавалерийские (50, 53 кд), одну авиационную (46 сад) дивизии, три танковые бригады (1 гв., 27, 28 тбр), курсантский полк МКПУ и отдельные части.

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ, ПЛОТНОСТЬ
И СООТНОШЕНИЕ СИЛ И СРЕДСТВ СТОРОН
НА 14 НОЯБРЯ 1941 года**

Наименование	Общее в полосе армии (70 км)					На направлении Волоколамск, Истра (10 км)				
	Противник		16-я армия		Соот- ноше- ние	Противник		16-я армия		Соот- ноше- ние
	Коли- че- ство	Плот- ность (на 1 км фрон- та)	Коли- че- ство	Плот- ность (на 1 км фрон- та)		Коли- че- ство	Плот- ность (на 1 км фрон- та)	Коли- че- ство	Плот- ность (на 1 км фрон- та)	
Личный состав, тыс.	140	—	59	—	2,4:1	61	—	34	—	1,8:1
Орудия и миноме- ты	2017	28,8	657	9,4	3,0:1	806	80,6	316	31,6	2,5:1
в том числе про- тивотанковые орудия	533	7,6	245	3,5	2,2:1	206	20,6	156	15,6	1,3:1
Танки	755	10,8	75	1,0	10,0:1	604	60,4	52	5,2	12,0:1

* См.: ЦАМО СССР, ф. 208, оп. 6892, д. 11, лл. 5—27; ф. 358, оп. 5931, д. 20, л. 49; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — М.: Воениздат, 1964. — С. 52.

от однополосного к многополосному построению обороны.

Система противотанковой обороны (ПТО) охватывала всю глубину построения армии. Количество противотанковых районов по сравнению с началом октября увеличилось с 1—2 до 30, а плотность минирования — в 5 раз (до 540 ПТМ на 1 км фронта)³. Для борьбы с танками предусматривалось использовать артиллерию всех систем, танки, средства пехоты и армейскую авиацию. Создавались артиллерийский противотанковый резерв (АПТР) и подвижный отряд заграждения (ПОЗ). Массирование противотанковой артиллерии на главном направлении позволило увеличить ее плотность в 4,5 раза по сравнению со средним значением во всей полосе обороны.

Плотность в 0,57 зенитного орудия на 1 км фронта (ниже требуемой в 25—35 раз) делало символической противовоздушную оборону армии. Использовать же в этих целях истребительную авиацию оказалось невозможным. При визуальной разведке (РЛС обнаружения отсутствовали) рубеж перехвата вражеских самолетов из положения «дежурство на аэродроме» оказывался в 60—70 км от переднего края. Нереальной была и организация дежурства в воздухе, когда в составе самолетного парка 46-й смешанной авиационной дивизии (командир полковник А. А. Бурдин) имелось всего 11 истребителей. Крайняя слабость системы ПВО снижала устойчивость обороны армии.

Стрелковые дивизии получили задачу оборонять полосы шириной от 9 до 16 км, курсантский полк — участок в 10 км. При такой их величине боевые порядки большинства соединений (частей) были одноэшелонными с выделением резерва (1—2 стрелковых батальона) и органи-

зацией 2—3 артиллерийских групп поддержки пехоты (ПП). В два эшелона строились только 18-я и 78-я стрелковые дивизии (командиры полковники П. Н. Чернышев и А. П. Белобородов). Для прикрытия открытого правого фланга армии от 126-й стрелковой дивизии полковника А. Н. Вронского и курсантского полка полковника С. И. Младенцева высылались отдельные отряды (силой до взвода каждый). Левый фланг обеспечивала 78-я стрелковая дивизия, заняв часть полосы обороны 5-й армии шириной до 10 км.

В целом построение обороны 16-й армии отвечало обстановке, замыслу на операцию и боевым возможностям войск. Опираясь на высокий моральный дух воинов, она была способна успешно выполнить поставленную боевую задачу.

Однако перед самым началом операции созданная оборона была нарушена. Во второй половине дня 14 ноября Верховный Главнокомандующий поставил Западному фронту задачу сорвать готовившееся наступление противника упреждающими контрударами из районов Волоколамска и Серпухова. Контрудар в районе Волоколамска возлагался на 16-ю армию. Его цель: разгромить 106-ю, 35-ю пехотные и 2-ю танковую гитлеровские дивизии, овладеть Волоколамском и, выйдя на реку Лама, закрепитесь там. Группировку войск приказывалось создать за счет соединений, передаваемых из резерва фронта⁴, и проведения маневра внутри армии.

Генерал-лейтенант К. К. Рокоссов-

⁴ С 15 ноября в состав 16-й армии передавались одна танковая (58 тд — командир генерал-майор танковых войск А. А. Котляров) и пять кавалерийских (17, 18, 20, 24 и 44 кд — под командованием полковника В. А. Гайдукова, генерал-майора П. С. Иванова, полковников А. В. Ставченко, Я. К. Кулиева и П. Ф. Руклина) дивизий, находившихся в районах сосредоточения на удалении 40—80 км от переднего края. При этом 18 кд к началу контрудара не прибыла и в его проведении не участвовала.

³ История военного искусства. — М.: Воениздат, 1984. — С. 140.

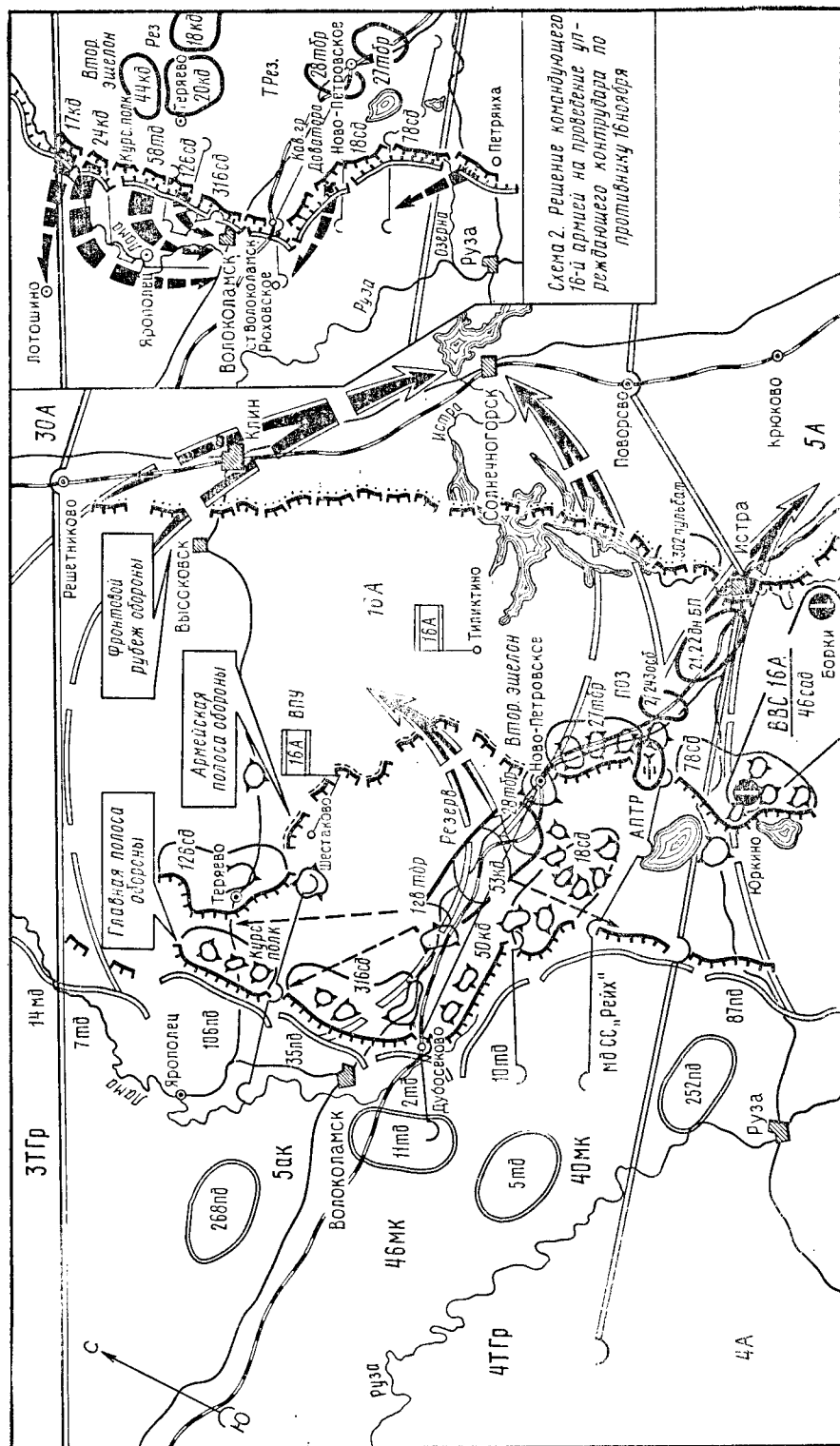

Схема 2. Решение командующего 16-й армией на проведение фронтальной контрудара по противнику 16 ноября

Схема 1. Решение командующего 16-й армией на оборонительную операцию. Положение войск на 14 ноября 1941 г.

ский решил контрудар нанести силами четырех дивизий (58 тд, 126 сд, 44 и 20 кд) в направлении Теряево, Ярополец, уничтожить основную вражескую группировку, в дальнейшем наступать на Волоколамск (схема 2). Планировался вспомогательный удар двумя дивизиями (17 и 24 кд) и курсантским полком в направлении Дотошино, западнее Ярополец, ст. Волоколамск. Он должен был обеспечить главные силы армии от атак противника с севера и северо-запада и отрезать ему пути отхода на запад и юго-запад. Одновременно наступлением в центре (двумя левофланговыми полками 316-й стрелковой дивизии, кавалерийской группой генерал-майора Л. М. Доватора с 1-й гвардейской танковой бригадой) и на левом фланге (78-й стрелковой дивизией) предполагалось оказать содействие контрударной группе в разгроме врага у Волоколамска и улучшить свое положение. Атака назначалась на 10 часов 16 ноября⁵.

С прибытием танковой и четырех кавалерийских дивизий состав армии увеличился на 22 тыс. человек, 187 орудий и минометов и 191 танк (БТ-7м и Т-26)⁶. И хотя этим несколько улучшилось общее соотношение сил и средств, оно в целом оставалось в пользу немецко-фашистских войск (в 1,7; 2,4 и 2,8 раза соответственно). Следует также отметить, что указанные соединения прибыли в исходные и выжидательные районы за 1—1,5 часа до наступления.

Таким образом, армия должна была нанести упреждающий контрудар по противнику, уступая ему в силах и средствах. Это обстоятельство делало весьма слабыми шансы на успех контрудара, а также оказало негативное влияние на возможности обороны. Последнее вытекало из того, что была уменьшена глубина оперативного построения армии вследствие ликвидации второго эшелона (перегруппировкой 126 и 78 сд в главную полосу); ослаблена система ПВО (передача орудий ударным группировкам привела к ликвидации 13 противотанковых районов и АПТР армии); уменьшились возможности по парированию всякого рода неожиданностей из-за сокращения состава резерва (53 кд и 1 гв. тбр под командованием комбрига К. С. Мельника и генерал-майора танковых войск М. Е. Катуква были включены в состав кавгруппы генерал-майора Л. М. Доватора).

В таких условиях после двухнедельной паузы начались боевые действия. С утра 16 ноября гитлеровцы перешли в атаку в центре обороны 16-й армии (схема 3). Двумя часами позже войска 16-й армии контратаковали врага и продвинулись на правом фланге от 2 до 9 км, на левом — 2 км. При этом ее 17-я кавалерийская дивизия полковника В. А. Гайдукова во встречном бою с 7-й тан-

ковой дивизией неприятеля потеряла за день около 75 проц. боевого состава и начала отход на восток. В центре полосы противнику удалось вклиниться в оборону 316-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор И. В. Панфилов, с 20 ноября — генерал-майор В. А. Ревякин) на глубину 2—3 км⁷.

Для развития успеха контрударных группировок генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский утром 17 ноября ввел в сражение второй эшелон. На участке его ввода глубина продвижения увеличилась с 2 до 5—6 км. В целом контрудар своих целей не достиг и наступающие соединения к концу дня перешли к обороне. Тем не менее он имел такие положительные стороны, как достижение внезапности и сковывание противостоящей группировки врага. Застигнутый врасплох, противник был вынужден отвести с занимаемых позиций части 106-й пехотной дивизии, а усилия 35-й направить на отражение наших атак. Это облегчило положение советских войск, оборонявшихся в центре армейской полосы. Но цена в целом скромного успеха оказалась слишком высокой — 92 проц. подбитых танков, большие потери людей и конского состава.

Неудача контрудара, кроме невыгодного соотношения сил и недостаточной подготовки войск, была обусловлена слабым огнем поражением противника из-за низкой плотности артиллерии (9,8 орудия и миномета на 1 км фронта); недостатком боеприпасов и отсутствием плановой артиллерийской поддержки; неумелым выбором момента его проведения, ибо «враг был достаточно силен, а его наступательный пыл еще не охладел»⁸.

17 ноября противник продолжал наступление в центре армейской полосы, расширив участок вклинения до 8 км. К этому времени его 3-я танковая группа вышла на северный берег Волжского водохранилища и, расчленив 30-ю армию, создала угрозу захвата Клина. В сложившейся обстановке командование Западного фронта приняло ряд мер по усилению обороны на правом крыле. В частности, 16-й армии приказывалось завершить контрудар и к исходу 18 ноября передать 58-ю танковую, 17, 24 и 18-ю кавалерийские дивизии в 30-ю армию (с 23 часов 17 ноября вошла в состав Западного фронта), а остальным войскам отойти на исходные позиции.

Это дало врагу возможность расширить масштабы наступления. К исходу третьего дня ему удалось вытеснить с главной полосы обороны 316-ю, 18-ю стрелковые дивизии и кавгруппу Л. М. Доватора и тем самым создать условия для развития тактического успеха в оперативный. Утром 19 ноября гитлеровцы нанесли удар в полосе 16-й армии силами семи дивизий и к концу дня продвинулись от 2 до 10 км. Одновременно

⁵ ЦАМО СССР, ф. 358, оп. 5916, д. 64, лл. 84—87.

⁶ Там же, ф. 3046, оп. 1, д. 7, лл. 213, 224; ф. 17 кд, оп. 7010, д. 1, лл. 10—15; ф. 17 гв. (20) кд, оп. 4441, д. 3, л. 3; ф. 24 кд, оп. 4474, д. 3, лл. 18—27; ф. 44 кд, оп. 4077, д. 2, лл. 7—12.

⁷ Там же, ф. 358, оп. 5916, д. 77, лл. 1—5.

⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.: АПН, 1974. — С. 29.

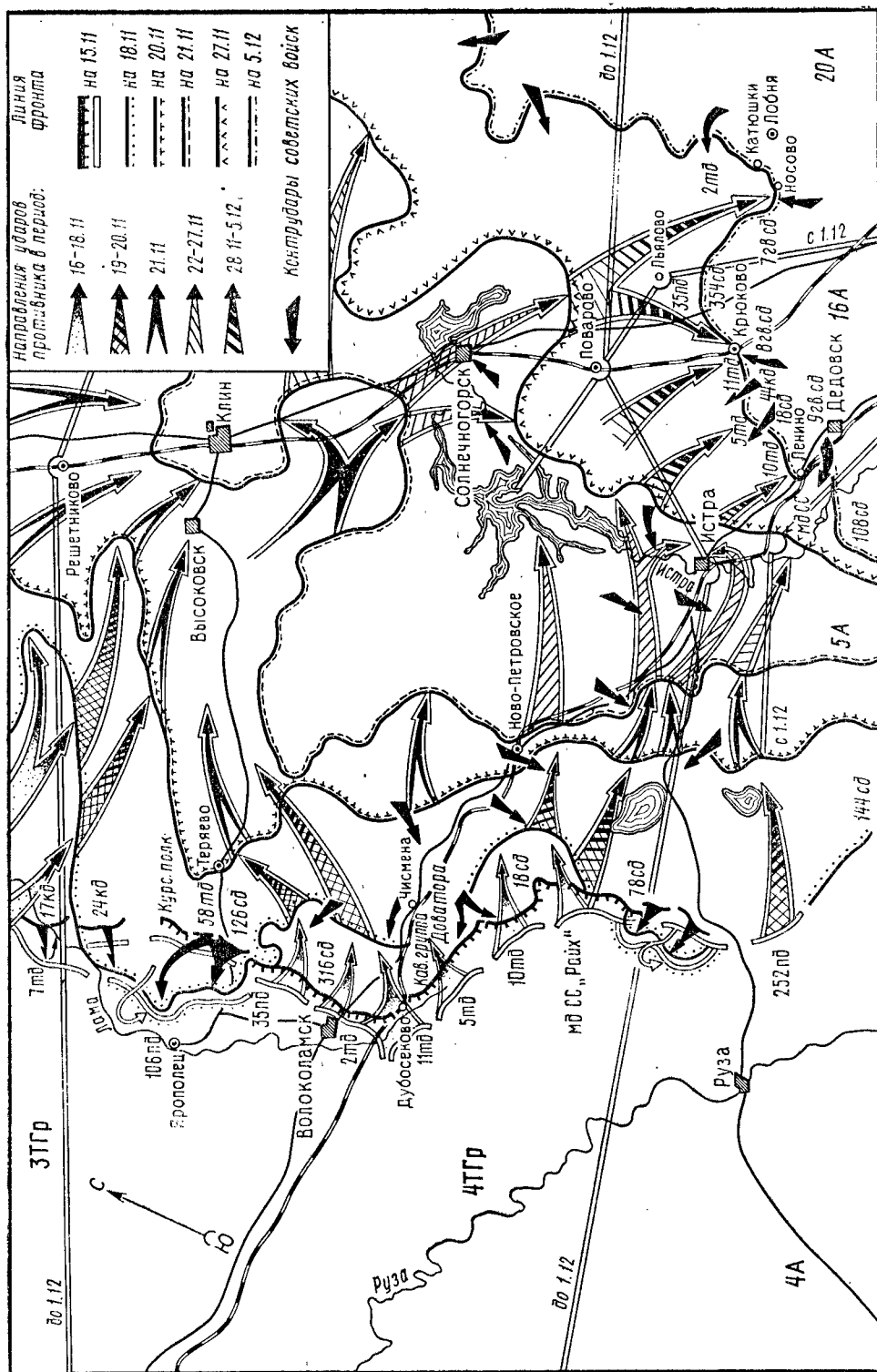

Схема 3. Ведение оборонительной операции войсками 16-й армии 16 ноября—5 декабря 1941 г.

3-я танковая группа получила задачу наступать на Клин, чтобы отрезать пути отхода 16-й армии в полосе действий 4-й танковой группы⁹. К исходу 20 ноября части 3-й танковой группы вышли на рубеж в 15—20 км к северу и западу от Клина.

Командование фронта 20 ноября приказало 16-й армии отойти на армейскую полосу обороны. Отход был завершен к исходу следующего дня. При этом немецко-фашистским войскам удалось использовать свое превосходство в маневренных возможностях. Так, когда 126-я стрелковая дивизия достигла указанного ей рубежа, 2-я танковая дивизия противника находилась уже в 4—5 км восточнее него, еще более осложнив обстановку на правом фланге объединения. 23 ноября армия, находясь под угрозой полного окружения, вынуждена была оставить Клин. В тот же день пал и Солнечногорск.

С потерей Клина и Солнечногорска по приказу командования фронта соединения армии к 25 ноября отошли на фронтальной рубеж обороны. Утром 26 ноября враг повел наступление на Истру. К рассвету 27 ноября, когда противник обошел его с севера и юга, 78-я стрелковая дивизия оставила город. В последующие восемь дней наступления (28 ноября — 5 декабря) за счет невероятных усилий, ввода последних резервов и огромных потерь противник смог продвигаться вдоль Волоколамского шоссе еще на 7 км, а Ленинградского — до 15 км. На рубеже поселков Крюково, Ленино в полосе обороны армии фашисты были остановлены окончательно.

Таким образом, несмотря на энергичное наступление мощной группировки, имевшей высокие плотности и значительное превосходство в силах и средствах, гитлеровцам к 5 декабря удалось отгеснить 16-ю армию на 40—70 км к востоку и юго-востоку. При этом противник не добился главной цели; осуществить глубокий оперативный прорыв, отрезать пути отхода, окружить и уничтожить войска армии и тем самым создать условия для захвата Москвы. Средний темп его наступления составил 2—3,5 км в сутки (против 50—60 км в приграничных сражениях и 30—40 км в начале битвы под Москвой). Резкое его снижение свидетельствует о возросшей устойчивости обороны советских войск. Это было достигнуто: совершенствованием ее построения; высокой стойкостью и активностью войск; завоеванием господства в воздухе; своевременным восстановлением боеспособности соединений и частей; твердым и непрерывным управлением войсками; действенной партийно-политической работой.

Увеличение глубины подготовленной обороны и создание системы оборонительных рубежей позволили задерживать наступление противника при прорыве им тактической зоны. Так, отошедшие на вторую (армейскую) полосу части

78-й стрелковой дивизии удерживали здесь оборону почти пять суток.

Войска армии оборонялись очень стойко. Они не отходили без приказа, действуя часто с открытыми флангами, в полуокружении и окружении. Бои в окружении на главной полосе вели, например, 690-й и 1077-й полки 316-й (17—18.11), на армейской — 258-й и 40-й полки 78-й стрелковой дивизии (23.11). С наступлением темноты они выходили к главным силам.

Беспримерное мужество и массовый героизм тысяч солдат, сержантов и офицеров задерживали продвижение врага, срывали его планы. Не имея возможности в рамках статьи даже просто перечислить все имена, достойные вечной памяти, вспомним героев-панфиловцев во главе с политруками В. Г. Клочковым и П. Б. Вихревым, лейтенантом В. Г. Угрюмовым и младшим лейтенантом П. И. Фирстовым. Они погибли, но не пропустили врага через занимаемые позиции у разъезда Дубосеково и деревень Петелино, Мыканино и Строково в полосе 316-й стрелковой дивизии. Их подвиг в 18-й стрелковой дивизии повторили 36 бойцов химического взвода под командованием младшего лейтенанта Н. Кульчицкого. Они обеспечили отход 365-го стрелкового полка с армейской полосы обороны, уничтожив у деревни Ефимоново Истринского района 20 танков и десятки солдат противника¹⁰. Вызывает восхищение боевое мастерство экипажа старшего лейтенанта Д. Ф. Лавриненко, вступившего у деревни Гусенево в бой с 18 танками врага и подбившего 7 из них. На боевом счету отважного офицера-танкиста к моменту гибели его у Волоколамска (19.12.1941 г.) было 52 уничтоженных танка.

Стойкость советских солдат давала возможность задерживать продвижение противника, создавать условия для проведения контратак (контрударов) и организованно отводить войска на новые рубежи. Мужество и героизм воинов был и остается одним из решающих факторов повышения устойчивости обороны.

Как известно, высшим проявлением активности войск в обороне является проведение контратак и контрударов. В ходе ведения операции они проводились силами контрударной группы армии на направлении Теряево, Ярополец (16—18 ноября); 8-й гвардейской стрелковой дивизии в районах Чисмены (20 ноября) и Новопетровское (21 ноября); кавалерийской группы Л. М. Доватора в районе Солнечногорска (23 ноября); 78-й стрелковой дивизии в районе 10—12 км западнее Истры и в самом городе (25 и 26 ноября) и другие. Особенно успешными такие действия были в первых числах декабря, когда гитлеровцы израсходовали свои наступательные возможности. Нанесенные в эти дни

¹⁰ За проявленную отвагу в боях, за стойкость, мужество и героизм личного состава были преобразованы в гвардейские: 316 сд в 8 гв.сд (18 ноября); 78 сд в 9 гв.сд; кавгруппа генерал-майора Л. М. Доватора в 2 гв.кк (26 ноября); 18 сд в 11 гв.сд (5 января 1942 г.).

⁹ Рейнгадт Клаус. Указ. соч. — С. 190.

контрудары 8-й, 9-й гвардейских, 18-й стрелковых дивизий совместно с 1-й гвардейской, 17-й и 146-й танковыми бригадами в полосе от Крюково до Дедовска заставили противника поспешно перейти к обороне.

Отход войск на новые оборонительные рубежи осуществлялся на основе решений высшего командования, имел характер маневра и обеспечивался аррьергардами, засадами, огнем артиллерии и ударами авиации. Расстояние по глубине между оборонительными рубежами было в среднем 20—25 км. Соединения отходили, как правило, перекатами по промежуточным рубежам. Например, командир 78-й стрелковой дивизии выделил в аррьергард стрелковый полк. В полках создавались свои аррьергарды и другие органы походного охранения. С выходом главных сил на промежуточный рубеж и отходом на него аррьергарда соединения в состав последнего назначался другой стрелковый полк, усиленный артиллерией. Аррьергард, отражая атаки противника, давал возможность остальным частям дивизии занять оборону на армейском (фронтном) рубеже. Хорошо организованный отход обеспечивал вывод армии из-под удара превосходящих сил противника, снимал угрозу его глубокого оперативного прорыва и тем самым способствовал достижению устойчивости обороны.

В конце ноября советская авиация впервые с начала войны завоевала оперативное господство в воздухе под Москвой. В итоге соединения армии получили возможность успешно выполнять боевые задачи без серьезного противодействия воздушного противника, что также значительно повысило устойчивость их обороны.

Настойчивость в проведении принятых решений, оперативное реагирование на изменение обстановки, наиболее эффективное использование войск для выполнения поставленных армии задач являлись главными в непрерывном и твердом управлении в ходе операции. Вместе с тем в условиях сложной, быстро менявшейся обстановки, отсутствия сильных резервов и острого недостатка средств связи было затруднительно управлять большим количеством подчиненных инстанций. Поэтому командование армии создавало оперативные группы путем временного объединения части войск, действовавших на разобщенных направлениях. Они создавались: для обороны Клина (группа генерал-майора Ф. Д. Захарова), обеспечения отхода войск с армейской полосы (группа генерал-майора танковых войск М. Е. Каткова), нанесения контрудара западнее Солнечногорска (группа генерал-майора Л. М. Доватора) и удержания важного рубежа восточнее Крюкова (группа генерал-майора танковых войск Ф. Т. Ремизова). Следует заметить, что отсутствие заранее подготовленных органов управления со средствами связи и поспешное формирование групп затрудняли подготовку войск и организацию взаимодействия между ними.

Противник, понеся большие потери в танках в тактической зоне, изменил тактику. Вместо нанесения ударов крупными их массами вдоль дорог он стал применять танки более мелкими группами, как правило, вне основных дорог. Ударам танков нередко предшествовали атаки пехоты, стремившейся проникнуть на огневые позиции противотанковой артиллерии и уничтожить расчеты орудий. Командование армии быстро среагировало на эти тактические приемы. Ему пришлось более широко маневрировать противотанковыми средствами, выделять больше резервов, ставить заграждения на путях движения вражеских танков, улучшать взаимодействие между родами войск. Подбигинский отряд заграждений армии и три фронтовых отряда в полосе ее обороны разрушили 310 мостов, установили 53 тыс. мин и фугасов, устроили около 400 завалов на дорогах¹¹, поднятием шлюзов затопили долины рек Истра (24 ноября), Сестра и Яхрома (28 ноября), заставив врага искать обходы. Такие методы борьбы с танками повышали устойчивость обороны.

В тяжелых оборонительных боях войска несли большие потери. На 21 ноября, например, они достигли 60 проц. в полках 78-й стрелковой дивизии и 90 проц. — в частях 18-й. Четыре танковые бригады (1 гв., 23, 27 и 28-я), вместе взятые, имели лишь 15 исправных танков¹². Задача восстановления боеспособности соединений в таких условиях решалась вышестоящим командованием. Оно в разные сроки передавало в состав армии три стрелковые дивизии, шесть стрелковых и восемь танковых бригад¹³, два артиллерийских полка и отдельные подразделения. Кроме того, ширина полосы обороны армии была сокращена почти в три раза (с 70 до 24 км). Все это способствовало росту устойчивости обороны.

Партийно-политическая работа направлялась на воспитание стойкости и мужества личного состава, личной примерности коммунистов в бою, на поддержание наступательного порыва войск. Она велась непрерывно под мобилизующими лозунгами: «Остановить врага, отстоять Москву!», «Выстоять под Москвой — значит выиграть войну», нацеленных на выполнение боевых задач и приказов. Среди них одной из самых важных была проблема повышения устойчивости обороны в противотанковом отношении. В этих целях, например, в 316-й стрелковой дивизии пропагандировали опыт бойцов — истребителей танков. Боевая практика войск показала, что моральная стойкость личного состава — один из самых важных факторов успешной борьбы с сильным врагом.

¹¹ Военно-исторический журнал — 1931. № 10. — С. 59—64.

¹² Подсчитано по: ЦАМО, ф. 783, оп. 10268, д. 2, л. 147; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. — С. 118.

¹³ В состав армии были переданы: 7-я гвардейская, 133-я и 354-я стрелковые дивизии; 17, 36, 40, 49, 37, 53-я стрелковые бригады; 17, 19, 23, 24, 25, 33, 145, 146-я танковые бригады; 126, 138 стб; 509, 610 ап ИТО и другие подразделения.

МОСКОВСКИЕ ЧЕКИСТЫ В ОБОРОНЕ СТОЛИЦЫ 1941—1942 гг.

**МЫ ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЮ
НЕСКОЛЬКО, НА НАШ ВЗГЛЯД,
ИНТЕРЕСНЫХ ДОКУМЕНТОВ
ИЗ АРХИВНОГО ФОНДА
УПРАВЛЕНИЯ НКВД ПО МОСКВЕ
И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ОДНОМУ ИЗ САМЫХ
ТЯЖЕЛЫХ ПЕРИОДОВ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ОТРАЖАЮЩИХ РОЛЬ
МОСКОВСКИХ ЧЕКИСТОВ В
ЗАЩИТЕ СТОЛИЦЫ.**

МАСШТАБНАЯ и беспощадная война началась, как известно, в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Интересным представляется то, что уже 22 июня руководством управления НКВД по Москве и Московской области был разработан и подписан план мероприятий по обеспечению государственной безопасности города и области в связи с начавшейся войной. К 7 часам утра, т. е. через 3 часа после начала войны, весь оперативный состав переводился на казарменное положение, принимались другие неотложные меры. Это был первый документ московских чекистов военного времени.

«Сов. секретно»

План агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению государственной безопасности г. Москвы и Московской области

Для обеспечения государственной безопасности г. Москвы и Московской области в связи с начавшимися военными действиями между СССР и Германией провести по УНКГБ и УНКВД г. Москвы и Московской области следующие оперативные мероприятия:

1. С 7 ч 00 мин 22.06.1941 г. весь оперативный состав управлений перевести на казарменное положение.

2. 22.06.1941 г. по отделам, межрайотделам, горотделам и райотделениям просмотреть все имеющиеся агентурные и следственные материалы на лиц, избранных в антисоветской и уголовно-преступной деятельности.

3. С 22.06.1941 г. установить учащенный прием и инструктаж всей агентурно-осведомительной сети, направив ее на:

а) вскрытие контрреволюционного подполья и деятельности иностранных разведок;

б) выявление антисоветской и уголовно-преступной деятельности контрреволюционного элемента: авторов листовок и лиц, проявляющих пораженческие и повстанческие настроения;

в) выявление и изъятие незаконно хранящегося у населения оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ;

г) освещение политических настроений среди населения.

4. 22.06.1941 г. произвести интернирование всех германских подданных.

5. Через РО УНКВД обеспечить хранение оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, бактериологических препаратов и химикатов, устранив всякую возможность хищения и использования их в контрреволюционных целях.

6. Прекратить выдачу разрешений на приобретение всякого оружия для индивидуального пользования. У лиц, уходящих в Красную Армию, произвести изъятие нарезного оружия.

Произвести перепроверку списка лиц, имеющих гладкоствольное охотничье оружие.

7. Взять в агентурно-оперативное обслуживание оборонные заводы и крупные промышленные предприятия, радиостанции, электростанции, источники водоснабжения.

Ко всем особо важным объектам прикрепить квалифицированных оперативных работников, возложив на них ответственность за обеспечение государственной безопасности на объекте.

Всю сторожевую и пожарную охрану с 22.06.1941 г. перевести на усиленный вариант и казарменное положение.

8. По линии Мосгаза, Мосводопровода,

Мосочиствода личный состав переведен на казарменное положение.

Выделить 174 специальные аварийные машины с инструментом на случай возможных аварий.

Для чекистского обслуживания прикрепить 3 оперативных работников.

По линии ВВС¹, Мосэнерго и Мосгорсвета руководящий состав переведен на казарменное положение. Для ликвидации возможных аварий выделена 31 аварийная машина.

Для чекистского обслуживания прикрепить 2 оперативных работников.

9. За банками, предприятиями полиграфической промышленности, штемпельно-граверными мастерскими, организациями, сбывающими и пользующимися множительными аппаратами, а также за объектами ПВО и сильнодействующих ядов и объектами ведомственного оружия усилен надзор.

10. Обеспечить четкий порядок и безопасность движения поездов с вагонами особой нормы и организовать агентурное обслуживание лиц, имеющих отношение к воинским перевозкам.

11. Обеспечить усиленную охрану (войсковой, стрелковой НКПС и милиции) депо, вагонных парков, железнодорожных мостов, объектов связи и сигнализации. Охрану особо важных шоссе мостов поставить по усиленному варианту.

12. В целях предупреждения антисоветских проявлений и диверсионных актов на железнодорожном транспорте силами оперативного состава и особо проверенной агентуры организовать обходы главных железнодорожных магистралей и важнейших объектов.

13. Во всех случаях аварий на оборонных, промышленных объектах и на железнодорожном транспорте производить тщательное расследование.

14. Для обеспечения войсковой мобилизации по автотранспорту послать 150 госавтоинспекторов в автохозяйства и сборно-сдаточные пункты.

15. Райотделами НКВД взять контроль за своевременной и качественной поставкой автомашин по нарядам РВК и проверкой постов в сборно-сдаточных пунктах РВК, крупных формирований и погрузочных площадок г. Москвы.

16. Выставить для наружных постов и патрулирования по г. Москве 3500 человек.

17. Мобилизовать по районам Московской области 15 000 сельских исполнителей для несения наружной службы.

18. Комендатуры по охране МК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, СНК РСФСР, ИМЭЛ², ТАСС и ВСХВ³ переведены на усиленный вариант. Личный состав переведен на казарменное положение.

По охране МК ВКП(б) выделить дополнительно 20 человек для несения службы. Для прохода в здание введены специальные пропуска.

19. О всех проведенных агентурно-оперативных мероприятиях по обеспечению

государственной безопасности г. Москвы и Московской области, выявленных происшествий, отрицательных и положительных настроениях среди населения немедленно информировать спец[иальными] докладными записками и донесениями НКГБ и НКВД СССР.

Начальник УНКГБ г. Москвы и Московской области
комиссар госбезопасности
3 ранга

Кубаткин

Начальник УНКВД г. Москвы и Московской области

ст[арший] майор госбезопасности
Журавлев».

ИЗВЕСТНО, что начальный период войны складывался неблагоприятно для нашей страны. Перейдя по всей линии западной границы в наступление, противник продолжал продвигаться на восток. Требовались дополнительные оборонные мероприятия.

В соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) и СНК СССР в июне 1941 года в Москве начали создаваться истребительные батальоны, руководство которыми было поручено Управлению НКВД по г. Москве и Московской области. На истребительные батальоны возлагались задачи по охране промышленных предприятий, железнодорожных сооружений, электростанций и других объектов, которые могли подвергнуться нападению парашютных десантов и диверсантов противника. Уже в следующем месяце задачи батальонов были существенно расширены.

«Из приказа Наркомата внутренних дел СССР о мероприятиях по борьбе с десантами и диверсантами противника в Москве и Московской области от 9 июля 1941 года

Кроме основной задачи по уничтожению десантов и диверсантов противника на истребительные батальоны г. Москвы и пригородных районов возложить:

а) борьбу с возможными контрреволюционными выступлениями;

в) организацию усиленного патрулирования и оказания содействия органам милиции в поддержании общественного порядка во время воздушной тревоги;

г) установление тщательного наблюдения в районах возможной высадки десантов и диверсантов противника.

1. Начальникам районных отделов НКВД и начальникам истребительных батальонов в суточный срок разработать план взаимодействия истребительных батальонов с органами милиции, частями и подразделениями войск НКВД, военизированной охраны, предусмотрев в первую очередь мероприятия по обеспечению охраны объектов военного значения и не охраняемых войсками Красной Армии аэродромов и посадочных площадок.

2. Начальнику УНКВД по Московской области и начальнику штаба по борьбе с де-

¹ ВВС — высоковольтная воздушная сеть.
² ИМЭЛ — Институт Маркса, Энгельса, Ленина.

³ ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

сантами и диверсантами противника по Москве и Московской области истребительные батальоны г. Москвы и пригородных районов довести до 500 человек каждый, доукомплектовав их проверенными, смелыми коммунистами, комсомольцами и советскими активистами, а также из числа призванных в народное ополчение, способных владеть оружием».

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ батальоны создавались в каждом районе г. Москвы и Московской области из числа лиц, не подлежащих призыву в Красную Армию. К концу июля 1941 года было сформировано 87 истребительных батальонов общей численностью 25 000 человек. В них набирались в основном добровольцы. Вот два из тысяч заявлений:

«В Штаб истребительных батальонов.

В этот серьезный для моей Родины час считаю своим гражданским долгом принести стране как можно больше пользы.

Я по профессии — журналист. Помимо своего профессионального оружия — пера умею отлично управлять автомобилем (у меня собственная машина М-1). Эти знания могу приложить на практике.

Прошу зачислить меня бойцом-добровольцем вместе с принадлежащей мне машиной.

В. Викентьев

8 августа 1941 г.».

«Начальнику отдела УНКВД МО

ЗАЯВЛЕНИЕ

от раб[очего] фабрики Фрунзе
Соловьева Ивана Дмитриевича

Я, гражданин Советского Союза, желаю добровольно пойти в партизанский отряд, так как я, не жалея своей жизни, буду громить до конца фашистских варваров.

Соловьев».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ истребительных батальонов была весьма многообразна. Они на протяжении своего существования активно проводили розыск и задержание диверсантов, шпионов, фашистских летчиков со сбитых самолетов. Только к концу января 1942 года было задержано 3650 нарушителей военного режима, 629 из них были осуждены по различным составам преступлений, некоторые находились под следствием, остальные в большинстве своем переданы райвоенкоматам и на сборные пункты войсковых частей. Помимо повседневной боевой и политической подготовки бойцы истребительных батальонов несли службу по охране военных объектов, важнейших мостов, аэродромов, узлов и линий связи, патрулировали в крупных населенных пунктах и районных центрах области. Активное участие воины истребительных батальонов принимали в тушении пожаров, возникавших в результате налетов вражеской авиации, ликвидации

последствий этих налетов. Из местного населения создавались группы содействия в количестве от 3 до 7 человек для оказания помощи истребительным батальонам.

В ночь на 22 июля 1941 года немецкая авиация произвела первый массированный налет на Москву.

Об этом налете 23 июля Московское управление НКВД сообщило:

«В результате налета вражеских самолетов в г. Москве и Московской области нами зарегистрированы повреждения и пожары промышленных объектов, транспорта и жилых строений.

Всего в г. Москве от зажигательных бомб возникло 1141 пожар и загорание, из которых значительная часть своевременно ликвидирована. Из них: на оборонно-промышленных объектах — 24, на объектах воен[ного] вед[омства] — 18, на особо важных объектах — 14, на объектах жел[езно]дор[ожного] транспорта — 6, на объектах хозяйственного значения — 259, в научных и культурно-зрелищных учреждениях — 175, в жилом секторе — 646.

От пожаров и разрушений пострадало 943 человека. Из них убито 213, тяжело ранено 353, легко ранено 377 чел[овек].

По предварительным данным осталось без крова 1980 человек...

За истекшие сутки за нарушение правил светомаскировки привлечено к ответственности 15 человек».

КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ материалы того времени, гитлеровское командование задолго до войны начало обкатку военных летчиков по маршруту Берлин — Москва. С конца 1940 года до начала войны было отмечено большое количество новых экипажей гражданской авиации, которые полностью состояли из военных асов люфтваффе. Всего на Москву был совершен 141 налет, сброшено 1610 фугасных и более 100 тыс. зажигательных бомб. В результате этих налетов убито 2200 и ранено около 6000 жителей Москвы, разрушено 167 и повреждено 276 жилых домов, 115 промышленных предприятий.

Для предотвращения разрушения промышленных объектов была поставлена задача в короткие сроки разработать и начать строительство ложных объектов, предназначенных для введения в заблуждение авиации противника. За период с 30 июля по 28 ноября 1941 года при активном участии чекистов в разных пунктах Московской области было построено семь макетов заводских корпусов, два макета элеваторов со всеми службами, макет нефтебазы, ложный военный лагерь, девять ложных аэродромов с макетами самолетов. Перечисленные сооружения сыграли важную роль в дезинформации противника. На ложные объекты фашисты сбросили,

585 фугасных, более 2500 зажигательных и 156 осветительных бомб.

С первых же дней вступления немцев на территорию Московской области, а это произошло в середине октября 1941 года, истребительные батальоны приступили к боевым действиям. Они сражались вместе с частями Красной Армии, принимали участие в организации истребительных групп для внезапных действий и разведки в тылу врага.

Еще задолго до оккупации некоторых районов Московзской области партийными органами при непосредственном участии НКВД была проведена подготовительная работа. В сентябре заблаговременно УНКВД разработало план о действиях истребительных батальонов на случай оккупации противником районов Московской области. Приведем его с незначительными сокращениями:

«УТВЕРЖДАЮ

Начальник управления НКВД
Моск[овской] обл[асти] ст[арший] майор
государственной безопасности
(ЖУРАВЛЕВ)

26 сентября 1941 г.

Сов. секретно

П Л А Н

мероприятий по переходу истребительных батальонов области к борьбе с противником на занятой им территории

I. Общие мероприятия:

1. В случае необходимости все истребительные батальоны области переходят к борьбе с противником партизанским методом и методами диверсий.

2. В связи с этим в истребительных батальонах области заранее произвести тщательный персональный отбор тех бойцов, которые смогут выполнять указанные задачи. Аналогичный отбор произвести и в батальонах города из бойцов, хорошо знающих районы области северо-западного, западного, южного и юго-восточного направлений.

3. Через РК ВКП(б) и РО УНКВД МО выявить всех лиц, могущих быть использованными для партизанской и диверсионной деятельности в каждом районе области и доукомплектовывать ими партизанские отряды.

4. С 1 октября с. г. во всех истребительных батальонах области северо-западного, западного, южного и юго-западного направлений регулярно проводить занятия о задачах и методах действий партизанских отрядов по специально разработанной программе...

II. Организация партизанских отрядов.

1. Во всех районах области северо-западного, западного, южного и юго-восточного направлений из числа бойцов истребительных батальонов, дислоцируемых в данных районах, организовать партизанские отряды. Общее количество всех намеченных к организации партизанских отрядов определить исходя из значения данного района и возможных мест укрытия...

2. Партизанские отряды в каждом районе должны будут действовать главным образом на железных и шоссейных дорогах с целью дезорганизации движения на них и максимального уничтожения живой силы и материальной части противника. В зависимости от обстановки, наличия движения по дорогам и важности района действия партизанские отряды проводят свои операции в данном районе или самостоятельно, или объединенно.

3. В течение первой половины октября месяца с. г. подобрать командиров и комиссаров для партизанских отрядов первой очереди.

III. Диверсионные группы.

1. Для срыва работы железнодорожных узлов посадить по 2 диверсионные группы на наиболее важных узлах и станциях...

3. Общую численность диверсионных групп во всех районах северо-западного, западного, южного и юго-восточного направлений определить в 163 группы...

IV. Подготовка спецкадров.

1. Организовать при 83-м истребительном батальоне спецшколу по подготовке кадров для диверсионных групп и партизанских отрядов с переменным составом в 200 человек. Срок обучения в спецшколе установить в 10 дней. Занятия в школе начать с 1 октября с. г....

5. Организовать специальные курсы связистов по поддержанию связи с руководителями партизанских отрядов и диверсионных групп. На эти курсы направить наиболее способных и подходящих для выполнения этой работы бойцов истребительных батальонов, хорошо знающих районы предполагаемых действий отрядов и групп. По окончании обучения с каждым связистом в отдельности разработать все мероприятия по связи.

Зам[еститель] начальника
отдела УНКВД Моск[овской] обл[асти]
капитан государственной безопасности
КУЗОВЛЕВ

«СОГЛАСЕН»: Начальник отдела УНКВД
Моск[овской] обл[асти]
генерал-майор КРАМАРЧУК.

Публикацию подготовили
полковник Ю. Б. СМЕРНОВ,
полковник В. Г. УШАКОВ

ГУЛАГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В ДОКЛАДЕ по случаю 45-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне Президент СССР, пожалуй, впервые на официальном уровне сказал «о тех, о ком молчали долгие десятилетия, кто незаконно был лишен честного имени и гражданских прав, заключен в лагеря. Оклеветанные, невинно осужденные, подконвойные люди тоже вносили вклад в Победу — добывали уголь Воркуты, лес Сибири, руду и золото Магадана... Наперекор своей трагической судьбе, не щадя себя, эти люди работали для Победы».

По этому поводу в редакцию поступило много писем. Читатели просят подробнее осветить эту страницу нашей истории, в которой удивительным образом проявились высокие духовные качества волею произвола попавших в беду советских людей, что не затаили обиду на свою Родину и в трудный для нее час продолжали и за колючей проволокой ГУЛАГа служить Отечеству.

По теме ГУЛАГа имеется немало страстных публикаций. Порой эмоции захлестывают авторов, и тогда рождаются мифы, которые подчас принимаются за истину... Особое место среди такого рода мифотворцев принадлежит, бесспорно, Солженицыну. Но в конечном счете читателей интересуют не столько эмоции, слухи, сколько цифры и проверенные факты. С этой целью главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В. Филатов пригласил в редакцию традиционных участников бесед за «круглым столом» кандидата исторических наук генерал-майора Л. ИВАШОВА и кандидата юридических наук полковника А. ЕМЕЛИНА.

Какую роль играл «архипелаг ГУЛАГ» в предвоенные годы?

Л. ИВАШОВ. В предвоенные годы «АГ» («архипелаг ГУЛАГ») кроме всего прочего являлся средством решения задач в экономике. Поскольку без подневольного труда заключенных государство просто не могло обойтись. Об этом откровенно (среди своих) говорил Сталин на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25 августа 1938 года, когда обсуждался вопрос о досрочном освобождении заключенных, отличившихся на строительстве одного из объектов: «Правильно ли вы предложили представить список на

освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь другую форму оценки их работы — награды и т. д.? Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. Нельзя ли дело повернуть по-другому, чтобы люди эти оставались на работе — награды давать, ордена может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут по старой дорожке. В лагере атмосфера другая, там трудно ис-

портиться. Я говорю о нашем решении, если по этому решению досрочно освободить, эти люди опять по старой дорожке пойдут... Давайте сегодня не утверждать этого проекта, а поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте...»

Ну и как же выполнил Наркомвнудел сталинский наказ?

А. ЕМЕЛИН. НКВД СССР «придумал» проект Указа «О лагерях НКВД», который 15 июня 1939 года был единогласно утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. В нем, в частности, требовалось: «Отказаться от системы условно-досрочного освобождения лагерных контингентов. Осужденный, отбывающий наказание в лагерях НКВД СССР, должен отбыть установленный судом срок полностью». Органам суда и прокуратуры было предложено прекратить рассмотрение дел по условно-досрочному освобождению из лагерей, а Наркомвнуделу прекратить практику зачетов одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания. Основным стимулом для повышения производительности труда в лагерях установить: улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим улучшением их бытового положения. По отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства следовало применять суровые меры принуждения: усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и др. меры дисциплинарного воздействия. К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства разрешалось применять более суровые, судебные меры наказания, до высшей меры включительно. Указ требовал от «компетентных органов» «лагерную рабочую силу снабжать продовольствием и производственной одеждой с таким расчетом, чтобы физические возможности лагерной рабочей силы можно было использовать максимально на лю-

бом производстве». В этой связи Совнаркому СССР предписывалось пересмотреть и утвердить нормы снабжения продовольствием и одеждой лагерной рабочей силы НКВД СССР.

Кто и каким образом попадал в «АГ»?

Л. ИВАШОВ. К концу 30-х годов сложился хорошо отлаженный «конвейер» обеспечения лагерной рабочей силой. Правовой основой его «деятельности» являлось уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, характерной чертой развития которого в то время было ужесточение санкций и сужение процессуальных гарантий обвиняемых и подсудимых. В качестве примера можно привести несколько так называемых сталинских законов.

По имеющимся сведениям, в их составлении И. В. Сталин принимал личное участие, либо они были разработаны по его поручению. Так, 7 августа 1932 года ЦИК и СНК СССР приняли совместное постановление «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Это был знаменитый «Закон о колосках», который отличался декларативным, жестким тоном. Он был очень несовершенен и с точки зрения юриспруденции, что повлекло за собой многочисленные ошибки при его применении. Впрочем, тогда все шло «в дело», и эти ошибки вскоре стали объявляться «происками врагов народа», пробравшихся в органы юстиции. Если позволите, я отвлекусь от Закона 1932 года и приведу несколько положений из совместного приказа Прокурора СССР и наркома юстиции СССР от 1 ноября 1938 года «О пересмотре уголовных дел в отношении колхозного и сельского актива и отдельных колхозников, осужденных в 1934—1937 гг.». В этом документе говорилось, что к ноябрю 1938 года были пересмотрены уголовные дела в отношении 1 179 998 человек, из которых с 480 378 досрочно сняли судимость, в отношении 106 719 человек прекратили все дела; снизили наказание и осво-

бодили от дальнейшего его отбывания 22 785 человек. В качестве объяснения причин таких чудовищных по масштабам судебных ошибок указывалось на вражескую работу в органах юстиции, выразившуюся в практике массового и необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

Сколько же человек было осуждено по Закону от 7 августа 1932 года?

Л. ИВАШОВ. Такими данными я не располагаю, но в уже приводившемся документе указывалось на имевшиеся большие недостатки в работе по пересмотру подобных дел, и в частности на медлительность, из-за чего много дел остались непересмотренными, особенно в РСФСР, Армянской и Азербайджанской республиках.

Итак, что же представлял собой «Закон о колосках»?

А. ЕМЕЛИН. В преамбуле излагалась официальная версия принятия этого правового акта и давалась политическая оценка посягательств на социалистическую собственность. В частности, отмечалось, что конкретным поводом послужили участвовавшие «жалобы рабочих и колхозников на хищения (воровство) грузов на железнодорожном и водном транспорте и хищения (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противообщественных элементов. Равным образом участвовали жалобы на насилие и угрозы кулацких элементов в отношении колхозников, не желающих выйти из колхозов и честно и самоотверженно работающих за укрепление последних». В этой связи ЦИК и СНК СССР отметили, что «общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа». Исходя из этих соображений и идя навстречу требованиям рабочих и колхозников, Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза

СССР приняли вышеназванное постановление. В действительности, появление Закона от 7 августа 1932 года обусловлено страшным голодом, постигшим в 1932—1934 гг. наиболее плодородные районы Украины, Северного Кавказа, Поволжья, Южного Урала, Казахстана, в результате которого погибло несколько миллионов советских граждан и, естественно, осложнилась криминальная ситуация в стране.

В I и II частях постановление требовало за хищения грузов на железнодорожном и водном транспорте, а также колхозного и кооперативного имущества («урожай на полях, общественные запасы, скот, кооперативные склады и магазины и т. п.») применять «высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже десяти лет с конфискацией всего имущества». В III части ставилась задача «вести решительную борьбу с теми противосоциальными кулацко-капиталистическими элементами, которые применяют насилие и угрозы или проповедуют применение насилия и угроз к колхозникам с целью заставить последних выйти из колхоза, с целью насильственного разрушения колхозов». Такие действия были приравнены к государственному преступлению, и за их совершение устанавливалась ответственность в виде лишения свободы от пяти до десяти лет с заключением в концентрационный лагерь. Амнистию ко всем осужденным по Закону от 7 августа 1932 года применять запрещалось.

Л. ИВАШОВ. Могу добавить, что в апреле 1935 года был понижен минимальный возраст, с которого человек мог привлекаться к уголовной ответственности. За совершение краж, причинение телесных повреждений, убийства и другие тяжкие преступления к уголовной ответственности стали привлекать с 12 лет с применением всех мер уголовного наказания. За исключением, разумеется, высшей меры — расстрела, который в соответствии с действовавшим уголовным законодательством не применялся к лицам, не дос-

тигшим 18-летнего возраста в момент совершения преступления *.

А. ЕМЕЛИН. Но, пожалуй, самым масштабным по количеству осужденных, а следовательно, и эффективным с точки зрения интересов «АГ» являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», принятый «согласно представлению Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов» 26 июня 1940 года. Указ отменил право рабочих и служащих по своему желанию оставлять или менять место работы и установил ответственность в виде тюремного заключения сроком от 2 до 4 месяцев, налагаемого по приговорам народных судов на лиц, ушедших или перешедших с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое без разрешения администрации, а также ввел уголовную ответственность за прогул в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 проц. При этом претерпело изменение само понятие прогула: вместо отсутствия на работе без уважительных причин в течение хотя бы одного дня (по законодательству начала 30-х годов) прогулом стало признаваться всякое нарушение без уважительной причины продолжительности рабочего времени свыше 20 минут. Директора предприятий и руководители учреждений за уклонение от предания суду или принятие на работу лиц, виновных в нарушении Указа, также привлекались к судебной ответственности. Таким образом, до начала Великой Отечественной войны по Указу от 26 июня 1940 года было осуждено свыше 3 млн. человек, что составляло около 8 проц. общего числа рабочих и служащих СССР, из них за прогулы — 83 проц., за самоволь-

ный уход — 16 проц. Этот Указ широко применялся в период войны и был отменен только в апреле 1956 года. Чтобы не «портить» показатели, практика его применения в общую судебную статистику не включалась.

Что же касается уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок отправления правосудия, то 1 декабря 1934 года принимается постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Это постановление установило особый порядок расследования и рассмотрения дел «о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти». Процессуальные гарантии по делам данной категории были практически сведены на нет: срок следствия, несмотря на очевидную сложность подобных дел и суровость возможного наказания, устанавливался в пределах не более 10 дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дело рассматривалось без участия сторон; кассационное обжалование приговоров и подача ходатайств о помиловании не допускались; приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно. В 1937 году почти такие же ограничения были введены при рассмотрении дел о контрреволюционном вредительстве и диверсиях.

Сказанного достаточно, чтобы иметь представление о «правовых основах» механизма комплектования «АГ». Теперь некоторые пояснения о самих «правоохранительных» органах.

А. ЕМЕЛИН. В соответствии с Конституцией СССР 1936 года (ст. 102) правосудие в СССР должно было осуществляться только судебными органами. Однако созданные при НКВД СССР еще в 1934 году Особое совещание (в центре) и различные «тройки» на местах продолжали существовать и в нарушение Конституции СССР обладали правом применять внесудебные репрессии. Так, например, Особое со-

* Это положение стало объектом разного рода политических спекуляций. Наиболее ретивые критики прошлого не раз утверждали, что дозволено было расстреливать и двенадцатилетних. К примеру, Лев Разгон в статье «Надежда нас не обманет» (Московская правда. — 1990. — 28 декабря).

вешание действовало в составе: наркома внутренних дел СССР (председатель), заместителей наркома внутренних дел СССР, уполномоченного НКВД СССР по РСФСР, народного комиссара внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело. В заседаниях Особого совещания должен был принимать участие Прокурор СССР или его заместитель. К компетенции Особого совещания относились дела о контрреволюционной агитации и пропаганде и др. в случаях, «если судебным следствием выясняется отсутствие достаточных улик и доказательств для вынесения обвинительного приговора, но когда тем не менее имеется достаточно фактов, свидетельствующих о социальной опасности обвиняемого, в силу его связи с преступной средой, прошлой его неоднократной судимости и пр.». Первоначально в административном порядке Особое совещание к лицам, признаваемым общественно опасными, могло применять: а) ссылку на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливался НКВД СССР; б) высылку на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; в) заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5 лет. Несколько позднее компетенция Особого совещания была расширена. Аналогичными правами обладали так называемые «тройки», которые создавались в союзных и автономных республиках, краях и областях и существовали до конца ноября 1938 года, а в некоторых местностях и дольше. Действовали они в составе: наркома внутренних дел союзной, автономной республики или его заместителя (начальника УНКВД или его заместителя), начальника управления милиции, прокурора и начальника соответствующего отдела, чье дело разбиралось.

Характерной особенностью карательной политики в предвоенные годы являлась тенденция к росту наказаний, связанных с лишением свободы. Так, если в 1937 году только общими судами СССР, исключая военные трибуналы и линейные су-

ды железнодорожного и водного транспорта, из 1 131 320 осужденных к лишению свободы на различные сроки свыше 1 года были приговорены 399 259 человек, то уже в 1940-м — 608 988 человек из 1 239 077 осужденных.

Видимо, представляет интерес социально-демографическая характеристика контингента осужденных.

Л. ИВАШОВ. В 1937 году, например, картина была следующей: рабочих осуждено 272 157 человек, служащих — 208 184, колхозников — 306 548; бывших членов ВКП(б) — 19 833, ВЛКСМ — 23 308; женщин — 118 960; молодых людей в возрасте от 12 до 16 лет — 17 264 человека (из них к лишению свободы — 8 891 человек).

Как можно себе представить удельный вес «АГ» в народном хозяйстве?

Л. ИВАШОВ. По этому вопросу имеется один любопытный документ — обращение наркома внутренних дел СССР Л. П. Берия в Совет Народных Комиссаров СССР от 9 апреля 1939 года, в котором, в частности, говорится о том, что на рабочую силу исправительно-трудовых лагерей в 3-ю пятилетку возлагается проведение важнейших строительных работ общей стоимостью 12 млрд. руб. Однако, «печалился» Берия, эту задачу выполнить затруднительно по причине низких норм питания заключенных, рассчитанных на человека, сидящего в тюрьме и не работающего. Но на практике, открывенничал нарком, и эта заниженная норма не соблюдается, т. к. снабжающие организации отпускают 65—70 проц. положенного довольствия. В результате значительный процент рабочей силы ИТЛ попадает в категорию слабосильных. Так, на 1 марта 1939 года таких «доходяг» насчитывалось 200 тыс. человек. Плохо обстояло дело и с механизацией работ, поскольку предыдущее руководство НКВД было избаловано избытком дармовой рабочей силы и не заботилось о наличии механизмов, повышающих эффективность работы.

В 1940 году Наркомвнуделом было выполнено около 13 проц. объема капитальных работ по народному хозяйству страны. Госплан СССР 1941 года предусматривал осуществление капитального строительства организациями НКВД на сумму 1,8 млрд. руб. Для выполнения этого задания использовался труд 1 млн. 976 тыс. заключенных.

Сколько лагерей насчитывал «АГ» накануне войны и какова численность заключенных?

А. ЕМЕЛИН. На 22 мая 1939 года в стране имелось 63 исправительно-трудовых лагеря и так называемых строителей НКВД. По состоянию на 1 марта 1940 года ГУЛАГ насчитывал 53 лагеря и строительства НКВД, 425 исправительно-трудовых колоний, в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственные, 50 колоний для несовершеннолетних. Общий контингент заключенных составлял 1 668 200 человек. По характеру преступлений заключенные распределялись следующим образом: за контрреволюционные — 28,7 проц., за особо опасные против порядка управления — 5,4 проц., за хулиганство, спекуляцию и прочие преступления против управления — 12,4 проц., должностные и хозяйственные преступления — 8,9 проц., преступления против личности — 5,9 проц., за посягательства на социалистическую собственность — 1,5 проц., прочие — 27,5 проц. «Благодаря» принятым в 1940 году чрезвычайным законам удалось несколько расширить систему ГУЛАГа и таким образом увеличить число обитателей до 2,3 млн. человек на 22 июня 1941 года. О некоторых из этих законов мы уже говорили, другие заслуживают быть упомянутыми. Например, 6 июля 1940 года состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», в процессе реализации которого только с 10 июля 1940 года по 1 февраля 1941 года были осуждены 17 588 военнослужащих, из которых к длительным срокам лишения свободы от 5 до 10 лет были приговорены 85,5 проц. По Указу от 28 декабря 1940 года учащие-

ся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за самовольный уход из училища (школы), а также за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подвергались по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года. Берия оперативно «позаботился», чтобы к 1 февраля 1941 года были дополнительно организованы 15 специальных трудовых колоний для приема вчерашних школьников.

Как «АГ» встретил начало Великой Отечественной войны?

Л. ИВАШОВ. Невзгоды заключенные разделили вместе со всем советским народом. В связи с угрозой оккупации значительной части территории СССР подлежали эвакуации 750 тыс. заключенных.

По причине транспортных трудностей многие из них проделали тысячекилометровый путь пешком. 12 июля 1941 года Президиум Верховного Совета принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с этим Указом в местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные: по Указам от 26 июня и 10 августа 1940 года («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»), кроме злостных хулиганов и рецидивистов; за маловажные бытовые преступления, имевшие остаток срока менее года; беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивистов); учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденные по Указу от 28 декабря 1940 года за нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища (школы). Всю работу по освобождению указанных контингентов следовало закончить в 10-дневный срок.

24 ноября 1941 года Президиум Верховного Совета СССР распорядился действие Указа от 12 июля 1941 года на все местности СССР и принял решение о дополнительном освобождении некоторых категорий заключенных, например, бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и мало-значительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, при этом их следовало передать в части действующей армии. Освобождению также подлежали нетрудоспособные инвалиды, старики, имевшие остаток срока наказания до 3 лет (кроме осужденных за контрреволюционные преступления).

Таким образом, в соответствии с вышеназванными Указами было освобождено довольно значительное число заключенных, из которых 420 тыс. человек по состоянию здоровья были признаны годными для военной службы и направлены в Советскую Армию.

С началом Великой Отечественной войны по решению военно-политического руководства СССР страна была превращена в единый военный лагерь.

Какие особенности в связи с этим возникли в деятельности ГУЛАГа?

А. ЕМЕЛИН. Об одной из таких особенностей мы уже говорили: я имею в виду освобождение части заключенных, годных по состоянию здоровья к военной службе, с передачей их в действующую армию. Дополнительно по специальным постановлениям Государственного Комитета Обороны и персональным решениям Президиума Верховного Совета СССР в 1942—1943 гг. было освобождено и направлено в Советскую Армию более 157 тыс. бывших заключенных. Среди них комдив Букштынович Михаил Фомич, осужденный еще 28 мая 1939 года по ст. 58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР и приговоренный к 15 годам лишения свободы; полковой комиссар Карачинов Сергей Иванович, приговоренный 26 июля 1941 года к 7 годам лишения свободы; генерал-майор Лазаренко Иван Сидорович, осужденный 17 сентября 1941 года по ст. 193-17 п. «б»,

193-20 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к высшей мере наказания; генерал-майор Кособуцкий Иван Степанович, осужденный 26 июля 1941 года по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 10 годам лишения свободы; генерал-майор Семенов Иван Иосифович, осужденный 7 октября 1941 года по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 10 годам лишения свободы; полковник Фомин Борис Андреевич, осужденный тогда же по ст. 193-17 УК РСФСР и приговоренный к 7 годам лишения свободы; генерал-лейтенант Тюрин Александр Алексеевич, осужденный 20 января 1942 года по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР и приговоренный к 7 годам лишения свободы; вице-адмирал Левченко Гордей Иванович, осужденный 29 января 1942 года по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 10 годам лишения свободы; генерал-майор Ермаков Аркадий Николаевич, осужденный тогда же по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 5 годам лишения свободы; генерал-майор Собенников Петр Петрович, осужденный 6 февраля 1942 года по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 5 годам лишения свободы и др. А всего за три года войны освобождены с передачей в армию 975 тыс. человек. Многие из них в боях с врагом проявили доблесть и героизм, были награждены орденами и медалями СССР, а Матросову, Бреусову, Отставному, Сержантову и Ефимову присвоено звание Героя Советского Союза.

Л. ИВАШОВ. В первый период войны заключенные довольно широко привлекались к строительству полевых оборонительных сооружений. Так, за счет Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материалами полевые строительства 2-го армейского управления оборонительных работ Наркомата обороны, за счет Беломор-Балтийского лагеря НКВД велись полевые строительства управлением оборонительных работ Карельского и Северного фронтов. А всего с этой целью ГУЛАГом были выделены не менее 200 тыс. заключенных.

Особое значение в годы Великой Отечественной войны имело обеспечение рабочей силой расширенного военного производства. Государственный Комитет Обороны обязал НКВД помочь кадрами 640 предприятиям и строительным объектам других наркоматов. При этих предприятиях и стройках ГУЛАГом было оборудовано 380 специальных исправительно-трудовых колоний НКВД на 225 тыс. заключенных. В производстве боеприпасов и вооружения участвовало 39 тыс.; на предприятиях черной и цветной металлургии работали 40 тыс.; в авиационной и танковой промышленности трудились 20 тыс.; угольной и нефтедобывающей — 15 тыс.; лесной — 10 тыс. заключенных и т. д. Заключенные спецколоний использовались следующим образом: на строительных работах — 34 проц.; непосредственно на производстве (в цехах) — 25 проц.; на горно-рудных работах — 11 проц.; на лесозаготовительных, погрузочно-разгрузочных — 30 проц.

Заключенные, работавшие на предприятиях оборонной промышленности, принимали непосредственное участие в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения. Так, на заводе № 711 Наркомата минометного вооружения в литейном цехе на отливке корпусов 120-мм мин использовался труд 2000 заключенных; на комбинате № 179 Наркомата боеприпасов в цехах заводов на производстве снарядов, мин и др. работали 1500 заключенных. На заводе имени Кирова Наркомата танковой промышленности в кузнечном и литейном цехах трудились 2000 заключенных и т. д.

Другим характерным направлением деятельности ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны являлось выполнение решений ГКО о строительстве необходимых стране объектов, ответственность за которые целиком возлагалась на НКВД. Таким образом, авиационные заводы в Куйбышеве, металлургические комбинаты в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске, Норильске, Богословский алюминиевый завод, нефтеперегонный завод в Куйбышеве, Северо-Печорская железная до-

рога, а также железные дороги Саратов — Сталинград, Комсомольск — Совгавань и другие построены в основном силами заключенных. На строительстве железных дорог было занято 448 тыс. человек, на промышленном строительстве — 310 тыс., на строительстве аэродромов и шоссейных дорог — 268 тыс. человек и т. д. Таким образом, по имеющимся сведениям за 1941—1944 гг., НКВД СССР построил и сдал в эксплуатацию: 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов с взлетно-посадочными полосами; группу авиационных заводов в районе Куйбышева; 3 доменные печи общей мощностью 980 тыс. т чугуна в год; 16 мартеновских и электроплавильных печей производительностью 445 тыс. т стали; прокатные станы общей производительностью 542 тыс. т проката; 4 коксовые батареи производительностью 1 740 тыс. т кокса; угольные шахты и разрезы общей производительностью 6 790 тыс. т угля; 46 электрических турбин общей мощностью 596 тыс. киловатт; 3573 км новых железных дорог; 4700 км шоссейных дорог; 1058 км нефтепроводов; 6 гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов общей производительностью 3 млн. декалитров спирта; 10 компрессорных станций для нефтяной промышленности; 2 химических завода по производству соды и брома; завод нитроглицериновых порохов; мощную радиовещательную станцию.

Буквально через полтора года после начала войны весь комплекс Безымянских заводов, состоящий из 10 единиц, мощной ТЭЦ, большого жилого города с населением более 100 тыс. человек, с водопроводом, канализацией и развитой сетью железных и шоссейных дорог, был готов. Был построен также авиазавод в Сибири и т. д.

На промышленных комбинатах НКВД: Воркутинском, Норильском, Джидинском, Ухтинских нефтяных промыслах, Северо-Печорской железнодорожной магистрали и ряде других объектах все работы по добыче и эксплуатации производились специалистами и квалифицированной рабочей силой из числа заключенных. По главнейшим ви-

дам горно-металлургической и лесной продукции промышленными предприятиями НКВД СССР, на которых трудились 171 тыс. и 320 тыс. заключенных соответственно, за 1941—1944 гг. выдано: золота в переводе на химически чистое — 315 т; олова в концентратах — 14 398 т; вольфрамового концентрата — 6795 т; молибденового концентрата — 1561 т; никеля электролитного — 6511 т; хромовой руды — 986 тыс. т; угля — 8 924 тыс. т; сажи газовой — 10 150 т; нефти — 407 тыс. т; леса и дров — 90 млн. куб. м, в том числе 3 млн. куб. м — деловой древесины.

А. ЕМЕЛИН. Война коренным образом изменила существо и содержание производственно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа, которая с первых дней переключилась на выполнение заказов для нужд фронта. Так, выпуском боеприпасов стали заниматься 35 промышленных колоний, и НКВД СССР вышел на второе место в СССР по производству 82-мм и 120-мм осколочно-фугасных мин. А всего за три года войны заключенные сделали 70,7 млн. единиц боеприпасов на сумму 1,25 млрд. руб.

По заданию Государственного Комитета Оборона 58 промышленных колоний ГУЛАГа вместо мебели стали делать спецукупорку для мин, снарядов, авиабомб. В 1942 году выпуск этой продукции в сравнении с 1941-м увеличился в 2,3 раза и составил 6,4 млн. комплектов, что также обусловило второе место в СССР.

Со второго полугодия 1942 года 20 промышленных колоний ГУЛАГа занялись пошивом обмундирования для Советской Армии и выпустили 22 млн. комплектов. Другие предприятия НКВД силами заключенных в 1941—1943 гг. произвели 500 тыс. катушек для телефонного кабеля, 1,7 млн. масок для противогазов и т. д.

В области сельского хозяйства «АГ» в годы войны имел 414 сельскохозяйственных предприятий, в том числе 3 специальных сельскохозяйственных лагеря (Карагандинский, Сибирский, Среднебельский), 96 сельскохозяйственных колоний, 315 подсобных хозяйств. Общая пло-

щадь пахотной земли составляла 441 тыс. га. По производственному плану в 1944 году должно было быть собрано 211 тыс. т зерна, 437 тыс. т овощей и картофеля, 317 тыс. т сена. Кроме того, «АГ» располагал специальным рыболовецким лагерем (Астраханский), 8 рыболовецкими колониями и 45 подсобными хозяйствами, которыми за 1941—1944 гг. выловлено 420 тыс. центнеров рыбы. Значительная часть продуктов и фуража направлялась на нужды армии.

Итоговые показатели произведенной заключенными продукции, конечно, потрясают. Однако хотелось бы знать, как трудились и жили подконвойные люди.

Л. ИВАШОВ. По имеющимся сведениям, в трудовом соревновании в годы войны участвовало 95 проц. заключенных, число отказчиков от работы в сравнении с 1940 годом сократилось в 5 раз. В лагерях и колониях широко практиковались стахановские вахты, трудовые салюты, открывались лицевые счета по выпуску сверхплановой продукции в фонд Главного Командования. Имели место массовые поддачи заявлений об отправке на фронт, сбор теплых вещей, денег и облигаций в фонд обороны, приобретения за наличный расчет облигаций государственных военных займов. Так, в 1941 году в фонд обороны от заключенных поступило более 250 тыс. руб., в 1942-м — более 2 млн. руб., в 1943—1944 гг. — 25 млн. руб.

Производительность труда заключенных в 1943 году в сравнении с 1941-м поднялась на 80 проц., а в 1944 году рост производительности труда превзошел довоенный почти в два раза. Выработка продукции на одного рабочего возросла с 5600 руб. в 1940 году до 10,5 тыс. руб. в 1944-м. Общий объем промышленной продукции, произведенной заключенными за три года войны, составил 3 млрд. 651 млн. руб., сельскохозяйственной продукции — 1 млрд. 188 млн. руб.

А. ЕМЕЛИН. Что же касается условий жизни в сталинских лагерях,

то, конечно, они были, мягко выражаясь, экстремальными. Отдел по надзору за местами лишения свободы Прокуратуры СССР был вынужден даже послать на имя Берии специальное представление о тяжелом положении заключенных в лагерях, многие из которых оказались совершенно неподготовленными к зиме. Поэтому от холода, голода, страшной перенаселенности в бараках, где в 1941—1942 гг. на человека приходилось менее 1 кв. м жилой площади, многие заключенные болели и умирали. Только в 1944 году положение стало выправляться, норма стала около 1,8 кв. м. Например, в Богословлаге в 1941 году из 13 тыс. заключенных больше половины были больны, там же умерло: в октябре — 247 человек, в ноябре — 458 человек, в первой половине декабря 1941 года — 495 человек. В Ураллаге умерло в 1941 году — 1510 человек, в Сызранском особлагпункте — 1039, на этапе Устьлабииск — Котлас в пути умерло 199 человек и т. д. А всего в 1941 году ГУЛАГ потерял 100 997 человек, в 1942-м — 248 877, в 1943-м — 166 967, в 1944-м — 60 948, в 1945-м — 43 848 человек.

О физическом состоянии заключенных свидетельствуют и следующие данные:

Способны к труду	1940 г.	1942 г.
Тяжелому	35,6 проц.	19,2 проц.
Средней тяжести	25,2 проц.	17 проц.
Легкому	15,6 проц.	38,3 проц.
Ослабленные и инвалиды	23,6 проц.	25,5 проц.

Правда, администрация лагерей стремилась как-то поощрять заключенных, которые являлись отличниками производства. С этой целью они размещались в специальных, более просторных бараках, где на каждого обитателя приходилось не менее 3 кв. м жилой площади, имелись койки с постельным бельем. Остальные заключенные размещались на двух-трехъярусных сплошных нарах. Ежемесячно они имели три выходных дня, и ежедневно 8 часов отводилось на сон.

Сложилось мнение, что в годы Великой Отечественной войны маховик репрессий несколько сбавил обороты. Так ли это было на самом деле?

А. ЕМЕЛИН. Думаю, что нет, да и не могло быть иначе. В чрезвычайной обстановке войны вводился особый режим военного положения, страна жила в условиях военного лагеря, действовали суровые законы военного времени. Например, 6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ, по которому «за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания», а 1 декабря 1941 года ГКО принял постановление «Об ответственности за расхищение снегозащитных ограждений на железнодорожном транспорте», согласно которому виновные подлежали ответственности по известному Закону от 7 августа 1932 года, и т. д. Впрочем, судите сами. Во второй половине 1941 года общими судами СССР было осуждено 1 294 822 человека, а с учетом военных трибуналов получается 1 339 702 человека, из которых 67,4 проц. приговорены к различным срокам лишения свободы. В первой половине 1942 года картина выглядела следующим образом. Общие суды дали 1 281 377 осужденных, военные трибуналы — 115 433 человек, итого — 1 396 810 человек, из которых 69,3 проц. приговорены к различным срокам лишения свободы. Вторая половина 1942 года имела итоговое количество осужденных 1 807 020 человек, из них к лишению свободы 66,1 проц. Поэтому на 1 июля 1944 года в СССР насчитывалось 1,2 млн. заключенных. Убыло, начиная с 22 июня 1941 года, 2,9 млн. человек, поступило за это же время — 1,8 млн. Такие вот астрономические цифры, но, конечно, меньше, чем можно встретить в некоторых публикациях на эту тему.

Имеются ли какие-нибудь данные, характеризующие контингент осужденных уже в военное время?

А. ЕМЕЛИН. В качестве примера можно привести сведения о работе общих судов СССР по 9 республикам за 1943 год. Итак, в 1943 году всего было осуждено 780 908 человек, из которых к лишению свободы приговорены 427 741. По социальному положению осужденных картина следующая: рабочих — 333 643, служащих — 117 505, колхозников — 225 340. Из них: бывших членов ВКП(б) — 14 978 человек, ВЛКСМ — 16 026 человек, несовершеннолетних от 12 до 14 лет — 10 919 человек, от 14 до 16 лет — 36 499 человек.

Характерной тенденцией военного времени являлся рост женской преступности: с 18,1 проц. общего количества осужденных в первой половине 1941 года до 27,5 проц. за первую половину 1942-го. Женщины привлекались к уголовной ответственности в основном за растрату, кражи социалистической собственности, мелкие кражи на производстве, кражи личной собственности. Возросла преступность и среди несовершеннолетних. Так, если в 1937 году в СССР осуждены 17 264 человека в возрасте от 12 до 16 лет, то только за первую половину 1942 года таких было уже 21 240 человек.

Известно, что ГУЛАГ «ведал» не только заключенными. Военно-политическое руководство СССР выразило недоверие советским гражданам национальностей воюющих с СССР стран и возложило на ГУЛАГ «заботу» об их использовании в интересах войны. Не могли бы вы осветить и этот вопрос, имеющий непосредственное отношение к теме нашей беседы?

Л. ИВАШОВ. Действительно, Государственный Комитет Оборона СССР в годы миновавшей войны принял решение не призывать в Советскую Армию граждан национальностей воюющих с СССР стран, но привлечь в обязательном порядке этот контингент для работы на производстве и в строительстве. С этой

целью ГУЛАГ в 1942—1944 гг. провел несколько мобилизаций граждан указанных национальностей — всего не менее 400 тыс. человек, из которых 220 тыс. были задействованы на предприятиях НКВД СССР, а 180 тыс. переданы другим наркоматам. Использовались они, как правило, на добыче угля, нефти, производстве оружия и боеприпасов, в черной и цветной металлургии, на строительстве заводов, электростанций, железных дорог и т. д. По своему правовому положению этот контингент все же заметно отличался от заключенных ГУЛАГа.

Судя по содержанию приведенного вами материала, довольно значительное число обитателей «архипелага ГУЛАГ» просто несчастные, безвинно пострадавшие люди, которые тем не менее отдавали все свои силы Победе. Не, видимо, были и настоящие враги Советской власти?

А. ЕМЕЛИН. Да, разумеется. Например, 19 апреля 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Президиум Верховного Совета СССР принял решение о создании в действующей армии СССР специальных военно-полевых судов, которым предоставлялось право виновных в чудовищных злодеяниях против советского народа в зависимости от степени вины приговаривать к смертной казни через повешение или ссылке на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

Пользуясь предоставленной возможностью выступить на страницах печати, хочу еще раз подчеркнуть, что только к предателям и пособникам фашистских палачей, безмерно виновным перед советским народом, применялась смертная казнь через повешение, а не к более широкому кругу лиц, как это утверждают некоторые историки и кинодокументалисты.

ПЕРСИДСКИЙ КОРИДОР

В РЕДАКЦИЮ поступает много писем с просьбой продолжить начатую тему о сотрудничестве союзников по антигитлеровской коалиции в рамках ленд-лиза, рассмотренную в работах кандидата исторических наук П. С. Петрова и американского ученого Джона Н. Хазарда, опубликованных в шестом номере нашего журнала. «Ваш журнал регулярно читаю с 1987 года, — пишет нам историк М. Копин из Москвы, — вы начали раскрывать «белые пятна» войны [1941—1945 гг.]. Хотелось бы на страницах вашего журнала увидеть статью о советско-американском сотрудничестве в районе Персидского коридора».

Выполняя пожелания читателей, мы публикуем статью «Персидский коридор» капитанов 1 ранга А. В. Басова и Г. И. Гутенмахера, принимавших непосредственное участие в мероприятиях по обеспечению безопасности перевозок грузов в СССР через Иран из портов в Персидском заливе.

Как известно, с началом Великой Отечественной войны советские порты на Балтийском море были блокированы, а впоследствии захвачены противником. Подписание Турцией 18 июня 1941 года договора «о дружбе и ненападении» с Германией практически закрывало черноморские проливы Босфор и Дарданеллы для прохода кораблей и судов союзников в Черное море. Морской путь в северные советские порты Мурманск и Архангельск был опасен. Перевозки по нему сопровождались значительными потерями и проводились неритмично. Маршрут через Тихий океан в дальневосточные порты нашей страны был неудобен из-за своей большой протяженности. В этой связи союзники оказались вынуждены изыскивать дополнительные возможности для доставки в Советский Союз необходимых в борьбе против общего врага различных видов оружия, боевой техники, боеприпасов, снаряжения, продовольствия, средств транспорта и других грузов. Такой транспортной артерией был избран путь через Индийский океан к берегам Ирана и далее к советской границе.

1. Обстановка на Среднем Востоке в начале войны

ВЕСНОЙ 1941 года вооруженные силы Германии нацелились на страны Ближнего Востока. Высаженный в Ливии в феврале того же года корпус Роммеля вместе с итальянской армией образовал группу сил для захвата Египта, устремленную далее к Персидскому заливу. Вскоре Гитлер сделал попытку путем внутреннего переворота захватить Ирак. В марте премьер-министром в Багдаде стал Рашид-Али, находившийся в тесной связи с нацистами. 2 мая иракские войска напали на британскую воздушную базу Хаббания (в 50 км от Багдада). Бои продолжались пять дней, затем на помощь арабам пришли немцы. Тем не менее благодаря активным действиям английской авиации иракские войска потерпели поражение, и 27 мая Рашид-Али бежал в Иран. К власти в Ираке пришло проанглийское правительство¹.

Со второй половины 30-х годов в Иран, где с 1925 года господствовала буржуазно-помещичья диктатура Реза-шаха Пехлеви, началось проникновение фашистской Германии. Активно действовала немецкая агентурная разведка.

Летом 1941 года в этой стране сложилась весьма напряженная обстановка. Гитлеровское руководство вынашивало планы превратить ее в плацдарм для нападения на СССР. В Иран засылается большое количество фашистских агентов. На его территории ими были созданы склады ору-

¹ См.: Майский И. М. Воспоминания советского посла. — М.: Изд. Института международных отношений, 1960. — С. 121.

жия и боеприпасов. Под видом технических специалистов и туристов в страну прибыли сотни немецких офицеров. Положение шахского правительства стало весьма непрочным. В Тегеране чувствовалась близкая угроза инспирируемого немцами государственного переворота.

После нападения Германии на СССР советское руководство трижды обращало внимание иранского правительства на ту опасность, которую представляла для СССР и самого Ирана деятельность внутри этой страны немецких агентов.

Обстановка требовала выработки единой политической линии союзников в отношении Ирана, Ирака и Афганистана с целью предотвращения проникновения Германии или ее сателлитов в страны Среднего Востока, особенно в Иран, где положение было наиболее угрожающим.

8 июля 1941 года И. В. Сталин в беседе с послом Великобритании в СССР Криппсом поставил вопрос о ситуации на Среднем Востоке в связи с большим скоплением там немцев и их враждебными действиями в Иране и Афганистане, а также о необходимости совместных действий союзников с тем, чтобы «выгнать немцев из Ирана и Афганистана сейчас, так как потом это сделать будет трудно»².

К середине августа ситуация на Среднем Востоке и в самом Иране еще более обострилась, поэтому у союзников уже не было сомнений в необходимости принятия решительных мер по отношению к Ирану. 17 августа правительству Ирана была вручена совместная англо-советская нота. В ней содержалось требование о выезде из этой страны немецких специалистов, причем для большей части из них немедленно. Кроме того, на тех немцев, кто оставался на службе ввиду крайней в них необходимости, должен был быть представлен список. За ними предлагалось установить строгий контроль.

Иранское правительство выразило согласие удовлетворить англо-советские требования, но с таким большим количеством оговорок и условий, что его ответ в целом был признан неприемлемым. Поэтому решено было перейти к военным действиям. Советское правительство направило в Тегеран ноту, в которой указывалось на то, что если правящие круги Ирана не пресекут агрессивной деятельности германских агентов, то правительство СССР «вынуждено будет принять необходимые меры и немедленно осуществить принадлежащее

ему в силу ст. 6 договора 1921 г. право — ввести временно, в целях самообороны, на территорию Ирана свои войска».

25 августа 1941 года советские и английские войска вступили на территорию Ирана. Эта акция никоим образом не была направлена против территориальной целостности и государственной независимости Ирана, а имела целью сорвать фашистский план превращения Ирана в плацдарм для военных действий против антигитлеровской коалиции. Последующее заключение англо-советско-иранского договора о союзе (29 января 1942 г.) открыло путь к сотрудничеству Ирана с государствами антигитлеровской коалиции в период второй мировой войны.

Более того, с вводом советских и английских войск в Иран обеспечивались также защита нефтяного района Баку и установление канала для поставок вооружения и военных материалов союзниками в СССР.

Очень длинный, со многими перегрузками, а потому нескорый и неудобный путь через Иран в 1942—1944 гг. сыграл все же значительную роль в доставке нужных СССР грузов и материалов.

2. Превентивные действия Советских Вооруженных Сил на южном направлении. Ввод британских и советских войск в Иран

ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ наших южных рубежей и, в частности, для прикрытия границы с Ираном и Турцией советским командованием в начале войны были приняты необходимые меры как на Закавказском, так и на Туркестанском направлениях. В конце июля 1941 года в Закавказском военном округе были сформированы четыре общевойсковые армии (44, 45, 46, 47-я), из которых две (44-я и 47-я) предназначались непосредственно для прикрытия границы с Ираном, а две (45-я и 46-я) — с Турцией. В Среднеазиатском военном округе в начале войны для этой цели была сформирована 53-я Отдельная Среднеазиатская армия. Предварительные оборонительные меры предпринимали также Войска ПВО и Каспийская военная флотилия.

С началом войны была усилена противовоздушная оборона Закавказья, особенно района Баку. На страже бакинского неба находился 3-й корпус ПВО. А на юге была организована радиолокационная заведомость с целью своевременного обнаружения самолетов, летящих со стороны Ирана. На линии Красноводск — Ленкорань постоян-

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941 — 1945. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1983. — С. 80.

но курсировали транспортные суда, на которых были установлены первые отечественные радиолокационные станции «РУС».

Как уже отмечалось выше, 25 августа 1941 года войска 44-й армии под командованием генерал-майора А. А. Хадеева и 47-й армии под командованием генерал-майора В. В. Новикова вступили на территорию иранского Азербайджана.

Войска Среднеазиатского военного округа 27 августа перешли советско-иранскую границу на тысячекилометровом протяжении — от Каспийского моря до Зульфара. Эту операцию выполняла 53-я Отдельная Среднеазиатская армия, которую возглавил командующий округом генерал-лейтенант С. Г. Трофименко. Войска армии вышли из Туркмении на территорию Северо-Восточного Ирана, имея задачу к 1 сентября войти в пункты: Бендер-Гяз, Горган, Шахруд, Себзевар, Мешхед³.

Каспийская военная флотилия получила задание содействовать войскам Закавказского военного округа. 31 августа в районе иранской Астары был высажен десант в составе 105-го горнострелкового полка и артиллерийского дивизиона 77-й горнострелковой дивизии. В порты Пехлеви, Ноушехр, Бендер-Шах пришли советские канонерские лодки, которые стали нести стационарную службу. Всего было перевезено и высажено свыше 2,5 тыс. десантников, несколько сотен лошадей, более 20 орудий.

Британские войска вступили на территорию Ирана также 25 августа, двигаясь двумя колоннами: первая — из Басры на Абадан и нефтяные промыслы в районе Ахваза; вторая — из Багдада на нефтяные промыслы в районе Занкена и далее на север. Британские военно-морские силы с небольшой десантной группой войск были направлены к расположенному на берегу Персидского залива городу Бендер-Шахпур. Эти действия в целом встретили лишь незначительное сопротивление. 28 августа, когда шах отдал приказ о прекращении огня, Бендер-Шахпур уже был занят, северная колонна достигла своего намеченного рубежа в районе Керманшаха, а южная была всего лишь в нескольких километрах от Ахваза.

29 августа английские передовые части вошли в соприкосновение с советскими войсками в районе Сенендедж, а двумя днями позже другая группировка встретилась с нашими частями в нескольких километрах южнее Казвина.

Иранские войска серьезного сопротивления советским и британским войскам не оказали. Капитуляция иранской армии происходила 29—30 августа по приказу шаха. Сначала сложили оружие войска, действовавшие против англичан. На следующий день то же сделали войска, противостоявшие Красной Армии. Советские войска обосновались в городах гарнизонами, используя казармы иранской армии. По докладом советского командования, народ Ирана в целом отнесся к вступлению Красной Армии спокойно, а отдельные представители местного населения пытались даже, пользуясь обстановкой, поделить земли помещиков между собой и отобрать у владельцев их предприятия.

С приходом союзных войск в Иран общая обстановка в стране улучшилась. Но шах и его правительство продолжали поощрять подрывные действия фашистской агентуры, проявлявшей особую активность в Тегеране. В связи с этим Советское и Британское правительства вопреки первоначальной договоренности решили ввести войска и в столицу. 17 сентября в Тегеран вступили: британская бригада, 39-я кавалерийская бригада 53-й армии и механизированная группа 47-й армии⁴.

Еще до вступления в Тегеран союзных войск Реза-шах Пехлеви отрекся от престола. Преемником стал его сын, наследный принц. 9 сентября Иранское правительство разорвало отношения со странами Оси. Новый шах Ирана заявил о готовности сотрудничать с союзниками. Английские и советские представители заявили шаху, что вступление союзных войск в Тегеран является временной мерой, имеющей целью поставить немецкую колонию в Иране под строгий контроль и организовать охрану и улучшение коммуникаций в стране. После того как это будет выполнено, подчеркнули они, союзные войска из Тегерана будут выведены. (Одновременно началась подготовка к заключению официального договора между Англией, Советским Союзом и Ираном, который был подписан в конце января 1942 года).

Когда же обстановка в Иране стабилизировалась, союзные войска были выведены из Тегерана. В октябре они уже заняли установленные для них зоны.

Присутствие союзных войск в Иране, изгнание оттуда немецко-фашистской агентуры, установление контроля над основными коммуникациями в стране существенно изменили военно-политическую об-

³ ЦАМО СССР, ф. 1184, оп. 484154, д. 1, л. 19.

⁴ Казаков М. И. Над картой былых сражений. — М.: Воениздат, 1971. — С. 73.

становку на наших южных рубежах. Была снята угроза важнейшему нефтяному району — Баку, который давал около трех четвертей всей нефти, добываемой в СССР. Кроме того, военное присутствие союзников оказывало сдерживающее влияние на Турцию. А советское командование получило возможность снять часть сил с южных рубежей и использовать их на советско-германском фронте.

Осенью 1941 года, когда возникла опасность прорыва войск противника на Кавказ через Ростов и Керченский пролив, туда были выдвинуты 44-я и 47-я армии. В состав Южного фронта были направлены три стрелковые дивизии, две танковые бригады, несколько артиллерийских полков, две авиационные дивизии, большое число специальных частей и подразделений. 17-я и 24-я кавалерийские дивизии убыли на Западный фронт. 388-я стрелковая дивизия была перевезена в Севастополь. Еще в действующую армию направили семь дивизий, 327 маршевых рот, 756 танковых экипажей. В 1942 году войска 46-й армии были сняты с советско-турецкой границы и выдвинуты на перевалы Главного Кавказского хребта, где в августе—октябре они провели оборонительную операцию, не пропустив противника в Закавказье.

Из состава 53-й Отдельной Среднеазиатской армии из Ирана на советско-германский фронт убыли 18, 44 и 20-я кавдивизии, а затем 83-я горнострелковая Туркестанская дивизия и 4-й кавкорпус.

Остальные советские войска находились в Иране в течение всей войны, обеспечивая безопасность наших южных рубежей, а также функционирование и охрану транзитных коммуникаций в Иране, сыгравших важную роль в ходе войны.

3. Транспортировка грузов через Персидский коридор

ПРОПУСКНАЯ способность портов Персидского залива оценивалась всего в 97 тыс. т в месяц, что сдерживало поставки, которые первоначально туда должны были поступать ежемесячно на 15 судах, а затем на 20—30 судах. От портов Персидского залива к Тегерану и далее к порту Бендер-Шах на Каспийском море однокорейная железная дорога могла перевозить ежемесячно 39 тыс. т грузов. Пропускная способность шоссейных дорог оценивалась в 23 тыс. т.

Одному из авторов в те годы приходилось бывать в Иране и Ираке и наблю-

дать, сколь много труда было вложено, чтобы увеличить пропускную способность Персидского коридора. В конце 1942 года по этому пути перевозили ежемесячно 40 тыс. т грузов, а в декабре 1943 года уже 248 тыс. т, то есть в шесть раз больше.

Безопасен ли был морской путь в Персидский залив? В первый период второй мировой войны Индийский океан являлся наиболее удаленным от воюющих сторон и наиболее спокойным для судоходства. Тем не менее уже в 1940 году там появились немецкие надводные корабли, а затем и подводные лодки. Потери судов союзников становились все чувствительнее. Британское адмиралтейство вынуждено было ввести систему конвоев, увеличить в океане число крейсеров для перехвата рейдеров. После принятия этих мер обстановка в Индийском океане несколько стабилизировалась.

Грузопотоки из Великобритании в Восточную Африку, Персидский залив, Индию и обратно в течение всей войны составляли в среднем 6—12 проц., но и они требовали больших усилий ВМС союзников, учитывая их отдаленность от метрополии и военно-морских баз. За время войны потери тоннажа союзных и нейтральных стран от боевых действий противника в Индийском океане составили 385 транспортных судов (то есть 7,5 проц. общих потерь)⁵.

Вступление в войну Японии и успехи ее флота на Тихом океане создали серьезную угрозу судоходству и в Индийском океане. Тихоходные корабли Британского Восточного флота перешли в порты Восточной Африки для защиты коммуникаций, а быстроходные сосредоточились в восточной части океана с целью борьбы с японским флотом. В мае 1942 года англичане высадили десант в гавани Диего-Суарес на острове Мадагаскар, что имело важное значение в борьбе с подводными лодками и надводными рейдерами.

И все же суда, следовавшие близ мыса Доброй Надежды, оказались слабоохраняемыми. Немецкие и японские подводные лодки летом 1942 года потопили в этом районе 24 транспортных судна, что повлияло на перевозки оружия и других грузов на Ближний Восток, в Персидский залив и Индию.

Английский историк С. Роскилл пишет, что, хотя подводные лодки действовали в этом весьма отдаленном от баз районе в

⁵ Блокада и контрблокада, — М.: Наука, 1987. — С. 689.

течение короткого промежутка времени, они добились немалого успеха, потопили судов больше, чем действовавшие здесь до них рейдеры, затратив при этом меньше усилий⁶.

Британское адмиралтейство направило в Кейптаун 12 противолодочных кораблей, 6 эсминцев, 4 корвета и 209-ю эскадрилью гидросамолетов. Позднее туда же прибыли 18 противолодочных траулеров США. Очередная группа подводных лодок, встретив в районе мыса Доброй Надежды многочисленные противолодочные силы и понеся потери, покинула район и стала действовать вдоль восточного побережья Африки.

Потери транспортных судов союзных и нейтральных стран в Индийском океане в переломный период борьбы на океанах и морях составили: в 1942 году — 205 судов (724 485 т), в 1943 году — 82 судна общим тоннажем 486 324 т, что соответствует 9 и 15 проц. общих потерь союзных и нейтральных стран на морях и океанах⁷.

В дальнейшем вплоть до окончания войны союзное военно-морское командование продолжало сокращать силы в Индийском океане для усиления своих морских группировок в Средиземном море и Атлантике. В Индийском океане сил хватало лишь для конвоирования транспортных судов, но их не было для борьбы с вражескими подводными лодками. Поэтому число потопленных судов союзников в Индийском океане оставалось значительным и составляло чуть меньше половины судов, уничтоженных до конца войны в Атлантике (102 против 229)⁸.

Анализ перевозок грузов в Персидский залив показывает, что первое судно с материалами для ведения войны прибыло на Средний Восток в конце ноября 1941 года. В 1942 году ежемесячно через Южную Атлантику и Индийский океан в Персидский залив приходило в среднем 10—12 судов, в 1943—1944 гг. — 20 судов, а до мая 1945 года — 2—3 судна. Всего из Западного полушария курсом в Персидский залив вышло 646 транспортных судов, на борту которых было 4,16 млн. т грузов. Незначительная часть из них — 26 судов (4 проц.) — была потоплена, при этом погибло 480 000 т грузов. Ушли на дно также и три советских судна из состава союзных конвоев.

За время войны по Персидскому коридору в СССР было направлено 23,8 проц. всех грузов, адресованных СССР. Из общего числа в порты Дальнего Востока — 47,1 проц., в Архангельск — 22,7 проц. и непосредственно в порты Арктики — 2,5 проц. В 1945 году открылось движение через Черноморские проливы в Одессу и другие южные порты, куда были доставлены 680 723 т грузов (3,9 проц.).

Доля поставок через Персидский коридор в 1943 году была наибольшая — 33,5 проц., в 1944 году — 1,79 млн. т (28,8 проц.).

Необходимо указать, что часть материалов, разгруженных в портах Ирана и Ирака, направлялась для удовлетворения нужд войск и миссий союзников. Иногда они равнялись 10 проц. всех поставок. Между тем на 105 транспортах грузы для СССР составили лишь незначительную долю.

Что же разгружалось с транспортных судов в портах Персидского залива? Согласно американским публикациям, союзники направили в порты Персидского залива 39 645 самолетов, 873 846 автомобилей, 70 178 мотоциклов, тракторов и других машин, 144 361 т боеприпасов и взрывчатых веществ, 995 368 т продовольствия, 1 248 517 т металла и металлоизделий, 45 068 т нефтепродуктов, 586 588 единиц дорожного оборудования, шин и других грузов.

До осени 1942 года работу портов, железнодорожных и других автомобильных магистралей в Иране и Ираке организовывали англичане. С увеличением объема перевозок коммуникации на территории Ирана становились тормозом всего южного пути. Недовольные этим американцы в октябре 1942 года взяли в свои руки контроль за работой портов, аэродромов, железных и шоссейных дорог. Состав войск армии США в Иране в 1944 году возрос до 30 тыс. человек. Однако англичане по-прежнему несли ответственность за южные районы Ирана (до Тегерана), а контроль за северной частью Ирана осуществлял Советский Союз.

К концу 1943 года в армии США в Персидском коридоре имелось свыше 41 тыс. гражданских служащих, в том числе 40 682 человека из местных жителей и 380 поляков. Из них 944 человека работало на сборке самолетов, 5448 — автомобилей, 1771 — на строительстве шоссейных дорог, 8039 — на других строительных объектах, 3309 — обслуживали склады, 1293 — осуществляли артиллерийское снабжение, 8722 — были заняты в авто-

⁶ Роскилл С. Флот и война. — Т. 2. — М.: Воениздат, 1970. — С. 251.

⁷ Блокада и контрблокада. — С. 687—688.

⁸ Морисон С. Битва за Атлантику выиграна. — М.: Воениздат, 1959. — С. 322.

ГРУЗЫ, ОТПРАВЛЕННЫЕ В ПОРТЫ

Годы	Число судов	Всего грузов	В том числе		Самолетов, т	Боевых машин, т
			США, т	Англии, т		
1941—1945	646	4 159 117	4 073 978	85 139	39 645	70 407
1941 (ноябрь—декабрь)	12	13 502	11 327	2 175	377	0
1942	140	705 259	685 500	19 759	11 207	20 045
1943	241	1 606 979	1 563 600	43 379	16 713	10 523
1944	240	1 788 864	1 770 282	18 582	11 348	39 839
1945 (январь—май)	13	44 513	43 269	1 244	0	0

мобильной службе, 6463 — являлись рабочими портов, 549 — рабочими железных дорог, 419 — трудились в госпиталях, 4092 — занимались обеспечением снабжения.

Расходы союзников на строительство стационарных сооружений в Иране и Ираке в 1943—1945 гг. составили 98,2 млн. долларов (США — 61,8 млн. долларов, Великобритания — 36,4 млн. долларов), в том числе: на строительство шоссейных дорог — 54,1 млн. долларов, на строительство портов — 14,8 млн. долларов, на службу связи — 5,9 млн. долларов, автотранспортную службу — 4,6 млн. долларов, эксплуатацию железных дорог — 2,2 млн. долларов и др.⁹

Все это создавало условия для резкого увеличения потока грузов из портов Персидского залива в СССР. Путь по Персидскому коридору стал одной из важнейших коммуникаций второй мировой войны.

4. Организация перевозок Советским транспортным управлением (СТУ) через Иран в Советский Союз

ТРАНЗИТ вооружений, боевой техники и военных материалов через Иран и Ирак в Советский Союз, организация доставки самолетов, боеприпасов, порохов, автомобилей, продовольствия и прочего, по определению А. И. Микояна, были крупномасштабной инженерно-технической и перевозочной операцией с использованием железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта¹⁰.

⁹ United States Army in World War II. The Middle East Theatre. The Persian Corridor and Aid to Russia. Vail Motter T. H. — Washington D. C., 1952.

¹⁰ См.: Зорин Л. И. Особое задание. — М.: Политиздат, 1987. — С. 175.

Всесоюзное объединение Ирансовтранс, существовавшее на территории Ирана с 1935 года, стало основным предприятием для организации всех транспортных операций. К 1943 году эта организация структурно изменилась ввиду образования новых отделов, служб, периферийных контор и агентств и получила наименование Советского транспортного управления (СТУ). В ее составе насчитывалось 1500 человек, в том числе 775 советских граждан. Многие службы возглавлялись офицерами Тыла Красной Армии, которые являлись специалистами по эксплуатации самолетов и автомобилей, железных и шоссейных дорог, снабжения и хранения боеприпасов, горюче-смазочных материалов и др.

Деятельностью СТУ в Иране руководил Тыл Красной Армии. Начальник Тыла А. В. Хрулев направлял работу этой магистрали через ВОСО, автодорожную и другие службы тыла. На территории СССР в перевозку грузов включились тылы Закавказского, Северокавказского и Туркестанского военных округов, Каспийская военная флотилия, Каспийское пароходство, порты Баку, Красноводска, Махачкалы, Закавказская и Ашхабадская железные дороги, многие автомагистрали.

СТУ занималось перевозками по территории Ирана. С согласия правительства Ирана оно проводило реконструкцию северных участков Трансиранской железной дороги и шоссейных дорог, занималось их эксплуатацией и ремонтом с целью обеспечения максимальной пропускной способности. СТУ в Иране несло на себе основную нагрузку по транспортировке грузов. Очень сложной была реконструкция железнодорожных и автомобильных магистралей.

ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА *

Автомобилей, т	Тракторов, мотоциклов, т	Пушек и боеприпасов, т	Продовольствия, т	Металлов, металлоизделий, т	Нефтепродуктов, т	Других
873 846	70 178	144 361	995 368	1 248 517	45 068	586 588
10 138	0	0	0	443	39	330
143 927	0	44 214	84 108	339 889	1566	40 544
308 526	41 447	36 222	423 660	412 946	26 449	287 114
394 829	28 479	63 418	478 591	482 661	14 226	256 891
16 426	252	507	9009	12 578	2788	1709

Союзники наряду с реконструкцией портов построили на берегах Персидского залива крупные сборочные авиационные и автомобильные заводы, организовали полевые склады для комплектования грузов. Они реконструировали необходимые им шоссейные и железные дороги, построили аэродромы.

На четырех американских и двух английских автосборочных заводах и нескольких автосборочных станциях за неполные три года было собрано 191 075 автомобилей, в том числе 184 112 — для Советского Союза. Ежемесячно собиралось и отправлялось в СССР не менее трех тысяч автомобилей, которые организовывались в автоколонны по 40—50 машин и под вооруженной охраной перегонялись в нашу страну. Каждый шофер совершал не более одного рейса в месяц. Но количество собираемых машин в некоторые месяцы доходило до 10 тыс. Где взять или как подготовить такое большое количество шоферов? Было решено нанимать шоферов из местного населения, а также набирать желающих и обучать их вождению автомобилей. Организовали и краткосрочные курсы шоферов для иранских граждан.

Многие тысячи груженых «студебеккеров», «фордов», «шевроле» шли на север своим ходом. Командовали колоннами советские офицеры и сержанты. Шоферы — в большинстве иранцы и арабы, зачастую наспех обученные вождению машин. Охрану трассы южнее Тегерана несли в основном индийские воинские подразделения.

Специалист автодорожных войск П. Демченко вспоминает: «На всю жизнь запом-

нились мне те 2500 километров по узким горным дорогам, через крутые перевалы с бесчисленными слепыми поворотами, через раскаленную пустыню, окутанную густой пылью, которую не в состоянии пробить никакой свет фар. И все в темпе: быстрее, быстрее — фронт не ждет, там еще тяжелее. Едва сдали в Джульфе машины и груз, сразу же в обратный путь...

Были аварии, диверсии, бандитские налеты. Много наших могил осталось на том пути. Гибли также иранцы и арабы, помогавшие нам. Не обходилось без жертв и у западных союзников»¹¹.

Много хлопот было с перегонкой самолетов. Часть самолетов направлялась в СССР в разобранном виде. Затем они собирались на советских авиационных заводах. Общим стремлением было как можно больше самолетов, и в первую очередь бомбардировщиков, гидросамолетов и транспортных машин, собирать на заводах, построенных союзниками в Иране и Ираке, и перегонять по воздуху на советские аэродромы.

Сборка самолетов поначалу велась в Маргиле и Шуайбе на территории Ирака, потом после создания авиабазы в Абадане — в Иране.

Специалистами Советских Военно-Воздушных Сил была тщательно разработана и определена трасса перегона самолетов вплоть до Кировабада с промежуточной базой в Тегеране, где летчики могли отдохнуть, а самолеты подвергались профилактическому осмотру и заправке. На сложной и незнакомой трассе, в частности в Султанабаде, Тегеране, Пехлеви и некоторых других пунктах, были установлены радиомаяки.

* United States Army in World War II...

¹¹ Правда. — 1988. — 1 декабря.

Для перегона самолетов был сформирован 6-й перегоночно-истребительный авиационный полк под командованием подполковника Пищенко, а позднее еще один — 71-й полк под командованием подполковника Герасимова. Оба полка были укомплектованы опытными летчиками, имевшими за плечами фронтовой опыт.

В целях ускорения сборки и перегона самолетов в короткий срок была создана специальная авиационная база в Маргиле и промежуточная — в Тегеране. В Азербайджанской ССР были также подготовлены аэродромы для приема прилетавших боевых самолетов, их технического обслуживания, подготовки летчиков к боевому использованию американских и английских истребителей и бомбардировщиков. Сборка бомбардировщиков «Бостон» в Маргиле сначала осуществлялась силами английских военных специалистов. Работа начиналась в 3—4 часа утра и заканчивалась в 11 часов дня. В другое время работать было физически невозможно — машины так накалялись, что рабочие получали тепловые удары и ожоги. Такой распорядок дня установили для всех, в том числе и для советских специалистов. За два месяца до 1 мая 1942 года собрали 92 бомбардировщика вместо 100 по плану¹².

Чтобы увеличить число собираемых машин, пришлось создать более мощную авиабазу. Подходящим местом оказался военный аэродром в Шуайбе, примерно в 20 милях от порта Басра в глубь Аравийской пустыни. Рядом с аэродромом в короткий срок возник советский военный лагерь, который пополнялся специалистами, авиационными техниками, мастерами, сборщиками, прибывавшими из Советского Союза.

До 1 апреля 1943 года советские представители приняли от американской администрации базы 1025 самолетов. С 1 июля 1943 года по 30 июня 1944-го удалось собрать и отправить в Советский Союз еще около 2900 самолетов¹³.

Межгосударственное сотрудничество требует терпеливого согласования, уважения национального опыта, культуры, преодоления языкового барьера, а это — дополнительное время.

Тегеранская конференция способствовала улучшению взаимоотношений между союзниками в целом и военных поставок в частности. Но в основе коренного поворота в отношении союзников к СССР и его армии лежит все же не конференция,

а изменение соотношения сил на советско-германском фронте. Если в 1941 — 1942 гг. союзники еще выясняли, как долго может продержаться Красная Армия и не попадут ли поставляемые товары в руки Германии, то после Курской битвы стало очевидно, что время неустойчивого равновесия сил миновало, преимущество прочно перешло к Красной Армии. Фактическое лидерство в антифашистской коалиции также перешло к СССР.

В выборе места встречи «большой тройки» много субъективного. И все же Тегеран — место не случайное и во многом символичное. Там должен был закончиться очередной этап агрессии вооруженных сил фашистской Германии на пути к завоеванию мирового господства. Там руководители антифашистской коалиции наметили совместные действия, обговорили в общих чертах послевоенное устройство мира. В то же время конференция способствовала улучшению функционирования южного маршрута на всех этапах пути из Америки в СССР.

10 февраля 1944 года Гарриман посетил наркома внешней торговли СССР А. И. Микояна, который выразил удовлетворение успешным поступлением грузов, идущих по южному маршруту через Персидский залив. После согласования между правительствами 15 апреля 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа американских офицеров была награждена за организацию поставок продовольствия и материалов, большую помощь Красной Армии в борьбе с фашистскими захватчиками. Генерал Коннолли, ведавший всей этой работой, был удостоен ордена Суворова II степени.

Взаимопонимание, доверие и уважение лежали в основе совместной дружной работы военнослужащих и гражданских специалистов трех стран-союзниц по антигитлеровской коалиции.

После открытия союзниками второго фронта во Франции поставки в Советский Союз южным маршрутом пошли на убыль. В августе 1944 года в Басру пришло всего шесть транспортных судов, а в сентябре — лишь одно. Отправив груз с последнего судна, советская миссия Ирансоветтранс 24 октября 1944 года покинула Басру. В то же время был закрыт английский сборочный автомобильный завод в Рафадае. В середине октября перестал работать авиационный сборочный центр в Шуайбе. Советские специалисты выехали и из этого лагеря. Затем были ликвидированы

¹² См.: Зорин Л. И. Указ. соч., — С. 121.

¹³ Там же. — С. 131.

агентства Ирансоотранса в Тануме и Хан-нокеке.

В ноябре 1944 года были собраны последние автомашины на самом большом сборочном заводе в Андимешке. Завод демонтировали, и советские специалисты уехали на север.

Второй после Хорремшехра порт Персидского залива Бендер-Шахпур в декабре 1944 года принял два последних судна с грузами для Советского Союза. Агентство Ирансоотранс было ликвидировано.

В помещенной выше таблице приведены данные о количестве грузов, перевезенных в СССР по Персидскому коридору.

Специальными автомашинами армии США перевезено 434 тыс. т, английскими — 36 тыс. т, иранскими — 221 тыс. т, советскими — 1615 тыс. т грузов.

В Андимешке, Хорремшехре, Бушире и Шуайбе (Ирак) была организована сборка и загрузка всех импортных автомобилей попутными военными товарами. Здесь формировались автоколонны, водители обеспечивались всем необходимым для долгого и трудного пути.

Американцы и англичане собирали поступающие частями боевые самолеты в Абадане, Маргиле и Шуайбе. В Ахвазе была организована приемка военных грузов, прибывавших на баржах по реке.

В работе крупного центрального профилактического пункта в Тегеране было велико участие американского военно-технического персонала. Здесь велись профилактика и ремонт импортных автомобилей, перегоняемых из Хорремшехра, Шуайбы, Андимешка и Бушира, учитывались и проверялись грузы, готовились водители из местного населения. Там же подвергались тщательной профилактике прибывавшие самолеты, прежде чем следовать дальше до Кировабада.

В Тебризе, на советском пункте, осуществлялись профилактика, а иногда и ремонт после перегона из Тегерана импортных автомобилей, следовавших в иранскую Джульфу. Оттуда автомобили перегонялись через границу в советскую Джульфу специальным советским автобатом.

Приемка военных грузов была организована в порту Пехлеви на юге Каспийского моря, сюда поступали и боеприпасы, прибывшие из Казвина на автомашинах, велись их складирование и погрузка на суда Каспийского пароходства. После этого их ожидала отправка в советские порты.

Порт Ноушехр принимал грузы, горюче-смазочные материалы, стооктановый бензин в бочках и порох различных видов в герметических контейнерах, поступающих из портов Персидского залива по железной дороге (до станции Шахи).

На территории Ирана в приграничном пункте Баджигирани шла перевалка грузов, прибывавших из иранских городов Семнана и Мешхеда, в направлении на Ашхабад.

Установление коммуникаций между США, Англией и Советским Союзом через Персидский залив и Иран сыграло важную роль в непрерывной доставке в СССР материалов и вооружения. Особенно это относится к переломному периоду в борьбе на морских коммуникациях и в целом в океанах — в 1942—1943 гг. В 1942 году этим путем было направлено 28,3 проц. всех грузов, а в 1943-м — 33,5 проц. Всего за войну почти четверть всех грузов (23,8 проц.) поступило в Советский Союз этим южным маршрутом.

Группа советских войск в Иране несла охрану коммуникаций, которые вели из Южного Ирана к пунктам на советско-иранской границе и портам Каспийского моря. Уже после войны, 4 апреля 1946 года, между СССР и Ираном было достигнуто соглашение о выводе из Ирана оставшегося контингента советских войск. Вывод начался 24 марта 1946 года и закончился 9 мая того же года.

Англо-американское командование, зная о тяжелом положении в 1942 году на южном крыле советско-германского фронта, пыталось получить согласие Сталина на ввод английских войск и авиации в Закавказье. Но как известно, Советский Союз справился с ситуацией своими силами. Ставка перебросила в Закавказье из Средней Азии и других мест резервные формирования. Советско-турецкую границу прикрывала 45-я армия, а со стороны ирано-турецкой границы в готовности находился 15-й кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой. Для отражения угрозы в зоне Персидского залива, Ирана и Ирака союзники создали Средневосточное командование. Вокруг Персидского коридора, таким образом, образовались группировки вооруженных сил сторон, которые были готовы при определенных условиях вступить в вооруженную борьбу с гитлеровцами.

**Капитан 1 ранга А. В. БАСОВ,
доктор исторических наук:
капитан 1 ранга Г. И. ГУТЕНМАХЕР**

Подвиг

Клауса

Фукса

ЧЕРЕЗ полтора месяца из Москвы была получена оценка материалов Клауса Фукса о промышленном объекте по производству плутония в Уиндскейле. В ней указывалось: «Полученные материалы очень ценные, позволят сэкономить 200—250 миллионов рублей и сократить сроки освоения проблемы».

Последующие встречи с Клаусом проходили так же напряженно, но спокойнее, чем первая. Мы уже знали друг друга, была договоренность о проверке и взаимной проверке перед тем, как вступать в контакт, выработанная система поддержания надежной непрерывной связи и многое другое. К своей деятельности по оказанию помощи Советскому Союзу Фукс относился очень серьезно, с душой. Он всегда старался полностью выполнять наши задания. Передавая информацию, часто говорил: «Здесь то, что вы просили, и еще кое-что дополнительно, помоему, нужное для ваших ученых».

Начиная с января 1948 года оценки материалов Клауса из Москвы стали приходить краткие, но высокие. Обычно сообщалось, что полученные от ученого сведения «очень ценны», «ценные», «весьма ценные». Однажды, услышав от меня такую оценку его работы, Клаус сказал, что он рад слышать это. А затем до-

бавил примерно следующее: «Я уверен, что советские товарищи могут сделать свою атомную бомбу без посторонней помощи. Передавая материалы, я хочу, чтобы они поступили в Москву своевременно, с тем чтобы советские ученые не пошли по неправильному пути. Я также хочу, чтобы советский народ мог сэкономить материальные средства и сократить срок создания ядерного оружия».

Запомнилась мне встреча с Клаусом Фуксом в феврале 1949 года. Получив от него материалы, я быстро передал их товарищу для доставки по назначению. Освободившись от секретных документов, как было условлено, направился в близлежащий небольшой парк, где планировалось провести беседу. Был субботний полдень, стояла типичная лондонская прохладная, пасмурная, с небольшим туманом погода. Сели на лавочку, начали беседу. Когда обсуждение сугубо деловых вопросов было закончено, Клаус радостно произнес:

— Да, команда Курчатова на всех парах идет к цели. Это очень хорошо!

Как и прежде, я заметил, что не в курсе советских атомных дел. Однако собеседник горячо возразил:

— Из ваших вопросов совершенно ясно, что скоро советский «бейби» подаст голос и его услышит весь мир. Когда это произойдет, в моей жизни будет самая большая

радость. И не только в моей. Конец атомного шантажа, затеянного американской администрацией, — вот что это будет означать.

Помолчав, я спросил Клауса:

— Вам не надоело быть холостяком? Может быть, лучше жениться, создать семью? Нам кажется, что тогда к вам будет больше доверия со стороны англичан. Вы будете вхожи в более респектабельные научные и светские круги Англии, что, несомненно, будет способствовать дальнейшей карьере.

Серьезно, как бы выдавая свои сокровенные замыслы, ученый поведал следующее:

— Я неоднократно сам думал об этом. Юджин, я отдаю себе ясный отчет, что, помогая Советскому Союзу, встречаясь с вами, подвергаюсь большой опасности. Один неверный шаг, малейшая ошибка в нашей работе будет иметь для меня роковые последствия. Сам я готов к этому. Но, честно говоря, не хочу, чтобы из-за меня страдали жена, дети. Главное же — в мои планы не входит создание семьи в Англии.

— Что это за планы? — спросил я.

Ученый уверенным голосом ответил:

— Я хотел бы помогать Советскому Союзу до тех пор, пока он не создаст и не испытает свою атомную бомбу. После этого думаю возвратиться домой, в Восточную Германию. У меня там есть друзья. Тогда женюсь и буду спокойно работать. Это моя самая заветная мечта.

Клаус рассказал мне в тот раз, что отец его проживает в Западной Германии и сам зарабатывает себе на жизнь. Брат Герхард болен, лечится в Швейцарии. Иногда удается ему кое-чем помочь.

У меня было разрешение руководства разведки в случае необходимости выдать Фуксу вознаграждение. Однако делать это следовало с особой деликатностью, чтобы не обидеть ученого. Мне показалось, что наш хороший, откровенный разговор — это как раз подходящий случай. Я по-дружески попросил Клауса принять конверт. Принять не как ценность, а как символ бла-

годарности и уважения к нему советских людей.

Взглянув мельком на меня, Фукс взял предложенный пакет, заметив, что принимает его именно в таком качестве. Часть суммы он, по его словам, намеревался переслать больному брату, который во время войны сидел в нацистском концлагере.

После этого состоялась еще одна, как обычно, продуктивная встреча с Клаусом Фуксом, а потом он перестал выходить на связь.

Всего с осени 1947 по май 1949 года Фукс шесть раз передавал Советскому Союзу подробную письменную информацию, получавшую, как правило, высокую оценку Центра. Вот наименование только некоторых из этих материалов:

— подробные данные о реакторах и о химическом заводе по производству плутония в Уиндскейле;

— сравнительный анализ работы урановых котлов с воздушным и водяным охлаждением;

— планы строительства завода по разделению изотопов, который, предполагалось, даст большую экономию сырьевых материалов;

— принципиальная схема водородной бомбы и теоретические выкладки по ее созданию, которые были разработаны учеными США и Англии к 1948 году;

— данные о результатах испытаний американцами ураново-плутониевых бомб в районе атолла Эни-воток.

Кроме того, на каждой встрече Фукс давал устную информацию по присылаемым из Центра вопросам, интересовавшим советских атомщиков.

XI

По существу, только после окончания второй мировой войны Советский Союз после тщательных научных исследований и экспериментов приступил к строительству промышленных объектов по созданию атомной бомбы. Зная о тайно ведущихся в США работах по атомной проблематике и несмотря на огромные разрушения, людские потери, наше правительство дальновидно сочло необходимым и возможным выделить большие материальные средства и десятки тысяч рабочих, инже-

неров и ученых для создания советской атомной бомбы. В принятии столь важного решения огромную роль сыграла разведка. Прежде всего она своевременно получила достоверные материалы от нескольких источников о начале и ходе работ по созданию ядерного оружия в США. В дальнейшем, на протяжении ряда лет, наши разведчики добывали совершенно секретные сведения о результатах испытательных взрывов урановой, плутониевой и ураново-плутониевых бомб, проводившихся Соединенными Штатами.

После успешного взрыва первой советской атомной бомбы, произведенного 29 августа 1949 года, академик И. Курчатов, руководивший всеми работами по ее созданию и испытанию, прислал руководству МГБ письмо, в котором, в частности, писал: «Разведка оказала неоценимую помощь в создании советского атомного оружия». О том, что разведки МГБ и Министерства обороны внесли крупный вклад в создание атомной бомбы, наши ученые открыто начали говорить только в последние 3—4 года. При этом они не раз отмечали, что информация поступала от нескольких источников, но секретные материалы Клауса Фукса были наиболее ценными, так как отличались своей научностью, содержательностью, убедительностью и систематичностью.

Взрыв советской атомной бомбы вызвал экстренные секретные заседания кабинетов Трумэна в США и Эттли в Англии. На них обсуждались военно-политические аспекты этого события, а также изменения, которые необходимо внести во внешнеполитическую деятельность названных государств. Один из главных вопросов, которым не могли не задаться участники заседаний, был таков: почему Советский Союз, до крайности истощенный войной, так быстро создал атомное оружие и почему о предстоящем испытании они заблаговременно не получили никаких сведений от своих разведок?

XII

Неожиданно быстрое появление в СССР нового мощного оружия вызвало в правительственных кругах

США и Англии предположение, что советские агенты выкрали у них соответствующую информацию. Исходя из того что первая атомная бомба делалась в Лос-Аламосе, они пришли к выводу, что секреты могли передать лица, работавшие там. Спецслужбы США начали бешеную кампанию по выявлению советских агентов. Были взяты в активную разработку все хоть сколько-нибудь подозрительные лица из числа работавших в Лос-Аламосе или приезжавших туда. Тщательному повторному анализу были подвергнуты старые дела и материалы на них.

ФБР вновь проанализировало и дело на Клауса Фукса, которое было заведено во время его нахождения в США. Следует признать, что «грехов» за Фуксом с точки зрения контрразведки к тому времени накопилось немало. В частности, ФБР было известно, что:

1. Фукс был прогрессивным человеком, в студенческие годы участвовал в работе компартии Германии;

2. Во время работы в Бристоле и Бирмингеме (Англия) в 1940—1941 гг. Фукс в кругу друзей доброжелательно высказывался об СССР;

3. В архивах гестапо, захваченных спецслужбами США и Англии, в одном из списков под № 210 числился Клаус Фукс. Эти списки направлялись в подразделения СС на советско-германском фронте. Против фамилии Фукса имелась пометка «Доставить в Германию, если будет обнаружен в Советском Союзе»;

4. В сентябре 1945 года шифровальщик нашего военного атташата в Оттаве И. Гузенко стал предателем и передал канадским властям много секретных документов. В одном из них значились имена Клауса Фукса и его сестры Кристель, проживавшей тогда в Кембридже;

5. В американской прессе сообщалось, что некоторые советские представители в Комиссии ООН по атомной энергии, обсуждавшей вопрос запрещения атомной бомбы, в неофициальных беседах со своими коллегами, к удивлению последних, использовали специальные термины, которые могли быть известны толь-

ко из американских секретных материалов.

ХІІІ

После предательства Гузенко ФБР в 1916 году начало разработку Кристель, в результате чего было установлено, что в 1945 году к ней трижды приходил неизвестный американец. В первом случае Кристель не было дома, и приходивший американец интересовался у хозяйки, когда к Кристель придет ее брат. В другой раз дверь незнакомцу в квартиру Кристель открыла ее домработница. От хозяйки дома и домработницы сотрудники ФБР получили описание внешности приходившего к Кристель незнакомца, который интересовался Клаусом Фуксом.

В 1947 году, когда у нашей разведки с Голдом не было связи, другая прелательница — Елизавета Бентли дала показания о том, что он был связан с советской разведкой. Голда допрашивали сотрудники ФБР, он вызывался в суд по обвинению в шпионаже по делу, не относящемуся к работе с Фуксом. Но ввиду отсутствия доказательств не был осужден. Тем не менее ФБР продолжало держать Голда в поле зрения.

После взрыва советской бомбы ФБР в поисках лиц, причастных к утечке атомных секретов, снова стало изучать дело Голда. Контрразведчики обратили внимание на то, что его внешность схожа с описанием внешности неизвестного американца, три раза приходившего в 1945 году к сестре Фукса Кристель. В 1948 году Голда снова вызвали в ФБР. На допросе его спрашивали, почему тот приезжал к Кристель и знает ли он ее брата — Клауса Фукса, не встречался ли с ним. Голд дал отрицательные ответы.

Сотрудники ФБР провели негласный обыск квартиры разведчика и в числе прочих вещей нашли план города Санта-Фе, на котором карандашом было помечено место встречи. Это был тот самый план, что Фукс передал Голду на квартире своей сестры Кристель. В лаборатории ФБР на нем были обнаружены отпечатки пальцев и Голда, и Фукса.

При очередном допросе, используя неопровержимые улики, сотрудники ФБР усилили нажим на Голда. И он, полагая, что контрразведка уже все знает о его связи с Фуксом, дал полные показания о своей работе на советскую разведку и обо всех встречах с ученым в Нью-Йорке и Санта-Фе.

Позднее были получены достоверные данные из закрытых источников, подтвердившие, что именно Голд выдал Фукса. О том же свидетельствует и такой факт: после 10-летнего заключения Голд мог ходатайствовать о помиловании и выйти на свободу. Однако он отказался это сделать. Вместо этого по просьбе Голда ему было предоставлено жилье и работа на территории тюрьмы. Голд поступил так, очевидно, потому, что опасался за свою жизнь.

Директор ФБР Гувер немедленно доложил президенту Трумэну, что его сотрудники выявили источник утечки атомных секретов. Полученные сведения Гувер сообщил и начальнику английской контрразведки MI-5. В первых числах сентября 1949 года английская контрразведка взяла Фукса в интенсивную разработку, которую ученый почувствовал, и перестал выходить на встречи со мной.

В сентябре 1949 года премьер-министр Эттли дал указание приступить к допросу Фукса. Английская контрразведка запросила у ФБР материалы, которые можно было бы предъявить Фуксу во время допроса как доказательство его разведывательной деятельности в пользу СССР. Через некоторое время американцы представили:

— якобы расшифрованную советскую телеграмму, отправленную генконсульством Советского Союза в Нью-Йорке в Москву. В ней сообщалось о содержании встречи Голда с Фуксом на квартире Кристель в январе 1945 года *;

— план Санта-Фе с указанием места встречи и отпечатками на документе пальцев Фукса и Голда;

— несколько фотографий Голда;

* Эта фальшивая телеграмма была составлена ФБР с целью скрыть истинный источник провала. В действительности советские дипломатические шифры американцы раскрыть не смогли.

— короткометражный фильм, на котором Голд был заснят под различными ракурсами во время хождения по улицам.

Начало допроса Фукса было ускорено еще одним непредвиденным событием. В начале октября 1949 года Клаус узнал, что его отец переехал на постоянное жительство из Западной Германии в Восточную, в Лейпциг, где ему дали должность профессора в университете. После недолгого размышления ученый доложил об этом начальнику службы безопасности Харуэлла Г. Арнольду.

Арнольд доложил о своем разговоре с ученым руководству МІ-5. Английская контрразведка воспользовалась этим случаем и приступила к допросам Фукса. Допросы вел руководящий сотрудник МІ-5, известный специалист по работе против Советского Союза Вильям Скардон. На первой же беседе Скардон заявил Фуксу, что тот подозревается в передаче секретной информации Советскому Союзу. Клаус отрицал это.

Во время допросов Фукс не отстранялся от работы в Харуэлле. Видимо, это делалось преднамеренно, чтобы усилить психологическое давление на ученого. Многие сотрудники Харуэлла тогда уже знали, что глава отдела теоретической физики подозревается в шпионаже и его допрашивает МІ-5. Естественно, реакция большинства была далека от одобрительной.

Как позднее, уже находясь в ГДР, рассказывал сам Фукс, он сделал роковую ошибку, когда на прямой вопрос своего хорошего друга заместителя директора Харуэлла Скиннера о том, имеют ли почву подозрения в шпионаже, дал невразумительный ответ. Из этого можно было сделать вывод, что сотрудничество с советской разведкой имело место. Кроме того, как рассказал Фукс, в ходе допросов он пришел к выводу, что «Раймонд» (Голд) выдал его. Об этом, казалось Клаусу, свидетельствовали не только предъявленный план Санта-Фе, который он передал «Раймонду», но и показанные фотографии и фильм.

После мучительных колебаний, решив, что запирательства бессмыс-

ленны, Фукс решил признаться в своей разведывательной деятельности. На встрече со Скардоном 13 января 1950 года он рассказал, что передавал Советскому Союзу секретные материалы по атомной бомбе. При этом Клаус заявил, что секретную информацию он сообщал лицам, действительные имена которых не знал. В США — американцу, изображенному на фото, известному ему как «Раймонд». По внешнему описанию, сообщенному Фуксом, английская контрразведка определила, что ранее, в 1942—1943 гг., Фукс передавал секретные материалы Урсуле Кучинской. Кому передавал ученый материалы в 1947—1949 гг., судя по сообщениям прессы, МІ-5 не установила.

После письменного признания 2 февраля 1950 года Клаус Фукс был арестован. 3 февраля 1950 года в лондонском городском суде в присутствии нескольких человек прокурор Хэмфрис предъявил ему обвинение в том, что в период между 1943 и 1947 годами он, по крайней мере, четыре раза передал неизвестному лицу информацию, касающуюся секретных атомных исследований, которая могла быть полезной врагу. При этом Хэмфрис отметил, что Фукс был «одним из самых блестящих физиков-теоретиков нашего времени». По словам прокурора, преступление ученый совершал «не ради денег, а в силу идей коммунизма».

XIV

Дело Фукса разразилось небывало мощным взрывом на страницах мировой прессы. Заголовки об аресте разведчика были напечатаны крупными буквами, иногда на всю первую страницу газет: «Фукс — самый опасный шпион века», «Фукс передал красным данные о водородной бомбе». В статьях подчеркивалось, что подсудимый выдал Советскому Союзу все атомные секреты США и Англии.

В прессе сообщалось, что американское правосудие требовало передачи дела в суд США, где Клаус неминуемо был бы приговорен к смертной казни. Однако английское правительство отказало в этом, считая, что он, как подданный Велико-

британии, должен быть судим в Англии.

Суд над Клаусом Фуксом состоялся 1 марта 1950 года в известном лондонском суде Олд Бейли. Директор ФБР Гувер предлагал начальнику английской контрразведки Силитоу любую помощь в ходе суда: Англичане отказались. Они были намерены провести суд очень быстро и таким образом раскрыть как можно меньше деталей. С целью избежать лишних свидетелей не было присяжных. На суде оказался лишь один свидетель — сотрудник МИ-5 В. Скардон, проводивший допрос Фукса.

Судей был назначен лорд Годдард, верховный судья Англии, главным обвинителем — генеральный прокурор Англии Шоукросс. В качестве защитника Фукса был выделен известный адвокат Д. Беннетт. В предъявленном обвинении указыва-

8 марта 1950 года было опубликовано заявление ТАСС, в котором говорилось: «Агентство Рейтер сообщило о состоявшемся на днях в Лондоне судебном процессе над английским ученым-атомщиком Фуксом, который был приговорен за нарушение государственной тайны к 14 годам тюремного заключения. Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

XV

После суда над Фуксом Комиссия Конгресса США по атомной энергии потребовала от директора Лос-Аламоса Н. Брадбери представить доклад обо всех секретных документах, к которым Фукс имел доступ. Директору ФБР Гуверу было поручено представить в Комиссию полные тексты признаний, которые Фукс дал в Англии. Полученные документы тщательно проанализировали и установили, что Фукс передал СССР не только результаты научно-исследовательских работ, но и подробные сведения по практическому созданию урановой и плутониевой бомб.

Особенно тщательно выяснялось, что Фукс знал и передал СССР по водородной бомбе. Выяснилось: Фукс знал все. Председатель Комиссии Конгресса по атомной энергии Л. Страус твердо заявил: «В 1947 году Фукс передал русским информацию по водородной бомбе».

В прессе сообщалось, что, по оценке американских ученых и политических деятелей, информация, переданная Фуксом, дала возможность Советскому Союзу значительно сократить сроки создания атомного оружия. Хорошо информированный научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» писал, что Фукс помог СССР ускорить решение этой проблемы на срок от 3 до

1. Однажды в г. Бирмингеме, Англия;

2. Однажды между 31 декабря 1943 года и 7 августа 1944 года;

3. Однажды в феврале 1945 года в г. Бостоне, США;

4. Однажды в 1947 году в Англии он передал неизвестным лицам информацию, касающуюся атомных исследований, которая предназначалась противнику.

Как отмечали присутствовавшие на суде корреспонденты, обвинение, предъявленное Фуксу, было значительно не тем, что в нем содержалось, а тем, что в нем отсутствовало. На этом необычном суде не предоставили слово обвиняемому, а были зачитаны лишь краткие выдержки из письменного признания Клауса.

Перед тем как был вынесен приговор, к Фуксу подошел его защитник Беннетт и спросил, какое наказание он ожидает. «Смертный приговор», — тихо ответил Фукс. В тюрьме он уже приготовился к смерти. Однако суд определил ему 14 лет заключения. Фукс избежал смертной казни лишь потому, что СССР совсем еще недавно был союзником Англии в войне.

Все судебное разбирательство по делу Клауса Фукса продолжалось полтора часа.

10 лет. Что касается термоядерной бомбы, то его информация позволила СССР начать работы по ее созданию значительно раньше, чем США.

Американцев особенно беспокоило то, что Советский Союз получил «фору» при создании водородной бомбы. Вопрос о ее создании обсуждался 9 марта 1950 года в специальной подкомиссии Совета национальной безопасности, которая рекомендовала президенту США производство водородной бомбы считать делом чрезвычайной срочности. На следующий день президент Трумэн принял решение о всемерном развертывании работ по созданию термоядерной бомбы.

В правительственных кругах Англии в это время возникли другие заботы.

Известно, что сведения о том, что Фукс является советским агентом, англичане получили от ФБР. Представители этой службы были недовольны, что английская контрразведка не смогла поймать Фукса с поличным, когда он передавал материалы представителю нашей разведки. В прессе высказывались предположения, что в руководстве МИ-5 есть советские агенты, которые прикрывали деятельность Фукса и разрешали ему работать на самых секретных объектах. Дело дошло до того, что начали подозревать Р. Холлиса, начальника «советского» отдела английской контрразведки. Все это осложняло сотрудничество не только между спецслужбами двух стран, но и совместные работы в области атомной энергии.

Появились статьи, судя по всему, инспирированные спецслужбами США, которые преследовали цель вызвать взаимно враждебное отношение между Фуксом и Советским Союзом. В них утверждалось, что Фукс в последние годы идейно переродился и стал критически относиться к политике СССР. В свою очередь якобы руководство советской разведки крайне озлоблено на ученого за то, что он признался в работе на нашу страну. Подбрасывалась массовому читателю и такая грубая клевета, будто советская раз-

ведка сознательно пожертвовала Фуксом, возможности которого уже были полностью использованы, ради того, чтобы ухудшить англо-американские отношения и тем самым ослабить их военно-экономический нажим на СССР.

Почему Клаус во время допроса говорил о своих идейных колебаниях и неодобрении внешней политики СССР в последние годы? То, что ученый высказывал такие сомнения, не исключено. Здесь напрашивается двойное объяснение. Во-первых, со времени начала сотрудничества с советской разведкой и до ареста, т. е. в течение восьми лет, на него действовала все возрастающая анти-советская пропаганда периода «холодной войны». С 1942 года в целях конспирации Клаус не мог читать прогрессивную прессу или открыто высказывать свои социалистические, просоветские взгляды. В этой обстановке, конечно, у него могли возникнуть политические колебания.

Во-вторых, можно предположить, что, высказывая в ходе следствия и на суде сомнения в политике Советского Союза, Фукс надеялся таким образом спасти свою жизнь. Однако ни разу во время следствия и суда Фукс не заявил, что порывает с коммунизмом. Верность этой идее Клаус Фукс подтвердил всей своей дальнейшей жизнью.

XVI

24 июня 1959 года, после девяти с половиной лет заключения, за примерное поведение Фукс был досрочно освобожден из тюрьмы. За два-три месяца до этого в лондонских газетах появились сообщения, что английское правительство хотело бы использовать ученого в одном из университетов Англии или Канады. Упомянулась в качестве возможного варианта и Западная Германия. Вместо этого по желанию Фукса прямо из тюрьмы его отвезли в лондонский аэропорт, и он на польском рейсовом самолете прибыл в Восточный Берлин. Ему было тогда 48 лет. Тем самым Клаус опроверг сплетни англо-американской прессы об идейном перерождении. Западным корреспондентам он заявил, что по-прежнему является

коммунистом. Через два дня Фукс получил гражданство ГДР.

Руководство Министерства государственной безопасности СССР обратилось к Вальтеру Ульбрихту с просьбой оказать Клаусу Фуксу всемерное содействие, а также выяснить, не согласится ли он жить и работать в Советском Союзе. Ссылаясь на то, что ему спокойней и легче жить и работать среди соотечественников, Фукс от предложения отказался. Вскоре он был назначен заместителем директора Института ядерной физики. Спустя некоторое время Фукс женился на своей знакомой Маргарите Кейлсон, и они поселились в Дрездене. Клаус включился в общественно-политическую жизнь: выступал в прессе, по телевидению и радио по проблемам прекращения ядерных испытаний и борьбы за мир. Читал лекции по физике и философии для студентов и аспирантов.

В 1972 году Фукс был избран членом Академии наук ГДР и членом Центрального Комитета СЕПГ. В 1975 году за научные достижения он получил Государственную премию первой степени, а в 1979 году был награжден орденом Карла Маркса.

XVII

До 1943 года советские ученые вели научные исследования по урановой проблеме разрозненно. Затем была организована центральная лаборатория при АН СССР по урановой проблеме. Ее возглавил Курчатов. К нему стали поступать все сведения по атомным исследованиям, включая секретные разведывательные материалы о соответствующих работах в Англии и США.

После того как США в 1945 году взорвали атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, в СССР было принято решение о начале строительства промышленных объектов для создания собственного атомного оружия. Решением Государственного Комитета Обороны СССР 20 августа 1945 года создали Специальный Комитет при ГКО. Научно-технический Совет по урановому проекту при Совнарком СССР возглавил Б. Ванников. Его заместителем стал И. Курчатов.

С этого времени задания советской разведке обрели более конкретные формы, отвечающие потребностям развернутой программы научно-технических работ по созданию советской атомной бомбы. Клаус Фукс фактически стал работать по заданиям, как и советские ученые, только он трудился не в спокойных условиях, а в обстановке огромной опасности, постоянно угрожавшей его жизни.

Информация, передаваемая Фуксом, всегда получала высокую оценку. Та же, что поступала из Лос-Аламоса и Харуэлла, была особенно ценной. В ней создатели советской атомной бомбы находили не только теоретические, но и научно-практические сведения.

После успешного испытания первой советской атомной бомбы нашим ведущим ученым были присвоены звания Героев Социалистического Труда и лауреатов Сталинской премии, были вручены высокие советские ордена. Орденами были отмечены и некоторые сотрудники разведки. К сожалению, Клаус Фукс получил 14 лет тюремного заключения, едва спасая от смертной казни — и ничего более.

В 1964 году я обратился с рапортом на имя начальника разведки КГБ, в котором просил его ходатайствовать перед Советским правительством о награждении немецкого ученого или об избрании его иностранным членом Академии наук СССР. Как впоследствии мне стало известно, президент АН СССР М. Келдыш заявил: «Это делать нецелесообразно, так как бросит тень на заслуги советских ученых в создании ядерного оружия».

Забегая вперед, следует сказать и вот что. Еще несколько лет назад в ГДР кинорежиссер И. Хельвиг принялся делать документальный фильм о Клаусе Фуксе под названием «Отцы тысячи солнц». Интервью кинодокументалисту дали многие известные физики США, Англии и других стран — те, кто был причастен к созданию ядерного оружия. В Москве состоялась беседа с академиком Г. Н. Флеровым. Академик А. Д. Сахаров беседовать с Хельвигом отказался.

Все люди, у которых Хельвиг брал интервью, отзываются о Клаусе Фуксе как об ученом редких дарований, скромном, трудолюбивом человеке. Некоторые из них после долгих лет раздумий изменили свое отношение к его нелегальной деятельности в пользу Советского Союза. Теперь эти ученые говорят, что разведывательная деятельность К. Фукса, возможно, предотвратила применение США атомной бомбы во время войны в Корее 1950—1953 гг., а также сорвала планы США применить атомное оружие против СССР.

Летом 1968 года Клаус Фукс в составе делегации ученых-атомщиков ГДР приезжал в Москву, посетил ряд советских научно-исследовательских институтов, встречался с нашими учеными. Будучи по характеру деликатным, скромным человеком, он ни словом не обмолвился о том, что 8 лет помогал нам в создании ядерного оружия. Вел себя Фукс настороженно. Возможно, опасаясь обвинения в том, что при допросе он признался в сотрудничестве с Советским Союзом.

Незадолго до отъезда из Москвы с Фуксом встретился руководящий сотрудник разведки КГБ. Беседа шла через переводчика и была напряженной. Ведь ученый впервые оказался в СССР и беседовал с представителем советской разведки после почти 20-летнего перерыва. Наш представитель поблагодарил Клауса за большую помощь Советскому Союзу, рассказал, что руководство разведки через немецких друзей все время следит, чтобы в ГДР у него не было проблем в жизни. В заключение представитель КГБ предложил Фуксу вместе с женой отдохнуть в одном из наших южных санаториев. Поблагодарив, Клаус заметил, что с удовольствием воспользовался бы предложением в следующем году. Ему обещали, что в 1969 году он получит приглашение. Но вскоре тот руководитель ушел на пенсию, произошли и другие изменения в разведке. Про приглашение забыли.

Советские люди впервые узнали о Клаусе Фуксе в июле 1988 года из телефильма «РИСК-II». В нем гово-

рилось, что ученый добровольно передавал СССР секретные материалы о создании атомной бомбы в США. Реакция ведущих советских ученых на фильм была более чем сдержанной. Газета «Известия» 22 июля 1988 года опубликовала интервью с бывшим президентом АН СССР А. Александровым под заголовком «Как делали бомбу». Корреспондент спросил: «После «РИСК-II» многие наши читатели спрашивают, действительно ли К. Фукс помогал СССР?» Академик невинно, с явным нежеланием ответил: «Было что-то. Но в общем это не играло существенную роль».

16 января 1988 года в связи с 85-летием со дня рождения И. Курчатова по телевидению передавалась беседа с видными советскими атомщиками А. Александровым, Ю. Харитоном, Г. Флеровым, Е. Славским и другими. Участники беседы, в частности, отметили:

— при создании атомной бомбы Курчатова не сделал больших ошибок;

— имея только несколько микрограммов искусственно полученного плутония, Курчатова стал смело строить промышленные объекты по получению плутония для атомных бомб;

— первая советская бомба была создана в кратчайшие сроки — за 3 года.

У телезрителей, очевидно, могли возникнуть вопросы, и среди них главный: США совместно с Англией и Канадой, используя выдающихся ученых Европы, не испытав войны на своей территории, имея огромный научно-технический потенциал, создали атомную бомбу за 4 года, затратив на это 5 млрд. долларов. Советский Союз же, понеся неисчислимые людские потери, только приступая к восстановлению разрушенной гитлеровцами промышленности и научной базы, решил ту же сложнейшую задачу на год быстрее*. Почему это произошло? Безу-

* В «Литературной газете» за 6 июня 1990 г. опубликовано интервью с профессором Л. В. Альтшулером, работавшим вместе с академиком Ю. Б. Харитоном над созданием первой советской атомной бомбы. В этом интервью Альтшулер утверждает, что наша атомная бомба была создана даже за два года.

словно, советская атомная бомба была создана так быстро прежде всего благодаря самоотверженному труду десятков тысяч наших ученых, организаторов производства, инженеров, рабочих. Однако в немалой степени этому способствовала и успешная работа советской разведки. В подтверждение этого еще раз можно привести слова из письма Курчатова руководству МГБ СССР: «Советская разведка оказала неоценимую помощь при создании советского ядерного оружия».

Было бы правильным признать помощь прогрессивных иностранных ученых, в том числе и Клауса Фукса, в создании отечественной атомной бомбы. При этом следует подчеркнуть, что эти ученые помогали Советскому Союзу не за материальные блага, а в силу своих коммунистических убеждений, в знак благодарности нашему народу и Советской Армии за победу над общим врагом человечества.

Клаус Фукс и его друзья в ГДР в течение почти 30 лет ждали, что Советский Союз признает наконец его заслуги. Но этого не произошло. 28

февраля 1988 года выдающийся ученый и разведчик умер. Как члена ЦК СЕПГ, его похоронили на кладбище социалистов, где находятся могилы известных деятелей социалистической партии Германии. На похороны пришло много людей. И сколь велико было удивление многих тем, что на печальной церемонии не оказалось ни одного представителя нашей страны. Мало того, на подушечках, на которых покоились ордена ГДР, не было ни одной советской награды. Как это могло случиться? Ведь всему миру известно, что Фукс в течение нескольких лет передавал СССР секреты чрезвычайной важности, сидел за это в тюрьме.

Сегодня, когда гласность открыла общественности много доселе неизвестных героев в собственной истории, думается, настала пора воздать должное и подвигу Клауса Фукса — талантливого ученого и разведчика, подлинного коммуниста-интернационалиста.

*Полковник в отставке А. С. ФЕКЛИСОВ,
кандидат исторических наук*

От редакции. Жизнь гораздо на аналогии. Недавно в наших газетах промелькнуло сообщение, что в архивах бывшей секретной службы «штази» бывшей ГДР хозяйничают переушники. Нынешние хозяева Германии целехонькими получили множество документов в прошлом союзного нам государства, в том числе и его разведки. Сообщалось, что многие разведчики недавней ГДР уже разоблачены и арестованы. По мнению прессы, среди них могут оказаться и те, кто оказывал помощь советской разведке. Более того, глава спецслужбы Соеди-

ненных Штатов заявил, что руководитель КГБ теперь постоянно должен ломать голову: кто еще из помогавших нам немцев будет разоблачен на следующей неделе?

Конечно, это дело самих восточных немцев, какие материалы следовало оставить перед объединением Германии, а какие уничтожить. Но все ли меры для спасения верных делу интернационализма, идее социализма да и просто союзническому долгу людей предприняли мы? Неизвестно. Судя по торжеству работников ЦРУ, им досталась ценная добыча.

На 1-й странице обложки использована иллюстрация из книги Роберта Ч. Вильямса «Клаус Фукс — атомный шпион».

БЕРИЕВЩИНА

В МАТЕРИАЛАХ, которые мы исследовали, содержится немало доказательств того, что задачу «втирания в доверие» к Сталину Берия считал одной из основных. Начал он ее выполнение, можно сказать, на дальних подступах. Перебравшись в 1923 году из Баку в Тбилиси (сначала на должность начальника секретно-оперативного отдела ЧК Грузии, затем заместителя председателя и председателя ГПУ республики), он стал проявлять особую заботу о матери Сталина. Сперва это были просто знаки повышенного внимания, позже — учреждение привилегий и почти что царских почестей. Мать Иосифа Виссарионовича определили на жительство в апартаменты на проспекте Руставели, где помещался Совнарком; каждый ее выход в город превращался в шумное триумфальное шествие¹. Одновременно с этим Берия сконцентрировал свои недюжинные энергии и изворотливость на организации дома-музея И. В. Сталина в Гори², всячески пропагандируя это «общенациональное дело» и раздувая костер славословия так, чтобы искры от него заметили в Москве. Но наибольшего успеха он достиг, издав под своим именем чужой труд «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье»³, непомерно преувеличивая заслуги Сталина в революционной борьбе. «Как известно, — откровенничал его подручный Шария, — Берия стал политической фигурой большого масштаба благодаря известной книге «К вопросу о развитии большевистских организаций в Закавказье», хотя не принимал участия в составлении этой работы... между тем люди, непосредственно составлявшие работу, должны были оставаться неизвестными.

Более того, часть из них была репрессирована в 1937 году...»⁴.

О том, что книга сыграла значительную роль в дальнейшей карьере Берии и обратила на себя внимание того, кому в основном адресовалась, свидетельствуют не только показания очевидцев, но и общественный резонанс в стране, конечно же, организованный сталинским пропагандистским аппаратом. Ее массово изучали и обсуждали, по ней проходили читательские конференции в трудовых коллективах и воинских частях. И с годами ажиотаж вокруг нее не утих. Так, издательство «Московский рабочий» в декабре 1947 года выпустило листовку, приуроченную к выборам в местные Советы. В ней отмечалось: «...товарищ Берия — один из виднейших руководителей большевистской партии, ближайших учеников и соратников товарища Сталина... Книга Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» является большим вкладом в научную историю партии большевиков»⁵.

О том, что Берия, торя дорогу к сердцу Сталина, возлагал большие надежды и делал ставку на указанную книгу, убедительно доказывает его расправа над действительным автором труда Ермолаем (Эриком) Алексеевичем Бедией. Чтобы эту расправу выдать за законную казнь, в срочном порядке была «организована» контрреволюционная группа, в которую «водворили» Бедию. В материалах поднят протокол осмотра архивно-следственного дела № 25899 (НКВД Грузии № 12545) по обвинению Владимира Владимировича Мирцхулавы, в котором имеется копия протокола допроса Е. А. Бедии. Последний показал, что в контрреволюционную организацию правых его завербовал Амберкий Кекелия еще в 1931 году. Члены организации якобы занимались диверсионно-вреди-

Продолжение. См.: Военно-исторический журнал. — 1989. — № 5, 7; 1990. — № 1, 3, 5.
¹ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 4, л. 35.

² Там же.

³ Военно-исторический журнал. — 1989. — № 7. — С. 82—84.

⁴ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 97.

⁵ Личное дело Л. П. Берии.

тельской деятельностью в республике и готовили «теракт», т. е. убийство Берии. Сам Бедия будто бы осуществлял вербовку новых членов и «обрабатывал в контрреволюционном правом духе» менее податливых лиц, например Владимира Мирцхулаву — секретаря Орджоникидзевского районного комитета. «С Мирцхулавой Владимиром я имел к[онтр]р[еволюционно] содержания беседы в тот период времени, когда он работал инструктором культпропотдела закрайкома ВКП[б], — сообщал Бедия. — В разговорах с ним я подвергал правой критике политику руководства ВКП[б] и откровенно выражал свое озлобление в отношении секретаря ЦК КП[б] Грузии — Берии. С моими высказываниями он обычно солидаризировался... Я сказал Мирцхулаве о существовании группы лиц во главе с Кекелией, ведущих борьбу против руководства КП[б] Грузии, в основном против Берии...»⁶.

Мирцхулава в свою очередь на первом допросе (4 ноября 1937 г.; его допрашивали Хазан и его помощник Тверацрелидзе) «сознался», что в контрреволюционную организацию правых завербован в сентябре или октябре 1936 года Эриком Бедией. Последний в числе членов организации назвал Германа Мгалоблишвили, Шалву Матикашвили, Амберкия Кекелию, Акакия Татаришвили, Василия Дарахвелидзе, Еромолая Горделадзе, Владимира Гогешвили, Константина Деметрадзе, Карло Орагвелидзе⁷.

Хотя Мирцхулава «чистосердечно» и «искренне» покаялся, заявив, что «решил прекратить к[онтр]р[еволюционное] сопротивление, разоружиться окончательно и правдиво изложить следствию о совершенном преступлении»⁸, его, как и Бедию, расстреляли. Последнего за то, что имел неосторожность заявить публично о своем авторстве и сказать, что, дескать, он, Бедия, работает, а награды и ордена получают другие, т. е. Берия⁹. Мирцхулава же поплатился жизнью по воле случая, оказавшись в одной компании с врагом Берии.

Преследовались и те, кто распространял слухи о подлоге с книгой.

29 июля 1953 года свидетель Г. С. Доценко передал следствию свой разговор с бывшим начальником СПО ЧК Азербайджана Львом Абрамовичем Цильманом. «В 1951 г. в 5-м лаготделении горного ла-

герь в Норильске, — вспоминал Доценко, — где мы с ним отбывали наказание и работали [я прорабом, а он у меня бригадиром], Цильман спросил меня: «А ты знаешь, кто такой Берия в прошлом!» Я ответил: «Знаю». Цильман продолжил: «Так вот, знай, что Берия ...не писал брошюры «О некоторых вопросах к истории большевистской организации Закзакзакз»¹⁰, а писал ее другой человек...». Я думаю, что Цильман об этом рассказывал и другим лицам, в частности, он мог рассказать заключенному 5-го лаготделения горного лагеря Кричману Семену Александровичу, бывшему капитану государственной безопасности, работавшему последнее время (1938 г.) в Свердловске начальником 3-го отдела. Цильман с Кричманом был тесно связан и был долгое время с ним в Дудинке, где они отбывали наказание до приезда в Норильск в 1949 г. В 1952 г., в марте, Цильман погиб при несчастном случае на производстве на площадке гор-строа, попав под вагон...»¹¹.

Для сближения со Сталиным Берия искал и другие пути. Так, двоюродная сестра жены Берии — Александра Накашидзе длительное время работала хозяйкой в доме Сталина. Об этом сообщила следствию Нина Теймуразовна (жена Берии; протокол допроса от 24 июля 1953 г.). «Она после войны, — рассказывала Нина Теймуразовна об Александре Накашидзе, — вышла замуж и уехала в Тбилиси. Ее мужа я знала, фамилия его Циклаури Илья...»¹². Располагая многочисленными фактами о том, с какой настойчивостью Берия стремился иметь везде своих людей, трудно предположить, что присутствие близкого ему «агента» в сталинских апартаментах — простая случайность. Внедрив родственницу в штат «дворцовой челяди» вождя, Берия таким образом установил постоянный почти что прямой контакт со Сталиным. Если раньше встречи с Иосифом Виссарионовичем происходили эпизодически, да и то чаще всего в официальной обстановке, то теперь Лаврентий Павлович во время своих приездов в Москву по вызову мог, точно узнав, что Сталин дома, навестить родственницу, передать ей многочисленные приветы и подарки от родни и, естественно, рассчитывая на известное кавказское гостеприимство, остаться отобедать или отужинать. А там — разговор совершенно иной, чем в кабинете: там можно

⁶ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 38, л. 216.

⁷ Там же, лл. 216, 217.

⁸ Там же.

⁹ Военно-исторический журнал. — 1989. — № 7. — С. 82.

¹⁰ В материалах следствия встречаются различные названия бериевской книги-плагиата.

¹¹ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 4, лл. 35, 36.

¹² Там же, т. 3, л. 44.

более выгодно показать себя и попутно, как бы невзначай, подпортить репутацию соперника, скажем, Нестора Лакобы или самого Серго Орджоникидзе. Кроме того, благодаря должности свояченицы появилась возможность воздействовать на Сталина в свою пользу непосредственно через нее: день изо дня утверждать собственную репутацию как незаурядного работника, надежного и преданного помощника, а также получать свежую информацию о реакции на подобное восхваление, чтобы в следующий раз сделать более умный и эффективный ход. Пристроить же Александру Накашидзе в дом Сталина Берия мог через его мать, которую он окружил повышенным вниманием и заботой и перед которой угодничал. А благо просто так он никогда не делал. Как бы там ни было, но такие размышления полностью соответствуют наблюдению одного из самых его близких приспешников — Гоглидзе, заявившего: «...мне было известно, что Берия довольно прочно вторгся в доверие Сталина и таким образом ему... прощались серьезные проступки...»¹³.

Нет, не мог Берия покушаться при жизни Сталина ни на его должность, ни на его авторитет. Это произошло уже после смерти главного его покровителя и филантропа. Хотя... хотя, если быть до конца точными и объективными, одно покушение все-таки произошло значительно раньше марта 1953 года. Правда, в чекистских кругах бытовало прочное мнение, что это был всего лишь умело организованный спектакль, режиссером-постановщиком которого являлся Лаврентий Берия, сумевший извлечь из этого случая максимум выгоды: заслужить еще большее доверие Сталина, «раскрыв преступную группу», покушавшуюся на него; скомпрометировать в глазах вождя Ягоду, а быть может, и ускорить его арест и уничтожение; расчитаться с одним из самых опасных конкурентов в борьбе за сталинскую благосклонность — Лакобой, вернее, отомстить за участие в этой борьбе, скомпрометировав того после смерти (не исключено, что Берия, как причастный к этой смерти, заметал тем самым свои следы).

В предыдущей главе мы об этом случае только упоминали, сейчас же расскажем о нем более подробно. А произошло вот что.

В сентябре 1933 года начальник пограничных войск НКВД Закавказья Гоглидзе был срочно вызван в Гагру на правитель-

ственную дачу. О причине столь экстренного вызова он догадывался. Ему уже доложили, что катер, на котором был Сталин, обстреляли пограничники. Догадка подтвердилась. На даче, где находились председатель Совнаркома Абхазии Нестор Лакоба, первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Лаврентий Берия, а также Иосиф Сталин, Сергей Гоглидзе получил задачу незамедлительно, сохраняя полную секретность, расследовать чрезвычайное происшествие. Вскоре Гоглидзе представил Берии отчет о расследованном им лично деле. Вероятнее всего, что с самого начала эта акция планировалась как покушение. Согласно сценарию готовился и отчет. Но тут вмешался Ягода, который убедил Берия представить все происшедшее как недоразумение, оплошность или разгильдяйство отдельных лиц. Ягода, как нарком внутренних дел страны, конечно же, боялся за свою репутацию. Ведь если не он непосредственно, то его люди не сумели обеспечить безопасный отдых вождя. В определенной степени вина ложилась и на Берию, но он, находясь на партийной работе, а также сопровождая Сталина, все-таки мог быть привлеченным к ответственности меньше других. Да и в случае крайней нужды сумел бы найти подставных лиц, на которых удалось бы свалить обвинение. Если не на своего ставленника Гоглидзе, то на других начальников, рангом поменьше: председателя ГПУ Абхазии, начальника пограничной заставы... Не говоря уже о непосредственных участниках инцидента. Ведь они-то, не ведая о хитроумно задуманном плане и о том, что катер со Сталиным отсутствует в предоставленной им заявке на прохождение судов в охраняемой зоне, действовали, надо полагать, по инструкции. Но Гоглидзе, лично допросивший командира отделения пограничников Лаврова, сделал иное заключение. Лавров дал такое объяснение: увидев движущийся катер, пересекавший подведомственную ему зону, т. е. погранзаставы «Пицунда», он сигналами повелел катеру пристать к берегу; поскольку тот продолжал двигаться прежним курсом, произвел несколько выстрелов вверх. Гоглидзе же нашел свидетелей, которые показали, что стрельба велась в сторону моря, т. е. по катеру.

Покушение было очевидным, если судить по докладу Гоглидзе. Он нашел, что «действия Лаврова при всех случаях были грубым нарушением уставных правил пограничной службы» и отдал его под суд¹⁴.

¹³ Там же, т. 3, л. 245.

¹⁴ Там же, т. 3, л. 278.

Но тут вмешался Ягода, и Берии скрепя сердце пришлось подчиниться (портить отношения с Ягодой он пока не хотел) и временно отложить осуществление до логического конца блистательно разработанного плана. Видимо, потому в показаниях Лаврова появились детали, существенно менявшие все дело: стрельба велась не преднамеренно, а по недомыслию и не дисциплинированности командира отделения пограничников, пытавшегося заполучить катер, чтобы погрузить на него грязное белье. Лавров мог охотно согласиться именно на такую оценку его действий, поскольку первоначальный вариант грозил ему смертной казнью. В итоге он был осужден на 5 лет. Понес наказание и начальник погранзаставы «Пицунда» за отсутствие дисциплины и порядка на заставе, нарушение уставных правил подчиненными. Следствие также признало виновным начальника оперативного сектора — председателя ГПУ Абхазии Микеладзе, в подчинении которого в то время находилась погранзастава. Его не только сняли с должности, но и уволили из органов¹⁵.

Можно представить огорчение Микеладзе, который и думать не думал, что его ждет куда более серьезное наказание. Знал об этом только Берия.

Как бы ни ограджали от огласки тайну об инциденте, она получила распространение. По крайней мере в среде чекистов и пограничников. Первые обвиняли последних в том, что разгул националистических страстей в некоторых пограничных частях привел к невиданному ЧП — покушению на вожда; последние, оправдываясь, доказывали, что действовали верно, поскольку незаявленный катер приняли за вражеский, а, кроме того, его обстрел производился... по приказу свыше. Среди распространявшихся подобные слухи производились аресты¹⁶.

Да, имело хождение и такое мнение: обстрел катера, на котором находился Сталин, — не простая случайность, а обдуманный террористический акт, нити которого ведут к Берии, Гоглидзе и Широкову. По словам свидетеля Доценко, Широков — «то ли начальник, то ли заместитель начальника внутренних дел и пограничных войск», «хозяин на границе Грузии» — жил с Берией «на короткую ногу», часто бывал у него и пьянствовал с ним. «Этот Широков, — рассказывал Доценко, — судя по характеристике... был проходимцем, тесно связан с начальником АХУ

(административно-хозяйственное управление НКВД СССР) Островским и Ягодой (надо объяснить, что у Островского работали еще два брата Широкова, но имели разные фамилии). Думаю, что расследование по этому акту Ягодой было покрыто»¹⁷.

Люди с замутненными биографиями — таковы, как правило, безотказные исполнители планов Берии. Вот и Широков, являясь к тому же заместителем другого бериевского приспешника — Гоглидзе, уж очень подходил на роль организатора инсценировки покушения на Сталина, а также распространителя слухов о «покушении» среди чекистов и пограничников. Конечно, слухов, выгодных для Берии, чтобы тот в нужный момент смог подкрепить их «реальными» фактами, использовать как острое оружие для поражения соперников, как очередную ступеньку в карьеристском восхождении.

Но прежде чем наступил час выставить главные козыри в ставке на покушение, политический интриган-игрок Берия использовал выгодную ситуацию установить постоянное наблюдение за Лакобой, в «вотчине» которого произошел инцидент. Для этого он вскоре после окончания расследования происшествия продвинул на пост наркома внутренних дел Грузинской ССР Гоглидзе, который, по его собственному признанию, «по роду службы стал иметь больше отношений к работе органов НКВД Абхазии»¹⁸, иными словами, вести слежку за Лакобой. А она была нужна для сбора компрометирующих материалов и «убедительных» доказательств того, что катер обстрелян не случайно, что Сталин зря так хорошо относится к Лакобе, так доверяет ему. Верить можно только Берии.

Чтобы бросить тень на репутацию Лакобы, Берия, заигрывая с ним, представляясь отзывчивым, уважительным гостем и хлебосольным хозяином, не упускал любого мало-мальски подходящего случая. Об одном из них, не исключено, что организованном, рассказал следствию Гоглидзе на допросе 17 августа 1953 года.

«Не помню точно, в 1935 или 1936 году, — вспоминал изощренный бериевский интриган, — на даче у Лакобы в Гагре застрелилась дочь Розенгольца¹⁹, которая отды-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, т. 3, л. 275.

¹⁹ А. П. Розенгольц (1889—1938). В партии с 1905 г. Во время Великой Октябрьской социалистической революции — член Московского Военно-революционного комитета. В годы гражданской войны — член Реввоенсовета ряда армий и фронтов. Затем зани-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, т. 4, л. 37.

хала у него на даче в день самоубийства. Помню, что когда я об этом случае доносил Берии, который тогда же отдыхал в Гагре на своей даче, он этому факту придал большой интерес и поручил мне тщательно расследовать, не является ли виновником в смерти этой женщины Лакоба.

Вначале у нас возникло подозрение, что Лакоба изнасиловал Розенгольц, и она на этой почве покончила самоубийством, но эта версия не была подкреплена доказательствами. Было установлено вскрытием трупа, что Розенгольц в день самоубийства имела половые сношения, но с кем — установить не удалось, так как она до прибытия на дачу к Лакобе была где-то в городе Гагре, где жила в гостинице. Раньше она у Лакобы бывала и жила у него по несколько дней, но он категорически отрицал сожительство с Розенгольц.

Следствием было установлено, что Розенгольц прибыла к Лакобе в день самоубийства, вместе с ним и его приближенными поужинала, немного выпила вина, а потом ушла в спальню, где взяла пистолет у Лакобы и там застрелилась. Ничего другого установить не удалось.

Докладывая тогда о ходе следствия и результаты, у меня сложилось впечатление, что Берия хочет как-то использовать материалы следствия против Лакобы. Он на непродолжительное время оставлял у себя материалы расследования, а затем возвращал их мне без замечаний»²⁰.

Нет сомнений, что Гоглидзе многого не договаривает, чтобы не выдать свою истинную роль в этой темной истории, а также скрыть от следствия тайную цель Берии, которая могла бы послужить серьезным обвинением и против него, Гоглидзе. Но и того, что он рассказал, вполне достаточно, чтобы сделать следующее заключение: Берия в той ситуации мог не только инсценировать самоубийство из пистолета Лакобы, но сумел бы доказать, что Лакоба сам застрелил «любовницу»; но это ему было невыгодно. Такой вариант требовал более длительного и тщательного расследования, а также выпячивал в какой-то мере личную заинтересованность Берии в компрометации Лакобы. Результат же оказался бы один и тот же — Лакоба, пользуясь

высокой поддержкой, отделялся соответствующим внушением, легким наказанием. Поэтому Берия довольствовался тем, что мнение Сталина о непогрешимости своего любимца поколеблено. В очередной раз, когда у Лакобы «обнаружатся» еще какие-то грехи, быть может более тяжкие, его невиновность не станут доказывать с такой настойчивостью, а может, и вовсе не будут защищать. Берия же окажется в стороне.

А потом наступила загадочная смерть Лакобы. По этому поводу имеются показания Гоглидзе. Точно он не помнит, когда умер Лакоба, но, как ему казалось, в ноябре 1936 года в тбилисской гостинице «Ориент». Сообщил ему о том в одну из ночей ответственный дежурный НКВД Грузии. Гоглидзе тут же позвонил Берии, который повелел, не мешкая, засечь за ним. По пути в гостиницу они захватили с собой председателя Совнаркома Грузии Мгалоблишвили (Берии нужны были свидетели и потенциальные ответчики). На месте их уже поджидали другие «сопричинники» Берии: Мичурин-Равер и Кобулов, а также врач лечебно-санитарного управления. Мертвый Лакоба лежал в постели. Врач доложил, что в результате предварительного осмотра он склонен считать причиной смерти сердечную недостаточность. Судебно-медицинское вскрытие трупа Лакобы Берия (через Гоглидзе) поручил организовать Мичурину-Раверу и Кобулову. Насколько помнит Гоглидзе, оно подтвердило первичное заключение врача, хотя никакого расследования специально не проводилось. Тело Лакобы с почестями отправили в Сухуми. Когда Берия с Гоглидзе возвращались в машине в ЦК партии республики, Лаврентий Павлович, очень взволнованный, сказал: «Жаль, что умер Лакоба и не успели заслушать его доклад». А затем объяснил, что вызывал Лакобу для доклада о работе Совнаркома Абхазии. Заслушивание должно было состояться на следующий день по приезду, а накануне Лакоба ходил в театр. Именно там он почувствовал себя плохо и, не досмотрев спектакля, возвратился в гостиницу. Где Лакоба находился до театра, Гоглидзе не известно, как не может с достоверностью сообщить, с кем он появился на спектакле — возможно, что это был Мгалоблишвили²¹.

Что именно Мгалоблишвили сопровождал Лакобу в театр, подтвердило другое доверенное лицо Берии — Шария. Вот что он рассказал следователю 15 августа 1953 года:

²¹ Там же, лл. 276, 277.

мал ответственные посты, находясь на военной, дипломатической и советской работе. Приобрел известность как сторонник Троцкого. Так, поддерживал платформу последнего в ходе дискуссий о профсоюзах. В 1937 г. за антипартийную деятельность и участие в контрреволюционной троцкистской организации Розенгольц был исключен из членов ВКП(б) и привлечен к уголовной ответственности.

²⁰ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 275.

«Не помню сейчас, какого числа, утром мне позвонил на квартиру секретарь обкома партии Абхазии Гобечия и передал, что мне нужно срочно прибыть в ЦК КП Грузии»²² ...Гобечия ...мне рассказал, что умер Лакоба. Тогда я узнал, что Лакоба накануне обедал или ужинал у Берии, затем был с тогдашним председателем Совнаркома Грузии Мгалоблишвили в театре, чувствовал себя хорошо, шутил, рассказывал анекдоты и в ту же ночь скончался... В связи со смертью Лакобы Берия проявил большое внимание организации похорон и соприсвождению гроба с телом Лакобы в Абхазию... Помню, что гроб с телом Лакобы сопровождала специальная делегация во главе с тогдашним председателем Совнаркома Грузии Мгалоблишвили...²³.

Возможно, в планы Берии входило рассматриваться и с Мгалоблишвили, подведя его к ответственности то ли за смерть Лакобы, то ли за тесную связь с ним. Последнее обвинение и было использовано, когда было объявлено об антисоветской деятельности Лакобы и руководимой им до 1936 года подпольной контрреволюционной группы. Как участника антисоветского заговора, Мгалоблишвили арестовали (1938 г.) и приговорили к расстрелу²⁴. Но это было позже. А в день смерти Лакобы ничего не подозревавший Мгалоблишвили с почестями сопровождал тело Лакобы в Сухуми, увозя с гробом и траурный венок лично от Берии. Вместе с другими этот венок был возложен на могилу Лакобы, которого похоронили в парке при большом стечении народа. Нет сведений, прилюдно ли вскрывалось захоронение. Но что этот кощунственный акт по приказу Берии осуществлялся, сохранились убедительные сведения. О них, к примеру, дал показания Гоглидзе:

«Лакоба умер, кажется, в ноябре 1936 года, а о его антисоветской, заговорщической деятельности стало известно в период массовых арестов 1937 — 1938 гг. Помню, что на него были получены показания от лиц, арестованных НКВД Грузии, а также в НКВД СССР²⁵. Помню, что его фамилия упоминалась на открытых процессах участников правотроцкистских организаций, в связи с чем его могила была

упразднена, а останки сожжены и разбросаны...»²⁶.

Всплыла снова и история с катером, т. е. с «покушением» на Сталина. Ягода к тому времени находился под арестом, а заменивший его Ежов был тоже не прочь еще больше скомпрометировать своего грозного предшественника. Но, видимо, не смог предвидеть, какие сильные козыри дает в руки «игрока с Биржевой улицы» не только в борьбе с мертвым Лакобой, но и с живыми участниками организованной им «заговорщической подпольной группы». Как бы там ни было, но в конце 1937 года были получены показания, что обстрелявший катер командир отделения пограничников Лавров являлся участником заговора и имел задание совершить террористический акт в отношении Сталина. Из лагеря, где Лавров отбывал наказание, его доставили в Тбилиси во внутреннюю тюрьму НКВД, где, допросив с пристрастием, «полностью изобличили» как врага народа и террориста. Его приговорили к расстрелу. Такую же меру наказания получил и бывший председатель ГПУ Абхазии Микеладзе, уволенный за допущенный инцидент с катером в 1933 году из органов. Теперь он был приговорен к расстрелу тройкой республиканского НКВД²⁷. Это произошло уже после того, как окончательно втершийся в доверие к Сталину Берия в награду за «раскрытие» контрреволюционной террористической группы, подготавливавшей убийство «вождя», сокрытое Ягодой, получил назначение в Москву. Сперва первым заместителем к Ежову, «столкнувшимся» с помощью Берии Ягodu, чтобы менее чем через полгода убрать со своего пути и Ежова.

6. МЕСТЬ ЗА ПОДДЕРЖКУ

В следственных материалах по обвинению Л. П. Берии содержится немало противоречивых сведений об отношении Лаврентия Павловича и Григория Константиновича (Серго) Орджоникидзе. Это еще один могущественный филантроп и «козырная карта» в бериевской политической игре. Это еще одна жертва бериевских интриг, козней, произвола и мафиозной мстительной натуры.

Если проанализировать многие факты из рассматриваемого уголовного дела, то можно сделать вывод: на протяжении ряда лет Берия, используя сполна в корыст-

²² В то время П. А. Шария являлся заведующим отделом пропаганды и культуры тбилисского горкома партии.

²³ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 132.

²⁴ Там же, л. 277.

²⁵ Вот где пригодились тесная связь Лакобы с Розенгольцем; несомненно, что всплыла и загадочная смерть дочери последнего на даче у Лакобы.

²⁶ Дело по обвинению Л. П. Берии... т. 3, л. 278.

²⁷ Там же.

ных целях авторитет Орджоникидзе в партии и народе, а также его влияние на лиц сталинского окружения, вместе с тем вел интриганскую борьбу против этого авторитета и этого влияния.

Почему так? Данные, которыми мы располагаем, позволяют выдвинуть на этот счет две версии.

Версия первая. Орджоникидзе, зная о подозрительном прошлом Берии, нередко публично критиковал последнего, чем вызывал у того злобу и ненависть. Так, к материалам дела приобщен подлинный рапорт Кобулова на имя Гоглидзе, датированный 16 декабря 1936 года, т. е. составленный еще до смерти Орджоникидзе. В нем доносилось: «Излагая беседу с Леваном Гогоберидзе в Сухуми в 1936 году, Агниашвили показал, что Леван Гогоберидзе к[онтр]р[еволюционные] клеветнические измышления о прошлом тов. Берии передавал со слов т. Серго Орджоникидзе...»²⁸. Есть все основания предполагать, что подобные слухи направлялись отнюдь не на дискредитацию Берии, а на сбор всевозможных обвинительных улик против Орджоникидзе. Причем измышлялись и множились они бериевскими же приспешниками. О том свидетельствуют многие показания членов преступной группы, которые утверждают, что Орджоникидзе хорошо относился к Берии и оказывал ему всяческую поддержку в его карьере, а тот до поры до времени выгодно пользовался этим. Более того, сам Берия в узком кругу с трудом сдерживал антипатию к своему покровителю. «Мне известно, — показывал на следствии один из бериевских подручных Шария, — что Берия внешне относился к Серго Орджоникидзе как бы хорошо, а в действительности говорил о нем в кругу приближенных всякие гадости»²⁹. «Берия в присутствии меня и других лиц, — вторил ему Гоглидзе, — допускал в отношении Серго Орджоникидзе резкие высказывания пренебрежительного характера... У меня складывалось впечатление, что Берия говорил это в результате какой-то личной злобы на Орджоникидзе и настраивал против него других»³⁰.

Вот почему нам показалось более убедительным второе предположение. Но прежде, чем его изложить, приведем еще одно свидетельское показание — М. Багирова, которое во многом разъясняет истоки вражды Берии к Орджоникидзе:

«Берия держался по отношению к Серго Орджоникидзе подло. Сначала Берия использовал хорошее отношение к нему Серго Орджоникидзе в карьеристских целях, а затем, когда Орджоникидзе помог Берии достигнуть определенного положения, то именно Берия стал интриговать против Орджоникидзе. Вспоминаю следующий случай. За несколько месяцев до своей смерти Серго Орджоникидзе посетил в последний раз Кисловодск. В этот раз он позвонил ко мне по телефону и просил приехать к нему. Я выполнил эту просьбу Орджоникидзе и приехал в Кисловодск, где в это время гостил Георгий Димитров. Орджоникидзе подробно расспрашивал меня о Берии и отзывался при этом о нем резко отрицательно. В частности, Орджоникидзе говорил, что не может поверить в виновность своего брата Папулии, арестованного в то время Берией. Очевидно, что Орджоникидзе тогда понял уже всю неискренность и вероломство Берии, сначала использовавшего поддержку для того, чтобы пробиться к власти, а затем решившего любыми средствами очернить Орджоникидзе.

Берии стало известно через своих людей о том, что Орджоникидзе вызывал меня в Кисловодск, и он говорил по этому поводу со мной по телефону, но я ответил, что Орджоникидзе интересовался вопросами, связанными с добычей нефти.

Отношение Берии к Серго Орджоникидзе является одним из наиболее убедительных примеров подлости Берии, его карьеризма и вероломства»³¹.

Итак, версия вторая. Берия не мог простить Орджоникидзе ни определенной зависимости от него, ни вынужденного расчета на его поддержку и помощь в своей карьере. Именно этот мотив, судя по всему, а также противоположные черты характера и жизненные принципы временного и в общем-то случайного покровителя породили в Берии непреодолимую злобу и даже враждебность по отношению к Орджоникидзе. Так пришло решение отомстить за... поддержку. Оно крепло с каждым годом, с каждым новым продвижением по служебной и партийной лестнице. Когда же Орджоникидзе превратился из воображаемого призрачного объекта для мести в реального и потенциального соперника, когда он мог стать непреодолимым препятствием для дальнейшего карьеристского роста и достижения возжеленной власти, предательские и преступные замыслы переросли в конкретный план.

²⁸ Там же, т. 12, л. 70.

²⁹ Там же, т. 3, л. 124.

³⁰ Там же, т. 13, л. 36.

³¹ Там же, т. 39, л. 87.

Авторитет Серго Орджоникидзе не только в Закавказье, но и в стране, его популярность в партии и народе, его заслуги на определенном этапе, а именно в середине тридцатых годов, перестали служить Берии только эмоциональным раздражителем, т. е. вызывать его зависть и гнев. Чувства, если можно так сказать, материализовались в стратегические расчеты и тактические приемы, а давно вынашиваемая идея мести уступила место напряженной борьбе — кто кого. Вообще, если быть до конца точным, то настоящая борьба не велась, поскольку активные и разнообразные меры предпринимались только одной стороной — бериевской.

Берия ни уступать, ни отступать не собирался. Даже перед таким авторитетом. Слишком много сил и энергии затратил он для того, чтобы стать «вождем» в Закавказье, слишком много жертв отправил на алтарь своей властолюбивой цели. И разве не для того, чтобы идти к этой цели без остановки, он в течение многих лет сколачивал надежную группу, а точнее банду, из верных ему приспешников, готовых выполнить любой его приказ, совершить любую подлость, любое преступление? Мы уже рассказывали о том, как Меркулов, помогая Берии скрывать от партии и народа свои давние прегрешения, через Багирова вывез из Баку в Тбилиси компрометирующие своего «хозяина» материалы. Другой бериевский опричник — Сумбатов пошел еще дальше: выкрал из архива института имени Шаумяна и уничтожил личное дело Берии³².

Участники этой группы, как сказано в обвинительном заключении, вербовались преимущественно из числа лиц, подчиненных Берии по службе, совершивших ранее преступления или в чем-то себя скомпрометировавших, морально разложившихся. Берия отводил от них заслуженные наказания, укрывал, оберегал, покровительствовал им, назначал на высокие должности и требовал в ответ покорности, угодничества и молчания. В числе его ближайших соучастников, отмечалось на закрытом судебном заседании, оказались: Меркулов — сын дворянина, бывшего начальника участка Закатальского округа Закавказья, осужденного к тюремному заключению еще в царское время, но отнюдь не за революционную деятельность; Б. Кобулов, подвергавшийся заключению под стражу за произвол и грубые нарушения революционной законности; Цере-

тели — бывший офицер царской армии, а затем обер-лейтенант так называемого «грузинского легиона», созданного немцами и турками для участия в оккупации Закавказья; Мильштейн — сын торговца, все родственники которого находились в Америке, а брат был впоследствии расстрелян за шпионаж; Савицкий — сын дворянина, бывшего полковника царской армии, эмигрировавшего за границу; Сумбатов-Топуридзе — бывший активный меньшевик; Хазан, связанный с контрреволюционными троцкистами, и другие подобные им лица. В их числе Шария, Мичурин-Равер, А. Кобулов, Цанава, Какучая, Крымян, Парамонов, Мамулов, Людвигов, Ордынцев. Ядро группы составили В. Меркулов, В. Деканозов, Б. Кобулов, С. Гоглидзе.

Вскоре «свои» люди из чекистских работников, как показал Мичурин-Равер, старательно помогавшие Берии стать «вождем», были расставлены по всему Закавказью. «В эту группу, — сообщил Мичурин-Равер, — особо доверенных людей Берии входили в Грузии: Саджая, Меркулов, Кобулов Б., Кобулов А., Мильштейн, Деканозов, Цанава, Гоглидзе, Равава, Церетели, позднее — Рухадзе; в других республиках Закавказья — Багиров, Агрба, Мугдуси, Цатуров и другие. Всех этих людей, кроме Багирова, Берия сам выдвигал на руководящую работу в чекистских органах, а затем, когда он возглавил Закавказский краевой комитет ВКП(б) и ЦК КП Грузии, то расставил своих людей на руководящие государственные и партийные посты. Саджая стал секретарем обкома партии Аджарии, Деканозов — заместителем Председателя Совнаркома Грузии и председателем Госплана, Цанава — начальником Колхидстроя, потом секретарем обкома в Поти, Меркулов — начальником особого сектора, потом начальником отдела и членом бюро ЦК КП Грузии, Гоглидзе — наркомом внутренних дел и т. д.»³³.

Назывались и другие фамилии. Так, один из свидетелей по делу Берии и его сообщников Шалва Георгиевич Тевзадзе, допрошенный 5 августа 1953 года, сообщил, что он, работавший в 1946 году в органах МВД, выявил в фильтрационном лагере военнопленных (г. Рустави) Ивана Семеновича Кверквелия, родственника Берии. Начальник этого лагеря Константин Джимулетович Микова, по словам Тевзадзе, знал, что Кверквелия является изменником Родины. Но не только ничего не

³² Там же, т. 4, лл. 240, 241.

³³ Там же, т. 8, лл. 136—137.

делал для того, чтобы привлечь предателя к ответственности, но «определил его на должность начальника отдела ширпотреба лагеря». Все это он делал потому, что был близким человеком Берии. Когда же Тевзадзе привлёк Кверквелию к ответственности в качестве обвиняемого, ему сразу же стали приходить записки с просьбами отказаться от этой затеи с недвусмысленными предупреждениями. Дело Тевзадзе так и не удалось окончить, поскольку его уволили из органов. Не помогло и то, что в протоколы допросов Кверквелии компрометирующие Берию факты не вносились. «Я знаю, — показывал Тевзадзе, вспоминая более ранние, тридцатые годы, — что близкими и доверенными людьми Берии Л. П. были — бывший начальник дорожно-транспортного отдела НКВД по Закавказью Дзидзигури Михаил Семенович, впоследствии разоблаченный и расстрелянный в 1937-м... В 1937 году я работал в 4-м отделе НКВД Грузии и знакомился с материалами на Дзидзигури М. С. Такими же лично friendами Берии Л. П. людьми являлись братья Кобуловы — Богдан и Амаяк, Рапавва Авксентий Нарикиевич, Гоглидзе Сергей Арсеньевич, Цанава-Джанджгава Л. Ф., полковник Дадимани Яков Георгиевич — работник аппарата МВД Грузии и многие другие, которые всегда и везде получали поддержку Берии и выполняли все его указания»³⁴.

Один из названных лиц, Цатуров, в ходе следствия подтвердил, что уже в то время Берия стремился оторвать чекистский аппарат от партийного влияния, изолировать его, превратить в особый орган, подчиняющийся только одному «хозяину» — ему. С помощью этого аппарата превозносились «заслуги» «вождя» и подавлялись всякие предосудительные разговоры.

«Став первым секретарем крайкома, — рассказывал Цатуров, — Берия продолжает руководить и направлять работу Закавказского ГПУ, он производит, если образно выразиться, «чекизацию» партийного аппарата. Ряд приближенных, доверенных лиц был им направлен на партийную работу. Деканозов был назначен третьим секретарем ЦК [КП(б)] Грузии; Меркулов заведующим особым сектором; я был назначен заведующим орготделом Ленинского райкома ВКП(б). Вместе с нами на руководящую партийную работу был послан целый ряд чекистов. Используя аппарат ГПУ, Берия установил контроль за каждым ответственным работником. Достаточно кому-нибудь из секретарей райкома,

работников аппарата ЦК, Закрайкома высказать какое-либо неодобрение, замечание о Берии, как оно становилось ему известно. Такая система контроля, скорее шпионажа, за каждым работником создавала неуверенность у работников, глушила всякую критику и способствовала росту популярности Берии. Все, что ни делалось в Закавказье, в аппарате ГПУ, все приписывалось личности Берии, объяснялось его заслугой»³⁵.

Подчеркивая воинствующий эгоизм и непомерное честолюбие Берии, его личный «идеолог» Шария на допросе 9 июля 1953 года говорил, что Берия любил лесть и угодничество. «Я считаю, — картинно возмущался он, — что Берия лично сам немало потрудился над созданием культа его личности в Грузии. В этих целях он при своем переводе в Москву в 1933 году выдвинул на руководящие посты в ЦК [КП(б)] Грузии до того времени малоизвестных работников, которые, считая себя обязанными своим выдвижением лично Берии, всяческими средствами создавали его культ среди грузинского народа. Берия каким-то образом, уже находясь в Москве на руководящей работе, узаконил свою роль постоянного шефа Грузии, что усиливало зависимость руководящих работников Грузии от его расположения к ним. Достаточно указать, что секретари ЦК [КП(б)] Грузии не решались выдвигать людей на руководящие должности республиканского и областного масштаба без предварительного согласования с Берией. Его имя присваивалось огромному количеству улиц, площадей, парков, стадионов, а также предприятий и культурных учреждений, а республиканская пресса была полна славословий в его честь. Все это ему, видимо, очень нравилось, и мне неизвестен случай, чтобы он кого-либо одергивал за это. Насколько мне известно, Берия непосредственно руководил подбором руководящих кадров Грузии... при смене руководства республики, хотя это являлось прямой функцией секретариата ЦК... Не скрою, что, когда я возвратился в 1943 году в Грузию, тогда культ Берии там уже был создан и я сам довольно усердно вторил общему тону славословий в честь Берии»³⁶. Как сообщил Шария, о Берии в Грузии сочиняли песни, писали стихи, словом, «рекламировали его на каждом углу». Это славословие широко подхватывалось и пропагандировалось республиканским радио и, таким образом,

³⁴ Там же, т. 24, лл. 234, 240–242.

³⁵ Там же, т. 3, лл. 97, 98.

распространялось в эмигрантских кругах. «Грузинская эмиграция хорошо знала Берия вообще, а с появлением во Франции большого количества советских военнопленных в особенности»³⁷, — показывал Шария.

Объясняя, какой ценой обходилась народу бериевская популярность, один из подручных Лаврентия Павловича, Савицкий, сообщил, что созданная в 1937 году (год смерти Серго Орджоникидзе) обстановка позволяла самому «вождю», а также Гоглидзе и Кобулову арестовывать любое неугодное им лицо. И не только арестовывать, но и расправляться с ним, добывая от других различные компрометирующие показания угрозами и избиениями. В то же время подобная обстановка обеспечивала сохранность людей, преданных Берии³⁸. Аналогичные показания дали Кобулов, Гоглидзе, Хазан, Парамонов. Они подтвердили, что в период пребывания Берии на посту секретаря ЦК КП(б) Грузии он не только всесторонне ознакомился с работой следственных органов Народного комиссариата внутренних дел республике, знал в деталях почти каждое «преступление», в первую очередь особо интересующее его, но и лично отдавал распоряжения об аресте неугодных ему же лиц, участвовал в допросах. Нередко допрашиваемых избивали в его присутствии, в некоторых случаях он и себе позволял «показать мужскую силу и сноровку».

Наглядность и омерзительность подобных сцен можно представить себе, правда, очень малой толикой, если вчитываться в строки протокола допроса на судебном заседании, к примеру, Кобулова. Приведем выдержку из него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы работали начальником СПО³⁹ НКВД Грузии. Вы получали указания о массовых арестах руководящих работников при отсутствии компрометирующих этих лиц материалов?

КОБУЛОВ: Да, получал. Я работал с мая по сентябрь 1938 года начальником СПО НКВД Грузии. Я получал распоряжения об аресте от Берии через Гоглидзе. Бывало, что в отсутствие Гоглидзе такие указания мне давал непосредственно Берия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Отвечайте суду — вы проводили массовые аресты невинных людей?

КОБУЛОВ: Я проводил аресты после ликвидации основного состава руководящего ядра правотроцкистского подполья, когда уже пошла «мелочь» и громить больше было некого. Были показания единичных лиц, не подтвержденные другими материалами, на основании которых нельзя было произвести аресты, однако Берия давал указания арестовывать и «крепко допрашивать».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кем был тогда Берия?

КОБУЛОВ: Берия был фактическим руководителем следствия, а Гоглидзе был у него на посылках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А вы что делали?

КОБУЛОВ: Я руководил исполнительным аппаратом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы были палачом над невинными людьми, которых вы истязали и избивали при производстве следствия. Разве это можно назвать руководством?

КОБУЛОВ: Да, я бил заключенных по указанию Берии, так как он был полновластным хозяином-диктатором. Он давал указания Гоглидзе, тот мне — «крепко допросить». Если Берия дал указание «крепко допросить», то следователи знали, как это делать, и ни я, ни следователи не могли не выполнить этих указаний... Вообще должен сказать, что в то время была создана такая обстановка, что трудно было сказать — где правда, где ложь, ибо применение физических мер воздействия к арестованным исключало объективные их показания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что же это за обстановка?

КОБУЛОВ: Это... страшное дело. Берия сам приезжал на допросы, допрашивал, приказывал избивать допрашиваемых. Приказывал избивать и мне, и я бил. Таких было два случая. Я бил Матикашвили, я ударил его один или два раза, затем добавил следователь. Должен сказать, что следователи боялись не выполнять этих указаний, так как могли сами попасть в такое положение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый Гоглидзе, что вы хотите сказать?

ГОГЛИДЗЕ: Первые удары Матикашвили нанес Берия, а затем его стал бить Кобулов...»⁴⁰.

Во время следствия Гоглидзе припомнил такой случай:

«...Арестованный Орагвелидзе отказался от ранее данных им показаний, о чем я при очередном докладе доложил Берии. Берия приехал ко мне в НКВД и предложил вызвать на допрос Орагвелидзе (ра-

³⁷ Там же, л. 122.

³⁸ Там же, т. 9, л. 116.

³⁹ Секретно-политический отдел.

⁴⁰ Там же, т. 40, лл. 114—116.

ботал до ареста директором театра имени Шота Руставели], который в присутствии Берии снова подтвердил признательные показания. Тогда Берия дал указание тут же избить арестованного, что и было сделано в его присутствии.

Кроме того, Берия мне и Кобулову давал неоднократные указания побить того или иного арестованного по конкретным делам»⁴¹.

Как руководители преступной группы во главе с Берией, так и большинство следователей до того свыклись с беззаконием и безнаказанностью, что жестокое обращение с арестованными, не говоря уже о незаконном задержании и аресте, стало нормой. Безнравственность и произвол превращались в обычное явление. По словам бериевского подручного Хазана, в то время считалось, что ведение следствия с соблюдением норм уголовно-процессуального кодекса (УПК) являлось вредительской практикой, а потому по указанию Берии перешли к так называемым «острым методам» ведения следствия⁴².

При просмотре 300 архивных дел в архиве МВД Грузинской ССР Прокуратурой СССР обнаружено более 120 резолюций Берии на отдельных протоколах допросов и на бланках служебных записок. Они подтверждают, что в 1937 — 1938 гг. именно Берия выступил инициатором применения массовых незаконных арестов и незаконных методов следствия. Вот некоторые образчики его резолюций: «крепко излупить Жужунава Л. Б.», «всех проходящих арестовать», «основательно допросить», «допросить крепко», «взять крепко в работу», «взять в работу... и выжать все», «арестовать... и взять в работу», «взять его еще в работу, крутит, знает многое, а скрывает», «т. Гоглидзе, надо взять крепко в работу. Он знает очень многое, но почти ничего не говорит», «надо его крепко размотать», «арестовать всех и крепко ими заняться», «надо нажать», «крепко прощупать», «надо разложить», — и много других циничных указаний⁴³. Из многочисленных показаний арестованных по делу Берии видно, что резолюции типа «крепко допросить» или «основательно взять в работу» означали приказ о применении избиений и пыток. Так, Кобулов откровенно объяснил, что следователи, читая упомянутые выше бериевские распоряжения, а также зная о возможном

приезде в НКВД «самого», боялись отклоняться от строгого соблюдения этих распоряжений. Они рьяно проявляли исполнительность потому, сочувственно говорил о своих приспешниках и подручных Кобулов, совершенно «забыв» о тех, кто действительно нуждался в сочувствии и поддержке, «чтобы не получить клейма «примиренца», «двурушника» и не быть самим привлеченным к ответственности»⁴⁴. Настоящего советского суда, видимо, поверив во всемогущество своего главаря, они уже не боялись и творили неправое дело во имя раздувания популярности и авторитета Берии.

Особенно старался в создании культа нового «вождя народов» Меркулов, можно сказать, личный биограф Лаврентия Павловича. Он не только составлял публичные выступления и доклады как для «вождя», так и о нем, но и писал брошюры, восхвалявшие «героическую жизнь» и «революционные подвиги» Берии. К материалам следствия приобщена одна из них, подготовленная в том же злополучном и драматическом для Серго Орджоникидзе году, тридцать седьмом, озаглавленная бесхитростно и вполне ясно: «Верный сын партии Ленина — Сталина». По признанию самого же Меркулова, эта брошюра написана в духе «неумеренного восхваления» заслуг Берии в достижениях грузинского народа и в социалистическом переустройстве Грузии. Берия представлялся как выдающийся деятель подпольного коммунистического движения в годы интервенции и гражданской войны, один из организаторов вооруженного восстания в Грузии против меньшевиков⁴⁵.

Так что негласную борьбу с Серго Орджоникидзе Лаврентий Берия начал, можно сказать, во всеоружии, создав широко разветвленный и надежный силовой и идеологический аппарат. Дело оставалось, конечно, не за малым, а за самым решительным, ответственным и опасным шагом — дискредитировать и убрать Серго с дороги. И он сделал этот шаг, поставив на карту все то, чего уже смог достичь. Началась страшная месть Берии.

В 1937 году Берия дает своим «опричникам» задание — получить компрометирующие показания на Орджоникидзе. В ход пошел уже испытанный метод: арестовывались ни в чем не повинные люди, когда-то встречавшиеся или просто знавшие Серго, а также те, кто не знал и не встречался, но имел контакты с теми, кто

⁴¹ Там же, т. 3, лл. 271, 272.

⁴² Там же, т. 37, лл. 175, 176.

⁴³ Там же, т. 28, лл. 43—63.

⁴⁴ Там же, т. 18, лл. 180, 181.

⁴⁵ Там же, т. 15, л. 153.

мог что-то наговорить, из кого можно было что-то выбить. Причем месть зашла настолько далеко, что и после смерти бериевской «высокой» и, быть может, главной жертвы клеветнические показания продолжались добываться с той же изуверской и последовательной настойчивостью.

К следственным материалам приобщен протокол осмотра уголовного дела по обвинению бывшего секретаря ЦК КП(б) Грузии Мамулии, подтверждающего, какие именно показания выбивались из арестованных, попавших в круг бериевских интересов по отношению к Орджоникидзе. И Мамулию, и тех, кого он назвал, допрашивали с применением пыток.

На основании показаний Мамулии арестовали бывшего секретаря Закрайкома ВКП(б) Орахелашвили, работавшего на момент ареста заведующим отделом Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Применив к последнему методы «устрашения», т. е. избиение и пытки, Кобулов и Крымян получили от него клеветнические сведения об Орджоникидзе и других. О том свидетельствует выписка из показаний И. Д. Орахелашвили от 9 сентября 1937 года. А о том, что «авторство» этих показаний принадлежит Кобулову и Крымяну, свидетельствуют их личные «автографы».

Вот что говорил под пытками Орахелашвили, а если сказать точнее, то согласился с тем, что хотелось услышать его мучителям:

«Лично я очень много обязан Серго Орджоникидзе, но даже чувство благодарности и преданности к нему не мешает мне осветить его действительную роль в событиях, при которых зарождались враждебные ВКП(б) и сов[етской] власти группировки и контрреволюционные организации.

Надо со всей откровенностью признать, что Серго Орджоникидзе фактически вдохновлял нашу контрреволюционную борьбу против партийного руководства Грузии и лично секретаря ЦК КП(б) Грузии — Лаврентия Берии, хотя организационно с нами по контрреволюционной работе связан не был...

Из прямых антипартийных высказываний Серго Орджоникидзе я припоминаю следующее. Как-то он мне рассказал, что в Грузии якобы ходят слухи, что в 1924 году во время подавления августовской меньшевистской авантюры Орджоникидзе хотел обезглавить грузинский народ и что только Берия спас обострившееся в Грузии положение. «Эти белогвардейские разгово-

ры, — сказал Орджоникидзе, — ведутся, вероятно, не без ведома Берии, которому Сталин дал много воли...»

Мне стало известно, что Серго Орджоникидзе вкупе с Леваном Гогоберидзе, Петре Анишвили и Нестором Лакоба ведут самую активную борьбу против секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берии, распространяя по его адресу заведомо клеветнические и возмутительные замыслы.

...Серго Орджоникидзе дал мне задание смазать роль Лаврентия Берии по работе парторганизации Закавказья и Грузии, прямо заявив мне: «О нем не распространяться»⁴⁶.

А вот еще показания, приписываемые Орахелашвили:

«С самого же начала я клеветнически отзывался о Сталине, как о диктаторе партии, а его попытку считал чрезмерно жестокой. В этом отношении большое влияние на меня оказал Серго Орджоникидзе, который еще в 1936 г., говоря со мной об отношении Сталина к тогдашним лидерам Ленинградской оппозиции [Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Залуцкий], доказывал, что Сталин своей чрезмерной жестокостью доводит партию до раскола и, в конце концов, заведет страну в тупик... Прежде всего, будучи очень тесно связан с Серго Орджоникидзе, я был свидетелем его покровительственного и примиренческого отношения к носителям антипартийных и контрреволюционных настроений. Это, главным образом, относится к Бесо Ломинадзе. На квартире у Серго Орджоникидзе Бесо Ломинадзе в моем присутствии после ряда контрреволюционных выпадов по адресу партийного руководства допустил в отношении Сталина исключительно оскорбительный и хулиганский выпад. К моему удивлению, в ответ на эту контрреволюционную наглость Ломинадзе Орджоникидзе с улыбкой, обращаясь ко мне, сказал: «Посмотри ты на него!», — продолжая после этого в мирных тонах беседу с Ломинадзе. Примерно в таком же духе Серго Орджоникидзе относился к Левану Гогоберидзе. Вообще я должен сказать, что приемная в квартире Серго Орджоникидзе, а по выходным дням его дача (в Волынском, а затем в Сосновке) являлись зачастую местом сборищ участников нашей контрреволюционной организации, которые в ожидании Серго Орджоникидзе вели самые откровенные контрреволюционные разговоры, которые ни в какой мере не прекращались даже при появлении самого

⁴⁶ Там же, т. 36, лл. 35—39.

Орджоникидзе. В частности, я был свидетелем того, что Буду Мдивани в беседе с Серго Орджоникидзе высказывал недоверие партийным руководством, допускал контрреволюционные провокационные выводы по адресу секретаря ЦК КП(б) Грузии Лаврентия Берии. Кроме того, я неоднократно был также свидетелем и участником подобных же контрреволюционных разговоров Орджоникидзе с Л. Гогберидзе и Г. Г. Куруповым...»⁴⁷.

После «дачи» таких показаний Орахелашвили расстреляли — убивались не только «достойные» соперники, но и опасные свидетели.

Как уже отмечалось, подобные клеветнические сведения о Серго Орджоникидзе собирались и после его смерти. По признанию Гоглидзе, они были необходимы для того, чтобы «послать протокол И. В. Сталину и скомпрометировать Орджоникидзе хотя бы посмертно»⁴⁸, ну и, естественно, оправдать в глазах Сталина преследование Орджоникидзе, придать этому видимость оправдательной и законной меры.

Еще не успев отпраздновать победу над одним из главных конкурентов в дальнейшем усилении своего влияния, Берия принялся сводить счеты с его родственниками.

В показаниях Багирова (мы уже их приводили) сообщалось, что брат Серго — Папулия подвергся аресту еще при жизни своего влиятельного брата. Но такой жест Берии в то время являлся скорее всего робкой попыткой узнать «реакцию» не только Орджоникидзе, но и Сталина, а также проверить на прочность свое «могущество». Папулия явился лишь приманкой для более крупной дичи. Но вскоре за него принялись всерьез.

Арестовал Папулию, проживавшего, как сообщил на суде Гоглидзе, в одном доме с Берией и работавшего на железной дороге, Рапава в 1937 году. Дело по обвинению находилось под личным контролем Берии. Особый интерес «самого» объяснялся мотивами мести, а также тем, что от Папулии добивались показаний в подготовке террористического акта против «вождя закавказских народов». И он дал такие показания.

Обвинительное заключение по делу Папулии Орджоникидзе утвердил Гоглидзе 9 ноября 1937 года и в тот же день по решению «особой тройки» под председательством Гоглидзе приговор о расстреле привели в исполнение.

Пытаясь смыть хотя бы частично с себя это позорное пятно, Гоглидзе в последующем всю вину свалил на Берию. «Я считаю, — утверждал он в ходе следствия, — что Берия к делам Папулии Орджоникидзе, Бедии, Дарахвелидзе проявлял личную заинтересованность и мстительность»⁴⁹. Кобулов в объяснениях по этому поводу оказался не менее усерден: «В Грузии широко было известно, что Папулия Орджоникидзе был человеком болтливым и на организацию какой-либо серьезной вражеской работы он не был способен. Это не могло не быть известно и Берии. Тем не менее по его указанию Папулия Орджоникидзе был арестован и расстрелян. Этот факт сам по себе наглядно свидетельствует об отношениях Берии к Серго Орджоникидзе и далеко идущих замыслах Берии»⁵⁰.

Но месть за поддержку, помощь и благородство на этом не прекратилась. Берия считал себя человеком масштабным и проявлял соответствующую мстительность. Вслед за Папулией Орджоникидзе в числе врагов народа и... Берии оказалась жена Папулии — Нина. Формальным поводом для ареста послужила наскоро состряпанная справка, в соответствии с которой Н. Д. Орджоникидзе, как жена государственного преступника, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере, подвергалась на полном законном основании репрессиям. Фальшивость справки обнаружилась, конечно же, спустя годы. Ложь заключалась в том, что П. К. Орджоникидзе расстреляли не по решению Военной коллегии Верховного суда, а по преступному уговору «особой тройки».

*Генерал-лейтенант юстиции
Б. С. ПОПОВ,*

капитан 1 ранга В. Г. ОППОКОВ

⁴⁷ Там же, т. 38, лл. 212—214.
⁴⁸ Там же, т. 19, л. 285.

⁴⁹ Там же, т. 19, л. 119.
⁵⁰ Там же, т. 16, л. 286.

(Окончание следует)

МЫ ПУБЛИКУЕМ еще один отрывок из записок А. Ф. Редигера «История моей жизни»*. Он посвящен первой мировой войне и охватывает период от ее начала до середины 1915 года. Почему именно этот отрывок? Во-первых, он логически продолжает часть записок, опубликованную в 6-м номере нашего журнала. Во-вторых, нам кажется, что читателям будет интересно увидеть войну не только глазами очевидца событий, но и человека, близкого к власти придерживающим.

Известно, что, уйдя в 1909 году с поста военного министра, А. Ф. Редигер передал бразды правления генералу В. А. Сухомлинову. В публикуемой части записок мы находим характеристики последнего как военного министра и его окружения. Автор считает, что в результате деятельности этих людей Россия вступила в войну совершенно неподготовленной: армия плохо снабжалась, войска были не обучены, не имели достаточного вооружения, обмундирования, сверху донизу армия была разведена коррупцией. Публикуемая часть записок заканчивается временем создания четырех особых совещаний (май 1915 г.): по обороне, продовольствию, топливу и перевозкам. Это были чрезвычайные органы, подчинявшиеся непосредственно царю. Главным из этих совещаний было Особое совещание по обороне государства. Создание совещаний предполагало принятие срочных мер, направленных на улучшение положения в армии. Дальнейшие события показали, что эти громоздкие по составу, плохо организованные и коррумпированные органы правительства не сделали практически ничего, и армия во время войны, по словам тогдашнего начальника Главного артиллерийского управления генерала А. А. Маниковского, снабжалась «не благодаря Особому совещанию, а несмотря на Особое совещание». Автор записок не может удержаться от едких замечаний по отношению к деятельности военного министерства и Государственной думы, по его словам, последняя была слишком либерально настроена. Интересны также другие свидетельства, в частности о положении в Петрограде в начале войны.

Напомним, что с 1905 года Редигер оставался членом Государственного совета.

Стилистические и грамматические особенности подлинника сохранены.

Л. Я. САЕТ, старший научный сотрудник ЦГВИА СССР, заслуженный работник культуры РСФСР

* Окончание. См. Военно-исторический журнал. — 1990. — № 6.

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

А. Ф. РЕДИГЕР

НАЧАЛО 1914 года ничем не предвещало предстоящего близкого начала мировой войны. Правда, всеобщее настроение было тревожным; биржевые сферы, наиболее чувствительные к возможным политическим осложнениям, были крайне угнетены и даже считали, что война была бы для них лучше того неопределенного положения, в котором они находились, но само правительство не предвидело близости кризиса. Возможность его была вне сомнения, т. к. чрезвычайное усиление германской армии не только указывало на желание Германии быть готовой ко всяким случайностям, но и на то, что она ждет кризиса в скором времени: она иначе не стала бы так спешить своими вооружениями и не возлагала бы на свое население таких тягот, которых оно не было в состоянии выносить долго без разорения страны. Но наши правящие сферы полагали, что Германия все же войны не желает, а вооружается лишь для того, чтобы запугать Россию и заставить ее быть уступчивой при пересмотре в 1916—1917 гг. торгового договора с ней.

Торговый договор 1905 года, заключенный нами во время войны с Японией, был для нас крайне тяжел тем, что целые отрасли нашей промышленности (особенно химические производства и изготовление машин) были лишены таможенного покровительства, а потому не могли развиваться, так что были вынуждены получать все эти произведения из Германии. Поэтому было решено, что торговый договор с Германией либо вовсе не будет возобновлен, либо будет изменен коренным образом, и для выработки основ нового таможенного тарифа производилась обширная подготовительная работа. Изменение нашего тарифа грозило германской промышленности серьезным

ударом, а потому можно было ожидать таковой войны и всякого рода угроз со стороны Германии, но все же правительство, по-видимому, не верило, чтобы она решилась на европейскую войну и во всяком случае ждало ее не ранее 1917 года. Поэтому и подготовка к войне у нас производилась не спеша и в сравнительно, крайне скромных размерах¹. В 1913 году были произведены лишь некоторые новые формирования и контингент новобранцев был увеличен на 25 тыс. человек. Таким образом, 1913 год был почти вовсе потерян для усиления армии. Государственный совет, видя это, в апреле 1913 года выразил пожелание, чтобы «военное министерство приняло все меры к постановке наших вооруженных сил в возможно близком будущем на должную высоту», но это пожелание не было выполнено. Только к марту 1914 года военное министерство внесло в Думу и в Совет представление о серьезном усилении армии. Ввиду его обширности и сложности финансовая комиссия избрала для него трех докладчиков: меня, Унтербергер² и Поливанова³. Из Думы дело поступило в Совет только в июне, так что Совету нам пришлось докладывать его только 23 июня, за месяц до начала войны: очевидно, что из всего плана не успели выполнить решительно ничего; будь он внесен годом раньше, наша армия все же получила некоторое усиление.

Таким образом, план этот, не получив осуществления, может иметь лишь историческое значение, как показатель, какими целями задавалось Военное министерство. Наибольшее значение имело намечавшееся усиление состава пехоты и артиллерии; в пехоте добавлялось 175 тыс. нижних чинов в существующие части и 92 тыс. на формирование новых частей, а в артиллерии добавлялось 104 тыс. и 22 тыс. нижних чинов. Таким образом, и здесь, и там главное внимание было обращено на улучшение организации существующих частей и устранение в ней давно сознанных недостатков; вновь формировались 170 батальонов, из коих 100 полевых и 40 для крепостей; таким образом, крепостная пехота восстанавливалась и этим исправлялась одна из ошибок в организации 1910 года. Наиболее существенной мерой в пехоте являлось увеличение мирного состава рот, благодаря чему облегчалось обучение в течение зимнего периода и ускорялась мобилизация; нормальный состав рот определялся в 60 рядов (вместо прежних 48), причем денщики содержались сверх положенного числа рядов; пограничные войсковые части должны были по-прежнему содержаться в еще большем составе: усиленном (84 ряда в роте) или полном (100 рядов). Увольнение нижних чинов в запас предполагалось производить в апреле, вследствие чего в войсках всегда оказывалось штатное число вполне

обученных нижних чинов, а новобранцы, по окончании их обучения, состояли сверх штата. Удовлетворялись также и другие потребности войск: во все крупные войсковые части вводились церковные причты; финляндские и сибирские строевые полки получали сильные команды разведчиков... Вновь формировались 2 корпуса в Европейской России (64 батальона), одна дивизия в Омском округе (16 батальонов), по одной стрелковой бригаде в Финляндии и в Приамурском округе (16 батальонов) и 2 полка в Туркестане (4 батальона). Сверх того 5 крепостных бригад (40 батальонов). В артиллерии увеличивалось число батарей с уменьшением их состава и добавлялись необходимые команды разных специалистов; формировались части тяжелой артиллерии. Единовременные расходы были исчислены в 434 млн. руб., а постоянные расходы, постепенно увеличиваясь, должны были в 1918 года составлять 139 млн. рублей. Затем крупные изменения намечались в кавалерии, в которой формировалось вновь 26 полков и усиливался состав запасных частей. Для полноты и стройности организации и эта мера была полезна, но в формировании такого большого числа новых полков не было надобности, ввиду уменьшавшегося боевого значения конницы и многочисленности наших казачьих частей, но в этом сказалось личное увлечение Сухомлинова⁴ кавалерией. Сравнительно большое усиление получали инженерные и технические (особенно воздухоплавательные) войска и, наконец, обозные войска получали должное развитие.

В общем, план усиления армии был хорош, мирный ее состав увеличивался почти на 12 тыс. офицеров и 486 тыс. нижних чинов, причем организация ее значительно улучшалась. По этому плану, без увлечения новыми формированиями (кроме лишь кавалерии), упрочнялась организация армии и устранялись существовавшие в ней недостатки, осуществлялись все те улучшения, о которых в этом отношении мечтал и которые были невыполнимы в мое время, когда только и было речи о сокращении состава армии и расходов на ее содержание. Кроме того, в плане были приняты во внимание и вновь назревшие потребности (например, воздухоплавание). Я поэтому со спокойной совестью мог принять на себя роль докладчика в Государственном совете и ходатайствовать об утверждении плана⁵.

Существенным его недостатком являлась его запоздалость. Напряженность политической атмосферы в Европе обывала военное министерство иметь наготове план усиления армии; наконец, если бы он и

¹ Так в тексте.

² Унтербергер Павел Федорович — инженер-генерал, сенатор, член Государственного совета.

³ Поливанов Алексей Андреевич — генерал от инфантерии, в 1914 г. — член Государственного совета, с июня 1915 по март 1916 г. — военный министр. После революции находился на службе в Красной Армии.

⁴ Сухомлинов Владимир Алексеевич — генерал от инфантерии, с марта 1909 по июнь 1915 г. — военный министр; в 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблениях и измене. В сентябре 1917 г. за неподготовленность русской армии к войне был приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением в крепость. 1 мая 1918 г. освобожден и эмигрировал за границу.

⁵ Насколько я помню, это был единственный случай моего появления на кафедре Государственного совета в качестве докладчика (здесь и далее примечания автора — Л. С.).

не был еще готов, оно могло бы уже в 1913 году испросить хоть некоторые, наиболее существенные меры к серьезному приступу в этом деле — но я уже упомянул, что 1913 год был почти совсем не использован. Прав был великий Петр, говоря, что упущение времени смерти безвозвратной подобно!

Я вовсе не знаю закулисной стороны этого дела, но могу себе представить, что Коковцов⁶, конечно, чинил всевозможные препятствия увеличению расходов на армию, причем следовал обычной своей тактике: не отвергая очевидной необходимости предположенных мер, требовать до ее выполнения самых полных исчислений, которые в свою очередь давали бы основание для бесконечных препирательств и отсрочек в производстве расходов. Поэтому доля вины в упущении времени, вероятно, падала на Коковцова; но ввиду чрезвычайной опасности от промедления Сухомяинов должен был бы принять и чрезвычайные меры, убедив государя произвести давление на Коковцова, тем более что и Дума и Совет были вполне готовы идти навстречу требованиям военного министерства. Удалось же мне в 1905 году при полной нищете казны быстро добиться громадных ассигнований на армию.

В Совете я докладывал общие соображения и мероприятия по пехоте и кавалерии. Унтербергер — меры по артиллерии, инженерным и техническим войскам, а Поливанов — все остальные. При наших неоднократных собеседованиях мы вполне сходились в опасении, что Германия, если только она серьезно думает воевать с нами, затеет войну, не ожидая его выполнения. Для последнего требовалось 3 года: все преобразование предполагалось закончить к апрелю 1917 года.

В начале 1914 года Коковцов был уволен от должности председателя совета министров и министра финансов. Как произошло это увольнение, я не знаю, но увольнение его было нужно уже потому, что он был в разладе с большинством прочих министров. В Государственном совете в начале 1914 года подробно обсуждался вопрос, поднятый по инициативе Совета, об ограничении у нас пьянства, вопрос крайне неприятный для Коковцова, т. к. представляемые им благоприятные бюджеты имели своим основанием усиленное потребление у нас водки. При увольнении Коковцова (совпавшем с 10-летием бытности его министром финансов) произошел курьез: ему был дан весьма милостивый рескрипт, в котором восхвалялась его деятельность и ему давалось графское достоинство, но одновременно его преемнику, Барку⁷, тоже был дан рескрипт с указанием на необходимые финансовые реформы, в том числе на необходимость борьбы с народным пьянством, так что этот второй рескрипт являлся критикой для деятельности Коковцова. Коковцов вернулся в Государственный со-

вет, где примкнул к группе, принявшей странное название «Внепартийных»; под его руководством эта группа фактически стала близкой к левой группе Совета, сохраняя свое прежнее анонимное название; в ту же группу вскоре перешел и Поливанов...

Место председателя совета министров вновь занял Горемыкин⁸; ему уже шел 75-й год, физически он уже был слаб, и я думаю, что для России и для него самого было бы лучше, если бы его оставили на покое...

22 июля я получил телеграмму о созыве Государственного совета на 26 июля. От Коковцова я узнал, что нас в Петрограде не задержат, а потому решил ехать туда 25 июля налегке; жена решила ехать со мной. Расписание поездов было нарушено, но по справке на станции в 12[45] дня, должен был пройти поезд в Петроград. Этот поезд был переполнен свыше меры, а т. к. он в Оксочи стоял недолго, то нам пришлось войти в ближайший вагон, оказавшийся III класса; в коридоре этого вагона пришлось стоять в толпе народа, присаживаясь изредка на свой ручный чемодан. Через час мы приехали на большую станцию (М. Винера), где удалось перейти в вагон I класса, где удавалось сидеть по очереди. Жара стояла большая, а потому мы порядочно устали в дороге. Около 8 часов мы были дома. В тот же вечер к нам приехали к чаю Е. С. Мирбах и Барышвы...

На следующий день, 26 июля, надо было к 11 часам прибыть в Зимний дворец, где государь принимал одновременно Совет и Думу. Извозчики с улиц почти совсем исчезли, но мне удалось получить по телефонному заказу мотор, который доставил меня во Дворец. Там государь сказал нам краткую речь, на которую ответили патристическими речами председатель Думы Родзянко⁹ и наш вице-председатель Голубев. В этот же день в Совете было краткое, чисто формальное, вечернее заседание, после которого мы могли разъехаться; нам было указано, что нас вновь созовут, смотря по ходу дела, но не позже 1 февраля 1915 года.

Этот созыв Совета и Думы на несколько часов был своего рода красивым жестом, он показал, что государь придает законодательным палатам важное значение и желает опираться на них, а ответные речи от имени этих палат свидетельствовали о готовности России идти за своим царем в навязанной ей борьбе. На следующее утро, 27-го, мы выехали обратно; место в поезде мы получили благодаря содействию жандармов, которые для нас заняли купе. Экипаж был выслан навстречу, т. к. мы заранее не знали, когда вернемся, и мы со станции пошли на дачу пешком¹⁰. На стан-

⁸ Горемыкин Иван Логгинович — председатель совета министров с января 1914 г. по январь 1916 г.

⁹ Родзянко Михаил Владимирович — председатель IV Государственной думы.

¹⁰ По Николаевской ж. д. поезда стали вновь ходить по нормальному расписанию с 15 сентября, когда мобилизационные перевозки были закончены.

⁶ Коковцов Владимир Николаевич — граф, с сентября 1911 по январь 1914 г. — председатель совета министров; с 1904 по январь 1914 г. — министр финансов.

⁷ Барк Петр Львович — министр финансов с 1914 по февраль 1917 г.

ции нас обступили мужики и бабы и спрашивали, долго ли продлится война? Ни-чего утешительного я, конечно, им сообщить не мог.

Жизнь на даче потекла тихо, и мы жили только новостями с театра войны и письмами. В конце июля я получил письмо от Куропаткина. В начале лета в газетах было сказано, что он празднует 50-летие своей службы, я считал своим долгом его поздравить и, не зная, где он находится, послал ему письмо на городскую квартиру; он, очевидно, получил его не скоро, т. к. ответил лишь через несколько недель, уже по объявлении войны, 23 июля. Благодаря меня за поздравление, он еще писал: «не теряю надежды стать во главе корпуса войск в начавшейся войне». Этому желанию его я отнюдь не сочувствовал, т. к. не ждал ничего хорошего от нового выступления его в роли полководца. Желание Куропаткина¹¹ исполнилось не скоро; пока великий князь Николай Николаевич¹² стоял во главе наших вооруженных сил (до 23 августа 1915 г.), он его в армию не принимал; только по вступлении государя в командование нашими вооруженными силами Куропаткин получил сначала гренадерский корпус, а затем, к сожалению, и должность главнокомандующего Северным фронтом, с которой его вскоре пришлось уволить. Мы узнали раньше всего, что Володе¹³ в день объявления мобилизации пришлось экстренно выехать в Киев для приема пироксилина на полк, т. е. вещи его должен был без него собирать его денщик, который не захватил с собой всего нужного, почему мы распорядились о посылке и высылке ему шелкового белья, теплых вещей и папирос.

Сведения с театра войны были благоприятны. Германия, как мы и ожидали, направила свой первый удар не против нас, а против Франции, почему наши действия вначале были вполне успешны и 24 августа в церкви при станции Оксочи после обедни уже было отслужено благодарственное молебствие по поводу победы под Львовом. Наше наступление в Пруссию, хотя предпринятое со слабыми еще силами, вполне достигло цели: отвлекло часть германских сил на нас и остановило их наступление на Париж...

Вообще вначале общество горячо откликнулось на нужды армии, и всякого рода сборы в ее пользу встречались с большим сочувствием; так, в октябре артисты императорских театров собирали на улицах пожертвования для отправки в армию подарков от имени наследника, и мы с женой нарочно поехали на Невский, чтобы внести и свою лепту. Впоследствии эти сборы стали столь частыми, что надоели публике, а сведения о злоупотреблениях и о хищении собираемых сумм вовсе отби-

ли охоту опускать что-либо в кружки; жертвователям обыкновенно раздавались какие-либо значки, реже жестяные, а обыкновенно в виде небольших цветков из материи или бумажек с разнообразными текстами; значки эти прикалывались булавками к верхнему платью; у нас накопилось больше сотни таких значков, приколотых к стене в передней.

Государственный совет на взнос своих членом образовал свой лазарет, который был обставлен образцово и имел отличный персонал, почему ему всегда давалась самая трудная работа: наиболее тяжело раненные передавались ему. Непосредственное заведывание им взял на себя наш сочлен (по выбору) отставной полковник Сырнев, а когда он заболел, его временно заменял другой сочлен А. Н. Энгельгардт. На содержание этого лазарета я ежемесячно вносил по 50 рублей...

По первоначальным предположениям, бывшим до объявления войны, верховным главнокомандующим должен был быть государь. Он уже в то время, когда я был министром, говорил мне, что в случае новой войны он ни за что не останется вновь в тылу, а непременно будет сам командовать армиями, не потому, чтобы он считал себя полководцем, а потому, что по его утверждению, при этом устранятся многие затруднения и трения, не говоря уже о том, что он любил войска и военное дело и предпочитал быть во время войны в армии, а не в тылу. Между тем при объявлении войны верховное командование было поручено великому князю Николаю Николаевичу¹⁴, правда, с оговоркой, что это делается временно, пока государь сам не примет командования. О том, как и почему произошла эта перемена, я узнал лишь впоследствии, помнится, от Щегловитова¹⁵, который рассказывал о том в группе правых. Совету министров было поручено выработать правила об особых полномочиях, которыми он должен был пользоваться во время отсутствия государя в Петрограде; Совет, однако, решил просить государя не уезжать в армию, ввиду того что еще предстояло решать много важнейших вопросов (особенно дипломатических), для чего присутствие государя в столице было крайне желательно. Государь сначала отказал в этой просьбе, заявив, что он давно решил в случае новой войны не оставаться в тылу; но затем он сказал, что подумает до следующего дня, и на следующий день согласился на просьбу Совета.

Одним из первых действий верховного главнокомандующего явился его призыв к полякам, которым он за содействие России в ее борьбе обещал объединение и автономию Польши. Это воззвание, подписанное великим князем, исходило, очевид-

¹¹ Куропаткин Алексей Николаевич — генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта с февраля 1916 г.

¹² Николай Николаевич (Младший) — великий князь, двоюродный дядя императора Николая II — верховный главнокомандующий с августа 1914 по сентябрь 1915 г.

¹³ Володя — Владимир Иванович Холщевников, поручик, брат жены А. Ф. Редигера.

¹⁴ Великий князь должен был командовать армиями Северо-Западного фронта, в этой должности его заменил Жилинский с начала войны главнокомандующий Северо-Западным фронтом, в начале сентября 1914 г. был смещен за неудачное проведение Восточно-Прусской операции 1914 г.

¹⁵ Щегловитов Иван Григорьевич — министр юстиции с апреля 1906 по июль 1915 г.

ю, не от него, а от государя или вернее, от правительства и знаменовало собой полнейшую перемену его политики в отношении поляков; оно поэтому вызывало подозрение что правительство не особенно верило в успех предстоявшей борьбы; симпатии поляков, конечно, могли оказать известную пользу в этой борьбе, но если для их приобретения нужно было коренным образом менять отношения к полякам, то приходилось жалеть, что это не было сделано раньше. До этого времени на Польшу смотрели как на одну из составных частей единой России, для которой не только было обязательным общегосударственный язык, но которая пользовалась по внутреннему управлению гораздо меньшою самостоятельностью, чем коренные русские области; теперь же была обещана автономия; объединение же всех поляков почти удваивало их число и делало объединенную Польшу столь крупной составной частью России, что автономия ее (обещанная лишь в довольно неопределенных выражениях) несомненно должна была обратиться почти в полное обособление от России. Таким образом, успешное завершение начатой войны должно было завершиться отторжением от нее ее польских губерний; эта жертва, может быть, была бы не чрезмерна, если бы благодаря ей можно было достичь прочного соглашения с поляками, но на такое соглашение было мало надежды, т. к. претензии поляков, несомненно, оказались бы беспредельными не только в отношении пределов автономии, но и пределов самой Польши, т. к. они пожелали бы получить и белорусские, и литовские земли, а пожалуй, и юго-западный край.

Лидер правой группы П. Н. Дурново¹⁴ 14 октября пригласил к себе на квартиру различных членов группы для обсуждения воззвания великого князя к полякам. Собралось человек 15; единодушно пришли к заключению, что объединение Польши, хотя бы и под главенством России, для последней невыгодно и что желательно воздержаться от дачи дальнейших обещаний...

Жизнь в Петрограде в течение минувшего первого полугодия войны мало в чем изменилась. Цены на продукты, если и поднялись, то немного, и только число извозчиков значительно сократилось и они стали дороже...

В 1915 году Государственный совет был созван в половине января, в краткую двухнедельную сессию, собственно для рассмотрения бюджета. Состав финансовой комиссии был сохранен прежний. В эту сессию я был в четырех заседаниях Общего собрания и в семи заседаниях финансовой комиссии. Рассмотрение сметы, урезанной до последней возможности, было значительно проще, чем в обычное время; смета для военного министерства в большей своей части была пустой формальностью, т. к. согласно закону она исчислялась на мирный состав армии, и расходы по ведению войны в нее не входили, а

относились на военный фонд; расходы же из последнего, превосходившие в несколько раз общий итог всей росписи, не подлежали обсуждению Думы и Совета. Действительно, значение имели лишь те части военной сметы, которые относились к немобилизованным частям (например, военно-учебным заведениям); все же прочие части сметы исчислялись совершенно напрасно, т. к. положенные по ним суммы целиком вливались в военный фонд, откуда расходы производились без всякого соображения со сметными исчислениями.

Краткая сессия Совета представляла все же большой интерес в том отношении, что от съехавшихся членов удавалось узнать о настроении в стране, а от членов правительства — о ходе государственных дел. При встрече с Вернадером¹⁷ в Совете я спросил его, как обстоит снабжение артиллерии патронами. Он самым уверенным тоном дал мне успокоительный ответ: временно было тяжело вследствие недостатка патронов, но кризис уже миновал; поставка заводами патронов уже идет вполне успешно, а через 1 — 2 месяца уже не будет речи о их недостатке. К сожалению, слова Вернадера не сбылись. Не знаю, врал ли он сознательно или сам не знал истинного положения дела.

В одном из заседаний Совета ко мне подошел член его Стахович, которого я вообще мало знал, и сказал мне, что, будучи в армии, он слышал что там все произведенные в ней после японской войны улучшения приписывают мне; как человек штатский он сам мало знаком с моей деятельностью, почему эти отзывы его удивили и он считает долгом передать их мне. Мне оставалось лишь поблагодарить его за приятную весть. В том же заседании, во время перерыва, когда я сидел в столовой и пил кофе, ко мне подошел граф Витте¹⁸ и увлек в другую комнату, где подвел меня к тому же Стаховичу¹⁹, чтобы он мне повторил то, что он перед тем говорил Витте и что я уже слышал от него. Меня поразило искреннее сочувствие Витте тому, что обо мне говорили хорошо; я его поблагодарил за него, сказав, что я надеялся, что мои труды со временем оценят, но не ожидал, что так скоро и лестно.

Упомяну здесь же, что уже в середине ноября 1914 г. я слышал, в Мариинском театре от неизвестного мне соседа по ложе²¹, что половину успехов наших армий приписывают мне, а в середине апреля 1915 г., мой тесть мне передал, что его знакомый д-р Кульнев слышал в Москве,

¹⁷ Помощник военного министра в то время. Главное артиллерийское управление было подчинено ему. Вернадер Александр Петрович — инженер-генерал, член Государственного совета, с 1909 г. — генерал-инспектор Главного инженерного управления, в 1914 г. — помощник военного министра.

¹⁸ Витте Сергей Юльевич — граф, министр финансов до 1904 г., с 1904 г. — председатель комитета министров.

¹⁹ Стахович Михаил Александрович — член Государственного совета.

²¹ Он оказался Волковым, женатым на дочери генерала П. Г. Дукмасова, члена военного совета, с 1907 г. — председателя Верховного военно-уголовного суда.

¹⁴ Дурново Петр Николаевич — министр внутренних дел с 1905 г.

как А. И. Гучков²² успехи нашей армии приписывал мне. Это последнее сведение многое объясняло: Гучков лучше, чем кто-либо (за исключением разве Поливанова) знал, что именно мною было выполнено и что было мною начато для улучшения армии; но что он так судит о моей деятельности, я не знал, т. к. я с ним почти не встречался и он мне самому никогда подобных вещей не говорил. Я думаю, что сведения Стаховича и Волкова имели связь с отзывом Гучкова...

Дела в армии шли все хуже. Вопреки рассказам Вернандера недостаток в снарядах не был устранен, и положение армии вследствие его стало совершенно отчаянным. Это, наконец, побудило государя расстаться с Сухомлиновым. Весьма характерно, что он ничего не говорил ему лично, а о своем решении сообщил Сухомлинову собственноручным письмом из Ставки главнокомандующего, куда он поехал в начале июня. Письмо это гласило:

«Ставка, 11 июня.

Владимир Александрович.

После долгого раздумья я пришел к заключению, что в интересах России и армии Ваш уход необходим в настоящую минуту. Поговорив с великим князем Николаем Николаевичем, я окончательно убедился в этом. Пишу Вам это, чтобы Вы от меня первого узнали. Мне очень тяжело сказать Вам об этом и тем более, что я вчера только вас видел. Столько лет мы с вами работали и никогда между нами не было недоразумений. Благодарю Вас, что вы положили столько труда и сил на благо нашей родной армии. Беспристрастная история будет более снисходительна, чем осуждение современников. Передайте Вашу должность генералу Вернандеру. Господь с Вами. Уважающий Вас

Николай».

Письмо это, чисто личное, конечно, не предназначалось для огласки, но Сухомлинов показывал его всем желающим и копии с него скоро стали курсировать в обществе. Преемником Сухомлинову был избран Поливанов. Знаком особого внимания со стороны государя явился то, что он приказал сдать должность Вернандеру, от которого ее и принял Поливанов. Указы об увольнении Сухомлинова и назначении Поливанова были подписаны 13 июня, одновременно Вернандер был уволен от должности помощника министра с оставлением членом Государственного совета.

Шесть лет тому назад назначение Сухомлинова министром было встречено сочувственно старшими чинами армии; в его лице во главе военного управления становился строевой генерал, Георгиевский кавалер, уже командовавший большим округом и потому известный армии; от него ожидали многого на благо армии и раньше всего отмены неприятных для нее новшеств, введенных мною, как то: нового порядка ведения хозяйства, беспощадного изгнания неспособных начальников, ново-

го порядка путевого довольствия. В этом отношении Сухомлинов вполне оправдал надежды; новшества эти были отменены вовсе или по крайней мере очень смягчены. К влиятельной печати он стал в близкие отношения, и она его восхваляла, браня меня при всяком удобном случае; стараясь быть всем приятным, он приобрел много искренних друзей и приверженцев; при нем всякие награды сыпались как из рога изобилия.

Однако вскоре в общество стали проникать неблагоприятные для него сведения. Раньше всего ему стали известны некрасивые подробности бракоразводного процесса его жены: первый ее муж, на которого была взвалена вина, напечатал брошюру с изложением хода дела и рассылал ее в массе экземпляров. Затем уже стали слышаться жалобы на протекционизм и пристрастие Сухомлинова и на то, что он сам мало работает и дела не знает; широкая публика в последнее не имела оснований сомневаться в этом, т. к. его постоянно можно было видеть то гуляющим, то на скачках, в театре и в ресторанах. Еще позже пошли еще худшие слухи: что он берет взятки! За справедливость этих слухов говорили, с одной стороны, широкие траты Сухомлинова на жизнь, а с другой — чрезвычайно темные личности, бывшие своими людьми в доме Сухомлиновых, которые не стеснялись показываться с ними и в ресторанах.

Все эти сведения и слухи уже давно подорвали репутацию Сухомлинова, но государю он был люб, и он удерживал его в должности. Только катастрофа, постигшая армию вследствие недостатка снарядов, виновником которой считали Сухомлинова, заставила государя расстаться с ним.

Насколько я знаю, военное министерство действительно было сугубо виновато в этом деле. Я упоминал, что норма запаса в 1 тыс. патронов (снарядов. — *Ред.*) на орудие была установлена мной, причем в то время казалось, что норма эта не только достаточна, но, пожалуй, даже широка. Норма эта затем не подвергалась изменению, и с таким запасом патронов мы вступили в войну. Не знаю, были ли со стороны артиллеристов до войны обоснованные ходатайства об усилении этого запаса? Я лишь слышал, что бывший начальник Генерального штаба Жилинский указывал на желательность такого усиления, но не знаю, насколько его доводы были убедительны. Во всяком случае, в моем распоряжении нет данных для того, чтобы винить Сухомлинова в том, что он не увеличил до войны нормы запасов. Притом, кажется, и во Франции эта норма была не больше нашей, так что и там не предвидели чрезвычайного расхода снарядов. Но размер этого расхода стал очевидным тотчас по открытии военных действий и уже в конце августа 1914-го из армии стали поступать самые тревожные сведения об этом²³. Очевидно, что с этого времени во-

²² Гучков Александр Иванович — председатель III Государственной думы, с февраля 1917 г. — военный и морской министр.

²³ Такого рода документ, относившийся к концу августа 1914 г., мне в августе 1915 г. показывал г.-ад. Пантелеев.

енное министерство должно было проявить полную энергию в изготовлении патронов, привлекая к этому все технические средства страны, а с другой стороны — просить начальство армии временно беречь патронов. В первом отношении министерство действовало вяло и не только не хлопотало о привлечении к работе возможно большого числа заводов, но даже отказывало заводам, просившим о даче нарядов на патроны (снаряды. — *Ред.*)²⁴. Это уже, несомненно, являлось преступным легкомыслием и бездействием власти, имевшим самые пагубные последствия. Предупредило ли министерство Ставку²⁵ о нехватке патронов (снарядов. — *Ред.*) и необходимости беречь их, я не знаю.

Несчастье, постигшее Россию, было так велико и общественное мнение было до того возбуждено против военного министерства, что правительство не признало возможным ограничиться отставкой Сухомлинова. Поэтому Горемыкин 25 июля испросил у государя образование «Верховной комиссии для всестороннего рассмотрения обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии». Сверх того были созваны Государственные совет и дума и решено привлечь их членов к заведыванию делом удовлетворения нужд армии. Из членов Думы и Совета предполагалось образовать Особое совещание под председательством военного министра, подчинив его руководству в отношении довольствия армии (и населения) не только военное министерство, но и Главное управление землеустройства и земледелия (заготовка хлеба) и министерства торговли и промышленности (заготовка топлива) и путей сообщения (перевозки). Правительство таким образом само должно было признать свою несостоятельность и поступило умно, сделав это по собственной инициативе.

Государь 25 августа сам вступил в командование армиями, находившимися в то время в самом критическом положении. Почему он тогда, после 13 месяцев войны, решился это сделать, я не знаю. Как я уже говорил, это отвечало давнишнему его желанию, но, может быть, именно тяжелое положение армии побудило его на

этот шаг. Но кроме того, насколько было известно, отношения государя к великому князю Николаю Николаевичу стали довольно натянутыми и, может быть, это оказало влияние. Великий князь был назначен главнокомандующим на Кавказе

вместо престарелого графа Воронцова-Дашкова²⁶.

Правительственный проект образования Особого совещания в Государственной думе был переделан: Дума предложила образовать четыре отдельные совещания, при четырех министерствах; в таком виде законопроект поступил в Совет, для его обсуждения была образована комиссия из 20 членов. Я был членом этой комиссии, и правая группа желала видеть меня председателем ее; но Комиссия двадцатью голосами против восьми избрала в председатели гр. Коковцова, так что эта обуза меня миновала. Комиссия в семи заседаниях рассмотрела проект, который затем был принят Советом.

Я лично считал, что от этих совещаний не будет никакой пользы и что они учреждаются только для успокоения общественного мнения и дабы избежать критики прежней деятельности правительства со стороны палат; за дальнейшие же действия палаты сами брали на себя ответственность, т. к. в их обсуждении должны были участвовать их же избранные. Таким образом совещания обращались в будущее в ширмы, за которые могло прятаться правительство. Участвовать в подобном совещании мне вовсе не улыбалось; к тому же состав этих совещаний был намечен большой и можно было представить, что они обратятся в скучные говорильни...

Верховная комиссия вела все дело крайне секретно, и я лишь изредка слышал о нем кое-что от Пантслеева. Порученное ей дело она закончила лишь в начале 1916 года, т. к. оно было весьма сложно и требовало допроса многих лиц, из коих некоторых приходилось вызывать из армии.

После одобрения Государственным советом закона об Особых совещаниях и образования их сессии Совета и Думы были закрыты 3 сентября с указанием, что палаты будут созваны вновь не позже ноября...

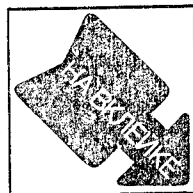
В Петрограде жизнь уже несколько изменилась под влиянием войны. Переполнение города лазаретами и беженцами при расстроенном подвозе по железной дороге уже сказывалось в смысле вздорожания и даже недостатка некоторых продуктов; раньше всего оказался недостаток в сахаре. Еще в конце августа в наших окрестностях вовсе нельзя было найти сахару и только на Невском еще продавали, но не более 5 фунтов в одни руки. Разменное серебро совсем исчезло из обращения и было заменено почтовыми марками в 20, 15 и 10 коп., выпущенными в 1913 г. по случаю Романовского юбилея с портретами Александра I, Николая I и Николая II; первые такие марки мне пришлось получить при возвращении из Кисловодска. Скопление беженцев в столице занесло в нее и всякие болезни, в том числе и оспу, почему мы весной делали себе прививку, которая у нас обоим принялась.

²⁴ Н. Н. Игнатьев мне рассказывал, что один директор горных заводов на Урале, живший на своей даче в Куоккала и с которым он часто сидел по железной дороге, ему говорил, что он начиная с осени 1914 г. раза три предлагал военному министерству поставку снарядов, но получал отказы. Первый заказ на снаряды он получил лишь летом 1915 г.

²⁵ Штаб верховного главнокомандующего в общепринятый обыкновенно назывался Ставкой.

²⁶ Воронцов-Дашков Илларион Иванович — граф, министр Двора, наместник на Кавказе.

КАВАЛЕРГАРДЫ

Один из самых блестящих и привилегированных полков русской армии, гвардейская тяжелая кавалерия — кавалергарды! Полк, воспитавший братьев Левенвольдов и Дарыдозых, М. Лунина, Н. Репнина, Н. Деспереадозича, Ф. Уварова, обессмертивший себя в сражениях под Аустерлицем, Бородино, Фершампенуазом.

История славных кавалергардов началась так: 30 марта 1724 года* к коронации императрицы Екатерины I, состоявшейся 7 мая 1724 года, в качестве ее почетной стражи был сформирован Кавалергардский корпус. С течением времени это формирование, комплектовавшееся из представителей знатных российских фамилий, видоизменялось, распускалось и образовывалось снова. Так продолжалось до тех пор, пока 11 января 1800 года, через год после очередного учреждения Кавалергардского корпуса, Павел I не переформировал его в трехэскадронный лейб-гвардии Кавалергардский полк, на одинаковом положении с другими гвардейскими полками без сохранения привилегии набора исключительно из дворян.

После большой реорганизации армии, проведенной Александром I, полк получил пятиэскадронный состав, определенный новым штатом полка. По штату 1804 года полк должен был иметь такие строевые чины: 1 шеф полка, 1 командир полка, 5 эскадронных командиров, 5 ротмистров, 5 штабс-ротмистров, 13 поручиков, 11 корнетов, 5 вахмистров, 10 эскадр-юнкеров, 60 унтер-офицеров, 660 кавалергардов, 5 квартирмейстеров, 1 литавщик, 1 штаб-трубан, 15 трубачей и др. — всего 991 человек. А каждый эскадрон делился на 4 взвода. У Кавалергардского полка был оркестр из 25 музыкантов (два фагота, четыре валторны, четыре флейты, две медные трубы, один контрафагот, один тромбон, два серпона, один треугольник, тарелки и бубен и др.).

Кавалергардская форма дольше, чем форма других полков, сохраняла черты павловского времени. Лишь в 1804 году кавалергарды получили характерные для начала XIX века мундиры французского покроя — белые двубортные колеты с высокими воротниками и короткими кавалерийскими фалдами. Их дополняли белые лосиные панталоны в обтяжку и высокие ботфорты. Головным убором для строя служила каска из толстой кожи с пышным волосным плюмажем. Она надежно защищала голову от поражения холодным оружием. Кирасы, давшие название полкам тяжелой кавалерии, были отменены еще в середине 1801 года, однако боевая практика вскоре показала преждевременность

такой экономии. Кавалергарды получили их летом 1812 года.

Шефом Кавалергардского полка был назначен генерал Федор Петрович Уваров, оставшийся в этой должности до самой смерти (1824 г.). Не имея прямых наследников, Уваров завещал 400 тысяч рублей на сооружение памятника «в знак признательности подчиненным-гвардейцам». На эти деньги и были сооружены в Петербурге Нарвские триумфальные ворота, открытые 18 августа 1834 года. Надо заметить, что пожертвование различных сумм офицерами на поддержание «порядка воинской службы среди нижних чинов» не являлось чем-то особенным. Например, А. С. Апраксин установил пять стипендий в полку: большую (100 рублей) — старшему вахмистру эскадрона и четыре младшие (по 50 рублей), которые вручались «лучшим и достойнейшим людям эскадрона»¹. А Р. Е. Гринвальд установил стипендию «тому нижнему чину эскадрона, который в продолжение истекшего полугодия при отличном поведении окажется лучшим ездоком»².

С 1803 по 1823 год полковым командиром кавалергардов был Николай Иванович Депрерадович — боевой генерал, участвовавший во всех сражениях во время войн с наполеоновской Францией. Два сына Депрерадовича тоже служили в его полку.

Портреты обоих генералов сейчас можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца.

Боевое крещение, и славное, и трагическое, кавалергарды получили 20 ноября 1805 года под Аустерлицем. Как известно, тогда союзные войска рассчитывали, что обеспечат себе победу над Наполеоном, но потерпели поражение.

Русская гвардия оказалась на направлении главного удара французов и вынуждена была отступать перед значительно превосходящими ее силами, имея позади себя полузамерзший, с топкими берегами Раустицкий ручей. Кавалергарды подоспели уже в критический момент сражения. Переправавшись по плотине через ручей, три первых эскадрона развернулись вправо, сдерживая натиск французской пехоты и прикрывая отход разрозненных групп преображенцев. 4-й и 5-й эскадроны пошли прямо на выручку Семеновского полка, с трудом отбивавшегося от конных егерей французской гвардии и мамелюков.

«Мы увидели перед собой, шагах в 400 от переправы, нашу пехоту — семеновцев, окруженных французской кавалерией, отбивавшей у них знамена. Кругом ни вправо, ни влево не было видно русских частей, видны были лишь кучки бегущих, а

* Здесь и далее даты указаны по старому стилю.

¹ Биографии кавалергардов. — Т. 4. — СПб, 1906. — С. 3.

² Там же. — С. 24.

- Памятник кавалергардам и конной гвардии на Бородинском поле.

Художник Ф. Викулов. 1969 г.

- Караул кавалергардов в Павловском дворце. 1799—1800.

Художник Г. Шварц. 1840 г.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЛЕТОПИСЬ
КАВАЛЕРГАРДСКОГО
ПОЛКА

Вниманию читателей предлагаем акварели замечательного художника Вильгельма Гау. В середине прошлого столетия им было написано 98 листов — своеобразная летопись Кавалергардского полка. Находились они в массивном серебряном ларце со скульптурной композицией на крышке, изображавшей группу кавалергардов. Ларец хранился у шефа полка — императрицы Марии Федоровны. После революции полковая реликвия проделала долгий

КАВАЛЕРГАРДЪ

при Императрице Марии I

1799 и 1800.

и опасный путь по дорогам гражданской войны, по странам Европы и наконец оказалась в Музее инвалидов в Париже. Важно то, что ла-рец с почти не тронутым содержимым (за время скитаний было утрачено 9 листов) на-ходится в музее на хранении, не являясь его собственностью. Когда же наступит день и эта замечательная коллекция вернется на родину? Цветные репродукции из этого комплекта в нашей стране никогда не публиковались.

КАВАЛЕРГАРДЪ

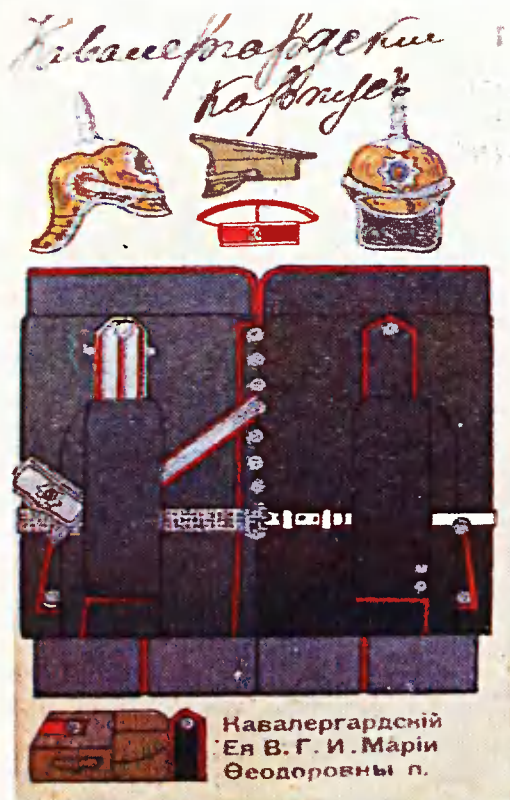
при Императоре Александр I.

1801-1825.

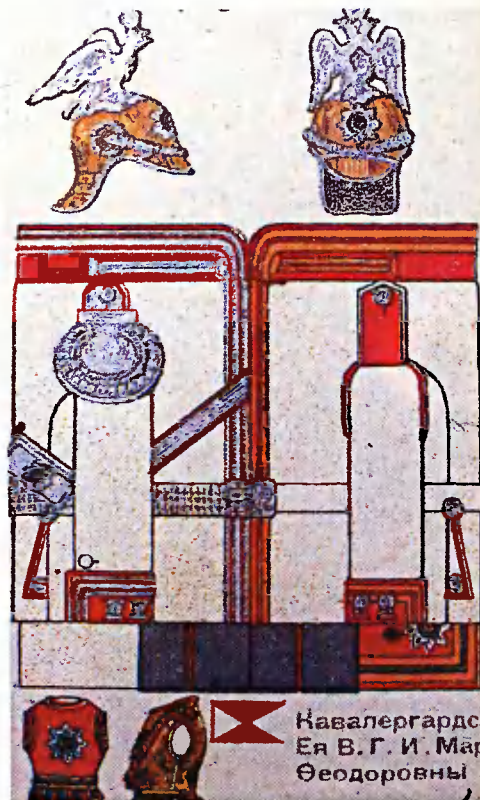
- Кавалергарды времен Николая I.
Слева направо: обер-офицер и рядовой в супервестах (дворцовый караул), обер-офицер в парадной форме, обер-офицер в бальной форме.

- Форма обмундирования кавалергардов на начало XX в. Из таблицы форм обмундирования русской армии, составленной полковником В.К. Шенком.

- Обыкновенная форма.

- Парадная форма.

общим фоном этой картины служила сплошная стена французской пехоты» — так писал впоследствии командир 4-го эскадрона полковник князь Н. Г. Репнин-Волконский А. И. Михайловскому-Данилевскому.

4-й эскадрон с примкнувшим к нему по пути 1-м взводом корнета А. И. Альбрехта ринулся на помощь семеновцам, смятая французских кавалеристов. В схватку вмешались еще три эскадрона французов, которые, охватив кавалергардов с обоих флангов, замкнули кольцо окружения. Около 15 минут шла ожесточенная рубка, пока к французам не подоспели четыре эскадрона конных гренадер. Громадные всадники обрушились на кавалергардов с криком: «Заставим плакать петербургских дам!» Отчаянные попытки товарищей выручить попавший в беду эскадрон не удались.

Однако удар кавалергардов позволил частям гвардейской пехоты выбраться за ручей, за ними отошла и наша кавалерия. А окруженный эскадрон продолжал сражаться до конца. Большая часть людей погибла, остальные попали в плен, будучи почти все ранеными. Вырваться из вражеского кольца сумели лишь «осмнадцать человек», о которых упоминает в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой. Из полка в сражении выбыло 13 офицеров и 226 нижних чинов.

Офицеры же героического эскадрона, попавшего в окружение, все были ранены, а затем пленены. Некоторые держались на ногах, и их подвели к Наполеону.

— Кто старший? — осведомился император. Ему назвали князя Репнина.

— Вы командир Кавалергардского полка императора Александра? — спросил Наполеон.

— Я командовал эскадроном, — ответил Репнин.

— Ваш полк честно выполнил свой долг!

— Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату.

— С удовольствием отдаю ее вам. Кто этот молодой человек рядом с вами?

— Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне.

— Он еще слишком молод, чтобы драться с нами, — заметил Бонапарт.

И юный Сухтелен (ему было 17 лет, как и уже упоминавшемуся А. Альбрехту; он был ранен в голову и ногу) воскликнул:

— Не нужно быть старым для того, чтобы быть храбрым!³

Действительно, молодые кавалергарды в первом своем бою проявили необычайную стойкость. Подробнее расскажу лишь о двух.

Это прежде всего Александр Альбрехт. Он командовал 1-м взводом 1-го (шефского) эскадрона. Его взвод оказался в рядах эскадрона Репнина. Уверенность в благополучном исходе предстоящего сражения была столь велика у высшего командования, что накануне полку было приказано готовиться к царскому смотру, и кавалергарды чистились, подгоняли новые чепраки, привезенные из Петербурга, и вышли на бой, как на парад. А 1-й взвод

с утра повез полковые штандарты в Аустерлиц и, догоняя на марше полк, просто пристроился в хвост колонны. Когда же в бою под Альбрехтом была убита лошадь, корнет со своим вахмистром стали спиной к спине и начали отбиваться от врагов палашами. Вскоре получивший несколько сабельных ран в голову офицер остался один до тех пор, пока был в состоянии держаться на ногах и держать оружие. Позже его нашли в поле и взяли в плен.

Следует подчеркнуть, что все офицеры полка, участвовавшие в сражении, были награждены. Шеф полка генерал-лейтенант Ф. П. Уваров и командир полка генерал-майор Н. И. Депрерадович получили ордена Св. Георгия 3-й степени, полковник Н. Г. Репнин-Волконский — орден Св. Георгия 4-й степени, остальные эскадронные командиры полковники А. Н. Авдулин, Н. В. Титов, С. И. Ушаков, А. Л. Давыдов и адъютанты Уварова штабс-ротмистр П. И. Балабин и поручик А. И. Чернышов — ордена Св. Владимира 4-й степени, все раненые офицеры — золотое оружие (шпаги), все остальные офицеры — Анненские кресты «За храбрость» на шпаги. Юнкера были произведены в офицеры.

Участие полка в последующих событиях в ходе этой кампании не было отмечено особыми успехами, и в апреле 1806 года он возвратился домой. Недолгая мирная жизнь прервалась в феврале 1807 года с началом так называемого Прусского похода. Кавалергарды провели всю кампанию на «вторых ролях». Одними из первых были награждены Знаком отличия военного ордена, учрежденным 13 февраля 1807 года и жалуемым нижним чином «за заслуги боевые и за храбрость, против неприятеля оказанную», кавалергарды унтер-офицер Егор Иванович Митюхин (знак № 1) и рядовой Карп Савельевич Овчаренко (знак № 3).

Через некоторое время после заключения Тильзитского мира (25 июня 1807 г.) полк вернулся в Петербург. вновь потекли дни, насыщенные парадами, учениями. В 1811 году в армии появились новые фуражные шапки (пока еще без козырьков у нижних чинов), форма которых, по существу, не изменилась и по сей день. Офицеры полка впервые надели серебряные эполеты.

Убыль нижних чинов компенсировалась в основном переводом из армейских полков пущих, «заслуженных храбростью, поведением и образованием» солдат. Например, отличившиеся в боях 1807 года и награжденные Знаком отличия военного ордена Псковского драгунского полка унтер-офицер В. Михайлов (знак № 2) и рядовой Н. Клементьев (знак № 4), рядовые Екатеринославского драгунского полка П. Трехалов (знак № 5) и С. Родионов (знак № 7) были переведены в кавалергарды.

Служба в полку на виду у начальства была трудной, доминировали муштра, постоянные заботы о поддержании всего имущества в образцовом порядке, но и льгот у гвардейцев было немало, некоторые из них ввел еще Петр I. Так, по традиции нижние чины, «отличные по службе и по-

³ История кавалергардов. — Т. 3. — СПб. 1903. — С. 69.

ведению имели право получать от Государя именниники: фельдфебели — 25 рублей, унтер-офицеры — 10 рублей, рядовые — 5 рублей, да на свадьбу: фельдфебели — по 100 рублей, унтер-офицеры — по 50 рублей, рядовые — по 25 рублей»⁴.

Близость ко двору порой ввергала офицеров полка в самые невероятные жизненные ситуации. Памятна трагическая история штабс-ротмистра Алексея Яковлевича Охотникова, о которой глухо говорил «весь Петербург». Красавец кавалергард влюбился в замужнюю даму высшего света. Через некоторое время она ответила ему взаимностью. Пылкая любовь продолжалась почти два года. Трагическая развязка наступила в ночь с 4 на 5 октября 1806 года. Охотников, выходя из театра в толпе зрителей, был тяжело ранен неизвестным человеком, который вонзил в него кинжал. Несмотря на тщательный уход и лечение, рана не заживала, и спустя несколько недель офицер скончался. А через полгода на его могиле появился очень дорогой и красивый памятник, «изображавший скалу со сломанным грозой дубом, у подножия скалы на коленях женская фигура в покрывале держит в руках погребальную урну». История не привлекала бы внимания высшего света и наше тоже, если бы возлюбленной молодого кавалергарда не была бы... императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I. Организацию же убийства молва приписывала младшему брату царя — Константину Павловичу.

Вообще взаимоотношения великого князя, занимавшего должность командующего гвардии, с полком всегда были достаточно сложными. Вспыльчивость и придиричность Константина, далеко не всегда оправданные обстоятельствами, часто порождали конфликты, такие, к примеру, как случай, происшедший во время одного из многочисленных переходов в годы Отечественной войны. Цесаревич, обгоняя полк, увидел едущего в строю в фуражке, а не в каске полковника В. И. Каблукова. Офицеру это было дозволено приказом по полку «вследствие полученных под Аустерлицем трех сабельных ударов в голову». Константин сорвал с полковника фуражку, нагрубил ему, обзавав при этом офицеров полка «якобинцами и вольтерьянцами». Правда, через несколько дней он принес извинения за этот поступок и В. Каблукову, и офицерам.

По иронии судьбы характеристика, данная в запальчивости цесаревичем офицерам, подтвердилась во время событий декабря 1825 года. Из числа кавалергардов (находившихся в строю или служивших в полку ранее) по делу декабристов прошло 28 человек. Заметим, что отношение офицеров полка к последним было в общем отрицательным, хотя многие и жалели их, как своих боевых товарищей, «сбитых с толку вольнодумством». Однако много лет спустя кавалергард Н. С. Мартынов (да, тот самый, который, как написано в его биографии, «имел несчастье убить на

дуэли Лермонтова») опубликовал стихотворение «К декабристам», где были такие строки:

«И как нам не почесть участия слезоу
Ратующих за чернь вельмож и богачей.

То цвет России был,
Поблекший под грозою,
И скошенный с земли руками

палачей»⁵.

Еще позже, в начале нашего столетия, когда готовился к изданию роскошный четырехтомник «Биографии кавалергардов», в предисловии к третьему тому о декабристах упомянуто так: «Биографии этих лиц полк решил не помещать в этом сборнике. Пусть судит их история, но политика не дело война»⁶. Однако в 1977 году в Париже вышло дополнение к третьему тому этого издания под названием «Кавалергарды-декабристы», составленное комиссией, избранной из бывших офицеров полка: В. Н. Звегинцова, барона Г. Г. фон Гротгуса и Д. Давыдова. Не одобряя, разумеется, действий «мятежников», решено было все же издать и их биографии, поскольку в предыдущих томах были помещены материалы об офицерах, причастных к переворотам 1762 и 1801 годов, убийствам императоров Петра III и Павла I. Действия декабристов, как считала комиссия, не слишком отличались по характеру от действий их предшественников, и отделять их друг от друга не стоит.

Вернемся, однако, к полку, оставленному нами в Петербурге в 1812 году. Слухи о предстоящей войне все более распространялись по столице. После недолгих сборов 17 марта полк выступил в поход. Гвардейские кирасиры прошли на запад до Вильно. С началом войны в составе 1-й западной армии Барклая де Толли отошли назад. Элитные полки сберегались командованием, и им не пришлось принимать активного участия в боях до дня Бородинского сражения. Под Бородино полк находился в составе 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Н. И. Депредровича. Командиром бригады, в которую входил, кроме кавалергардов, лейб-гвардии Конный полк, был генерал-майор И. Е. Шевич. Кавалергардским полком, насчитывавшим 559 человек, командовал полковник К. К. Левенвольд.

Полк вступил в сражение во время третьей атаки французов на батарею Раевского, когда, по существу, центр русской позиции был прорван и бригада осталась единственным препятствием на пути врага. «Кавалерия Груши, поддержанная огнем своей пехоты и артиллерии, опрокинув несколько полков 7-й пехотной дивизии (по другим источникам, 24-й пехотной дивизии. — А. Т.), врубалась в батарею Костенецкого». Кавалергарды, уничтожив россыпь передовых всадников, двумя линиями эскадронов двинулись рысью под огнем на строившиеся колонны французской кавалерии.

Гибель Левенвольда, на виду полка сраженного картечью, лишь на мгновение сму-

⁴ Зедергольц В. История лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. — Вып. 1. — СПб., 1898 — С. 144.

⁵ Нарцов А. Н. Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепных. — Тамбов, 1904. — С. 34.

⁶ Биографии кавалергардов. — Т. 3. — С. 1.

тила кавалергардов — полк врубился в колонну неприятеля, сминая ее. По впечатлениям очевидца, «рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял необыкновенное зрелище, в своем роде великолепное, напоминавшее битвы древних рыцарей... Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых»⁷. Враг был опрокинут и обращен в бегство. Трубачи протрубили сигнал «Аппель!». Здесь следует напомнить, что по существовавшему уставу неприятельскую кавалерию следовало атаковать только сомкнутым «железным» строем, а уже для преследования не выдержавшего натиска врага использовалась «рассыпная атака». По команде «Рознь! Марш! Марш!» следовало «каждому кирасиру не держать ни линии, ни шеренги, а ехать вперед». Средяли и рубили до тех пор, пока сигнал «Аппель!» не заставлял прекратить преследование и, не мешкая, собираться к своему штандарту. При этом свое место в шеренге можно было не отыскивать, но желательным было найти свою шеренгу (первую или вторую). Место сбора распределялось по штандарту, для прикрытия которого всегда оставались с обеих сторон по три ряда кирасир с командиром 3-го взвода, а также замыкающий офицер и трубачи.

Между тем увлекаясь преследованием группы кавалергардов не сразу воспринял сигнал. Около сотни всадников остановились, лишь увидев перед собой строй французской кавалерии. Гвардейцы мгновенно образовали свой строй. Старший в этом строю поручик П. С. Шкурин оказался в затруднении: стоять нельзя — противник накапливается, вот-вот атакует; развернуться тоже — ударят в спину; атаковать самому — значит нарушить полковой приказ («Аппель!» продолжал звучать). Сомнения разрешил оказавшийся поблизости дивизионный адъютант М. П. Бутурлин, приказавший атаковать. Противник боя не принял, и отряд смог присоединиться к полку.

Около полутора часов провели кавалергарды в огне сражения.

Из рапорта генерал-майора Н. М. Бородинна: «...полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный под предводительством генерал-майора Шевича зачали сей день... атакою на неприятеля, завладевшего уже нашей батареею (2-й гвардейской конной батареей. — А. Т.), с которой, опрокинув его, содействовали спасению батарее, истребив большую часть покусившихся на сей предмет. Сим остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей, которая была уже за неприятельской кавалерией, спасена. В атаке сей имели нещастие потерять отличного полковника Левенвольда, который убит на месте, и командование принял полковник Леваашев... Потом... полк Кавалергардский... ударил стремительно на неприятельских кирасир, мгновенно опрокинул оных и, преследуя, сильно поражал»⁸.

Многими жизнями заплатили гвардейцы за успех в бою: погиб полковник К. К. Левенвольд — последний представитель своего древнего рода воинов; убит состоявший при генерал-лейтенанте А. И. Остермане-Толстом поручик П. П. Валуев; героически пал в сражении штабс-ротмистр П. А. Римский-Корсаков, о смерти которого сохранились рассказы французских офицеров такого рода: «Павел Александрович, человек огромного роста и необычайной силы, занесенный конем к неприятелю и окруженный им, на все требования сдачи отвечал ударами палаша, под которыми легло несколько человек, пока выстрел из карабина не положил его на месте»⁹.

Всего из состава полка за время Бородинского сражения вышло 14 офицеров и 93 нижних чина. Оставшиеся в живых офицеры были награждены. Н. Ф. Левашов — орденом Св. Георгия 4-й степени, М. С. Лунин, С. П. Ланской и К. В. Левашов — золотыми шпагами, все остальные — следующими по старшинству орденами, а 63 нижних чина — Знаками отличия военного ордена.

Наконец кампания 1812 года закончилась. Полк получил передышку, пополнился людьми. Приведя себя в порядок, армия снова вышла в поход. Кавалергарды сражались при Кульме, Лейпциге, Фершампенуазе, дошли до Парижа, где закончился их боевой путь. Домой полк вернулся в октябре 1814 года.

Успехи полка в борьбе с Наполеоном были отмечены пожалованием Георгиевских штандартов с надписью: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 года» и 15 Георгиевских труб с надписью: «Кавалергардского полка». 16 портретов бывших кавалергардов и сейчас можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца: Ф. П. Уварова, Н. И. Депрерадовича, А. И. Альбрехта, П. И. Балабина, Д. В. Васильчикова, С. Г. Волконского, П. В. Голенищева-Кутузова, Д. В. Давыдова, П. И. Каблукова, В. И. Каблукова, В. В. Левашова, М. И. Палена, Н. Г. Репнина-Волконского, П. П. Сухтелена, В. С. Трубецкого, А. И. Чернышова.

С 1 января 1817 года всем войскам гвардии, армии, гарнизонов и внутренней стражи было повышено жалование ввиду «возвышения цены на все предметы жизненных потребностей и желания соразмерить жалование с существенными надобностями и тем явить новую признательность к заслугам победоносного воинства в последнюю, благополучно оконченную войну»¹⁰.

С тех пор кавалергардам долго не доводилось проявить себя в боях с неприятелем. Прошло почти сто лет, прежде чем гвардейцы вновь повели счет своим боевым — уже на фронтах первой мировой войны.

А. Н. ТАЛАНОВ

⁷ Там же. — С. 213.

⁸ Бородинно. Документы, письма, воспоминания. — М.: Советская Россия, 1962. — С. 154.

⁹ Биографии кавалергардов. — Т. 3. — С. 129.

¹⁰ Зедергольц В. История лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады — Вып. 1. — СПб., 1898. — С. 196.

КОГДА листаешь подшивки, скажем, за минувший год таких изданий, как, например, «Литературная газета», «Комсомольская правда», «Огонек», и внимательно вчитываешься во многие публикации, то при целостном восприятии последних приходишь к выводу: эти печатные органы настойчиво и последовательно формируют у читателей извращенное представление о нашей действительности и истории. Прикрываясь словами о благородном стремлении защитить униженные и оскорбленные нации и народы, отбелить запятанные имена достойных людей, высветить темные доселе страницы, они на деле подменяют патриотизм экстремизмом, отстаивая и пропагандируя последний, поднимают на щит «героические жития» сомнительных личностей. Для чего это делается? Что ж, цель подобных публикаций тоже прослеживается вполне явственно — извратить, насаждая «новое» мышление и образ жизни, отечественную (в первую очередь советскую) историю, оплевывать и растоптать сложившиеся традиции и нравственные ценности, очернить Вооруженные Силы. Нередко авторы подобных печатных материалов удовлетворяют таким образом свои мелкие амбиции и тщеславие, приобретают дешёвый политический авторитет, заигрывают с лидерами «демократической волны».

Щекочихин в «Литературной газете» помогает «опальному» генералу Шапошникову свести счёты с бывшим своим начальником покойным генералом Плиевым и армией вообще. Попов в «Огоньке», извращая суть новочеркасских событий в июне 1962 года, «громит» всю систему. Кстати, о них, новочеркасских событиях, — одной из болевых и наиболее муссируемых «демократической» прессой тем — и пойдет наш документальный рассказ.

НОВОЧЕРКАССК: ИЮНЬ 1962 ГОДА

В НАСТОЯЩЕЕ время Главная военная прокуратура, исходя из поручения I Съезда народных депутатов СССР, проводит прокурорскую проверку обстоятельств использования войск Северо-Кавказского военного округа и внутренних войск МВД РСФСР (с 1 по 8 июня 1962 г.) и применения ими оружия в г. Новочеркасске Ростовской области (2 июня 1962 г.) при защите здания горкома партии и горисполкома, горотделов милиции, КГБ и госбанка от бесчинствующих лиц из числа демонстрантов.

Материалами проверки установлено следующее. В связи с выполнением постановления Совета Министров СССР от 17 мая 1962 года № 456 «О повышении закупочных (сдаточных) цен на крупный рогатый скот, свиней, овец, птиц, масло животное и сливки и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло животное» по Центральному радио было объявлено о повышении с 1 июня 1962 года розничных цен на мясомолочные продукты. Причем последние поступали в то время в магазины Новочеркасска в значительно ограниченном количестве. Одновременно администрацией Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного (НЭВЗ) под руководством директора Курочкина вводилось снижение расценок на выпускаемую огромным предприятием промышленную продукцию. Все это послужило поводом к забастовке рабочих завода, вылившейся в многотысячный митинг, а впоследствии и в многотысячную демонстрацию.

Стихийный митинг возник утром 1 июня 1962 года во время пересменки рабочих сталеплавильных цехов. Прибывшего в тот же день на НЭВЗ первого секретаря Ростовского обкома КПСС Басова, вышедше-

го на балкон заводоуправления с целью успокоения митингующих, забросали бутылками, камнями, палками и другими предметами. Отдельные лица пытались выключить радиотрансляцию. Толпа выказывала непримиримость, а организаторы и подстрекатели происходивших беспорядков требовали увеличения продажи продуктов питания, повышения заработной платы, снижения норм выработки и т. д. Увлекая за собой многочисленную разъяренную массу людей, эти лица блокировали здание заводоуправления, громили оборудование завода, нападали на партийных и комсомольских активистов. Все попытки работников милиции, дружинников и рабочих, не принимавших участия в митинге, восстановить порядок на заводе и освободить вход в заводоуправление успеха не имели.

В то же время некоторая часть организаторов и участников беспорядков вышла в район главной железнодорожной артерии юга страны (станция Локомотивстрой, вблизи территории НЭВЗ), где произвела завалы путей, остановила движение всех поездов. Настроенные наиболее злобно хулиганствующие элементы громили вагоны.

В связи со сложившейся в районе электровозостроительного завода и поселка Буденновский тревожной обстановкой и возможными непредсказуемыми последствиями, а также для прекращения чинимых беспорядков, «разблокировки» и освобождения самого Басова и других партийных и административных работников по указанию (предположительно) Басова, являвшегося одновременно и членом военного совета Северо-Кавказского военного округа (СКВО), из города Новочеркасска (расположен от поселка Буденновский в 10 — 12 км) прибыл генерал-майор Олешко с личным составом в количестве примерно 500 человек.

Одновременно для оказания помощи местным органам власти в ликвидации начавшихся массовых беспорядков на основании распоряжения министра внутренних дел РСФСР было поднято по тревоге подразделение внутренних войск, дислоцировавшееся в то время в Ростове-на-Дону. Военнослужащие численностью 150 человек во главе с офицером Пожидаевым в 16 часов прибыли в район НЭВЗ, подошли к толпе и потребовали разойтись.

Первоначально военнослужащим и работникам милиции, прибывшим в поселок Буденновский, митингующие какого-либо сопротивления не оказывали. Но в дальней-

шем, подогреваемые призывами организаторов и явных провокаторов, стали расчленять подразделения на мелкие группы. Военнослужащие таким образом были растворены в массе скопившихся людей. Отдельные офицеры и солдаты получали от хулиганов толчки, удары. Несколько человек впоследствии были госпитализированы. При этом погромщики опрокидывали служебные машины, приводили их в негодность. В то же время толпа продолжала препятствовать нормальному функционированию железной дороги и фактически заблокировала ее. Отдельными бесчинствующими лицами была захвачена газораспределительная станция, вывод из строя которой ставил под угрозу функционирование не только промышленных предприятий, сосредоточенных в поселке Буденновский, но и обеспечение газом всего города. Подразделениям одного из полков внутренних войск удалось выдворить погромщиков из газораспределительной станции и взять ее под охрану. Работниками милиции за совершенные бесчинства были задержаны и доставлены в Новочеркасское городское отделение милиции более 30 лиц, непосредственно участвовавших в бесчинствах и погромах. Предвидя, что подрывные действия могут перекинуться в город, воинам этого полка было дано указание взять под охрану и подготовить к обороне горком партии и горисполком, горотделы милиции и КГБ, госбанк, тюрьму, почту, телеграф и радиостанцию. Одновременно по приказу командующего войсками СКВО генерала армии Плиева в ночь на 2 июня 1962 года к электровозостроительному заводу были направлены несколько танков и личный состав на бронетранспортерах. Такое распоряжение командующий округом получил от членов Президиума ЦК КПСС Кириленко и Шеленина, прибывших в Новочеркасск 1 июня 1962 года. Это указание было одобрено Председателем Президиума Верховного Совета СССР Микояном и секретарем ЦК КПСС Козловым, прибывшими в город днем позже, а также по телефону министром обороны СССР Малиновским.

Дальнейшие события развивались следующим образом. Утром 2 июня 1962 года в Буденновском собралось несколько тысяч демонстрантов, в том числе женщины и дети, которые колонной направлялись в Новочеркасск. Целью этого шествия было добиться отмены условий, снижающих жизненный уровень рабочих, и освободить содержащихся в городском отделении милиции задержанных 1 июня в районе НЭВЗ наиболее «активных» участников митинга.

Зная о готовящемся походе, находившиеся в 1-м военном городке Новочеркасска Кирилленко, Шелепин, Плиев, Басов, а также Иващенко (начальник политуправления — член военного совета СКВО), Стрельченко (начальник УВД Ростовского обл. исполкома), Тупченко (начальник УКГБ по Ростовской области), Замула (председатель Новочеркасского горисполкома) и другие должностные лица приняли решение заблокировать танками и бронетранспортерами единственный путь в город — мост через реку Тузлов.

Руководствуясь этим решением, командующий округом генерал армии Плиев приказал командиру подразделения Михееву выставить на мосту 9 — 10 танков и несколько БТР. При этом военнослужащие были со штатным оружием, но без боеприпасов и никакой команды на применение оружия против демонстрантов не получали.

Прибывшая примерно в 10 часов 2 июня к мосту многотысячная колонна демонстрантов проигнорировала требование командования прекратить шествие. Часть демонстрантов беспрятственно перелезла через установленную на мосту бронетехнику, а часть по мелиководью преодолела реку Тузлов вброд. Сомкнувшись на противоположном берегу, колонна продолжила движение.

Упредив демонстрантов, в здание горкома партии и горисполкома прибыли Кирилленко, Козлов, Микоян, Ильичев, Полянский, Шелепин, ответственные представители центральных органов КГБ генералы Иванутин и Захаров, заведующий отделом ЦК КПСС Степаков, заместитель заведующего отделом ЦК Снастип. Когда демонстранты находились у площади Революции (примерно в 4 — 5 км от здания горкома партии и горисполкома), Козлов доложил в Москву Первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву об обстановке и попросил разрешения отдать через министра обороны СССР и командующего войсками СКВО распоряжение на пресечение с помощью военнослужащих возможных эксцессов.

Как видно из докладной записки и. о. начальника внутренних войск МВД РСФСР генерал-майора Чугунова и начальника политотдела внутренних войск полковника Болдина, адресованной министру внутренних дел РСФСР Тикуну, к рассвету 2 июня 1962 года из Ростова-на-Дону были подвезены и выданы всему личному составу внутренних войск оружие и боеприпасы. В связи со скоплением на центральных

улицах города Новочеркасска многотысячной толпы людей и провокационными действиями накалявших обстановку отдельных хулиганствующих групп в 10 часов 2 июня все подразделения названных войск были приведены в боевую готовность.

Для руководства частями и подразделениями войск МВД, привлекаемыми к защите зданий государственных и партийных органов, а также обеспечению безопасности жителей, была создана оперативная группа из офицеров Управления войск, штаба и политотдела дивизии внутренних войск. Она размещалась вместе со штабом руководства и первоначально получала непосредственные распоряжения от членов Президиума, секретарей ЦК КПСС и руководства КГБ, но с прибытием в Новочеркасск заместителя министра МВД Ромашова действовала по его указанию.

Вследствие того, что все силы имеющихся подразделений внутренних войск были задействованы, а обстановка все осложнялась, было принято решение сосредоточить в Новочеркасске дополнительные силы внутренних войск МВД РСФСР, дислоцировавшиеся в Каменске-Шахтинском, Грозном и Ростове-на-Дону.

Между тем многотысячная наэлектризованная толпа приблизилась к зданию горкома и горисполкома на расстояние 100 — 60 метров. Находившиеся здесь председатель горисполкома Замула, заведующий отделом ЦК КПСС Степаков и некоторые сотрудники КГБ предприняли попытку успокоить народ и призвать его к порядку. Но их, вышедших на балкон с мегафоном, забросали палками, камнями. Наиболее агрессивно настроенная группа лиц, прорвав неплотную цепь военнослужащих, охранявших вход, ворвалась внутрь здания и учинила там погром: разбила стекла окон и двери, разломала мебель, повредила телефонную проводку, сбросила на пол люстры и портреты. Оставшиеся в помещении представители партийных, советских и правоохранительных органов были вынуждены поспешно покинуть его. При этом один из работников КГБ сильно повредил ногу, что впоследствии обернулось ампутацией стопы.

Захватив здание, экстремистские «лидеры» стали оглашать с балкона всевозможные «воззвания» и призывы: «...надо послать делегацию к Ворошилову», «...жить не на что», «наконец-то дождались». Прибывшее в это место на БТР подразделение во главе с его командиром офицером Де-

мым в пешем порядке численностью 45—50 человек попыталось, вклинившись в толпу, оттеснить ее. Однако растворилось в ней и ввиду своей малочисленности прекратить митинг не смогло. Получив затем команду покинуть место событий, Демин вывел своих людей к оставленной за зданием военной технике. В соприкосновении с демонстрантами он и его подчиненные больше не вступали. Их место у входа в здание горкома партии и горисполкома заняло другое подразделение (с ним прибыл генерал Олешко). В отличие от одетых в полевую форму военнослужащих СА личный состав этого подразделения (около 50 человек) имел погоня малинового цвета и относился к внутренним войскам. Оттеснив от здания митингующих, новое ополчение выстроилось в две шеренги лицом к толпе демонстрантов. А генерал-майор Олешко сумел пройти в здание и пробраться на балкон. Он призвал собравшихся прекратить демонстрацию и погромы и разойтись. Его речь потонула в гуле, выкриках, угрозах расправой. Выставленными вдоль фасада здания военнослужащими из автоматов был произведен предупредительный залп вверх. Толпа шумевших и направивших на солдат людей отхлынула назад от здания. Однако тут же из толпы раздались возгласы: «Не бойтесь! Стеляют холостыми!» Демонстранты вновь ринулись вперед, намереваясь то ли обезоружить, то ли смять ополчение. Последовал повторный залп вверх и сразу же после него единичные автоматные очереди по толпе нападавших. 10—15 человек из числа демонстрантов упало. Впоследствии выяснилось, что кто-то из особобойствующих лиц из толпы попытался вырвать оружие из рук солдат, которые, отбиваясь, произвели выстрелы. И только после этого демонстранты стали разбегаться, возникла давка. Прибывшие санитарные машины увезли убитых и раненых.

В материалах настоящей проверки имеются данные о том, что выступавший с балкона здания горкома партии и горисполкома генерал-майор Олешко никаких команд на применение оружия военнослужащими против демонстрантов не давал, а, наоборот, будучи возмущенным этими действиями стрелявших (или стрелявшего), пытался криками остановить их. Также из материалов проверки видно, что одновременно были слышны выстрелы из автоматов и пистолетов у горотделов милиции и КГБ, расположенных примерно в 500—700 метрах от здания горкома партии и горисполкома. Имеются данные и о том, что во

время движения колонны демонстрантов в сторону горкома партии и горисполкома из одного или двух танков, стоявших в районной площади Революции, были произведены одиночные холостые выстрелы с целью напугать шествовавших граждан. Других случаев применения военной техники в ходе имевших место событий 1—3 июня 1962 года в Новочеркасске не было. В городе в тот день были еще «горячие» точки. Так, на улице Московской (у горотделов милиции и КГБ) скопились, пожалуй, наиболее агрессивные «демонстранты». Они вынудили охранявших этот объект военнослужащих подразделения внутренних войск отступить в здание, а затем преследовали их через выбитые окна и разбитые двери. Делалось это с целью освобождения содержащихся там ранее задержанных дебоширов. Одновременно из толпы раздавались призывы захватить оружие.

На предупредительную стрельбу военнослужащих и работников милиции вверх погромщики не реагировали и продолжали бесчинствовать. Под их натиском оборонявшиеся поднялись на второй этаж. Используя узкие лестницы и крепкие стены, делали все, чтобы не допустить нападавших к оружию, документам и не позволить им освободить задержанных зачинщиков массовых беспорядков. И все же отдельным из нападавших удавалось проникать в служебные кабинеты. Они набрасывались на солдат и офицеров, пытаясь овладеть их оружием. Одному из погромщиков удалось вырвать из рук рядового Репкина автомат. Он попытался открыть огонь, но поскольку заряженный автомат находился на предохранителе, а завладевший им не умел пользоваться оружием, то у него произошла заминка. В тот же момент рядовой Азизов, заметивший, что оружием завладел экстремист, открыл по нему огонь и сразил его. При этом было убито еще четверо и ранено несколько нападавших. Это позволило справиться с остальными погромщиками, проникшими в здание. Около 30 из них были задержаны и водворены в камеры предварительного заключения. Кроме того, в результате решительных действий солдат и офицеров внутренних войск от нападавших удалось очистить захваченное ими находившееся неподалеку здание госбанка.

В ходе обороны и защиты вышеназванных учреждений (горотдела милиции, КГБ и госбанка) в течение 2 июня 1962 года среди личного состава внутренних войск получили ранения и травмы 35 военнослужа-

щих, трое из которых (подполковник Пелевин, младший сержант Повиков и ефрейтор Абдурахимов) были госпитализированы.

Как видно из шифротелеграммы командующего войсками СКВО Плиева и начальника политуправления — члена военного совета округа Иващенко, отправленной 5 июня 1962 года в Москву (министру обороны СССР, начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, главнокомандующему Сухопутными войсками, при восстанавлении порядка в городе и окрестностях было ранено 6 офицеров и 9 солдат и сержантов, около 40 военнослужащих получили побои и ушибы различной тяжести. Имелись повреждения танков, БТР, автомобилей и средств связи. Среди участников беспорядков было убито 22 и ранено 39 человек.

В докладной записке министру внутренних дел МВД РСФСР также отмечается, что 5 июня 1962 года состоялась встреча личного состава Новочеркасского гарнизона и подразделений внутренних войск с членом Президиума ЦК, секретарем ЦК КПСС Козловым. От имени ЦК КПСС, Советского правительства и лично Хрущева он дал высокую оценку действиям личного состава, принимавшего участие в ликвидации беспорядков в Новочеркасске, передал им благодарность за проявленные выдержку, стойкость и мужество.

Чтобы более полно и правдиво осветить описываемые события, сошлемся на показания участвовавших в них лиц.

Бывший начальник политуправления — член военного совета СКВО генерал-лейтенант в отставке Д. А. Иващенко дал следующие объяснения. На момент забастовки рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного 1 июня 1962 года командование округа во главе с командующим войсками СКВО генералом армии Н. А. Плиевым находилось на учебных сборах командиров соединений в районе Краснодара и никаких мероприятий по пресечению волнений не организовывало и не предпринимало, войска округа согласно плану занимались учебно-боевой подготовкой. В тот же день он, Иващенко, вместе с Плиевым был вызван в Ростов-на-Дону, где встретил прибывшего из Москвы члена Президиума ЦК КПСС Кириленко, который сразу же «набросился» на них обоих с претензиями: почему они бездействуют и не вводят войска округа в Новочеркасск для пресечения демонстрации? После телефонного разговора Кириленко с Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым

командующий войсками округа Плиев распорядился ввести в Новочеркасск подразделения частей округа.

В тот же день 1 июня он, Иващенко, вместе с Плиевым и Кириленко прибыли в Новочеркасск и расположились в 1-м военном городке, где разместился временный командный пункт и куда затем приехали прибывшие из Москвы Микоян и Козлов, а также другие ответственные работники. При этом никто из партийного и советского руководства, а также командования округа и внутренних войск указаний на применение оружия против демонстрантов не давал.

Кроме этого, Иващенко пояснил, что какой-либо роли первого заместителя командующего войсками СКВО генерал-лейтенанта Шапошникова в имевших место событиях не просматривалось, никаких требований о недопущении участия войск в пресечении демонстрации он не выдвигал, ничей приказ о применении оружия не отменял, поскольку тот никем не отдавался. Более того, подобный вопрос вообще ни в одной инстанции не ставился и не обсуждался.

Бывший секретарь Ростовского обкома КПСС М. К. Фоменко пояснил, что еще 31 мая 1962 года из местных партийных и советских органов в обком партии начали поступать тревожные сведения, что рабочие Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного прекратили работу, что они собираются многочисленными группами и митингуют, а руководство этого предприятия своими безответственными заявлениями еще более озлобляет рабочих, создает неуправляемую обстановку на НЭВЗ.

Об этих сигналах первый секретарь Ростовского обкома партии Басов доложил в Президиум ЦК КПСС. Сам же убыл в Новочеркасск, чтобы на месте разобраться в происходящем и стабилизировать обстановку на заводе. Ему же, Фоменко, было поручено оставаться в обкоме партии и поддерживать телефонную связь с руководством ЦК КПСС.

Далее Фоменко пояснил, что возвратившийся из учебного центра и прибывший 1 июня 1962 года в Ростов-на-Дону командующий войсками СКВО генерал армии Плиев, узнав о происходящих событиях в Новочеркасске, высказался о нецелесообразности введения войск в этот город. При этом заявил, что войска округа предназначены не для «усмирения» народа и какие-либо действия военнослужащих будут приняты только после поступившей ему команды от министра обороны СССР.

В течение 1 — 2 июня 1962 года он, Фоменко, встречал прибывавших в Ростов-на-Дону членов Президиума ЦК КПСС Кириленко, Микояна, Козлова и других партийных и советских руководящих лиц, представителей правоохранительных органов, которые сразу же направлялись в Новочеркасск. 1 июня оттуда позвонил Басов и сообщил о создавшейся сложной и неуправляемой обстановке как на электровозостроительном заводе, так и вокруг него, где собрались многотысячные толпы людей, а на пролегающей рядом железной дороге союзного значения остановлены и заблокированы все поезда. Басов, по словам Фоменко, также проинформировал, что все предпринятые им попытки выступить перед рабочими завода были встречены агрессивно: его забросали камнями и бутылками, а затем заблокировали в заводоуправлении НЭВЗ.

Фоменко также считает, что именно Басов, который являлся одновременно и членом военного совета Северо-Кавказского военного округа, предложил находившемуся в то время в гарнизоне генерал-майору Олешко принять необходимые меры к освобождению его и администрации электровозостроительного завода от разбушевавшихся митинговавших рабочих.

По поводу высказываний бывшего первого заместителя командующего войсками СКВО генерал-лейтенанта Шапошникова на страницах «Литературной газеты» о якобы даче указаний командующим войсками округа генералом армии Плиевым на применение оружия против демонстрантов Фоменко заявил, что это «личные безосновательные выдумки» Шапошникова. Таковым, по мнению Фоменко, является и освещение специальным корреспондентом «ЛГ» Щекочиных событий в Новочеркасске. Подобные публикации, как и заявления Шапошникова, считает Фоменко, являются «провокационными, направленными на нагнетание обстановки вокруг событий двадцативосьмилетней давности». Основными же виновниками в гибели людей он называет хулиганствовавших лиц, среди которых находились и ранее судимые. Именно они спровоцировали столкновение демонстрантов с милицией и военнослужащими, вынудили последних эпизодически применять огнестрельное оружие, что в конечном счете повлекло за собой жертвы как среди хулиганов, так и других участников демонстрации.

Из объяснения бывшего председателя Новочеркасского горисполкома В. М. Замулы усматривается, что он, Замула,

находясь 1 июня на территории электровозостроительного завода, явился непосредственным очевидцем происходивших там митингов, видел, как отдельные лица «подогревали» себя спиртным на территории завода, а затем, осмелев от выпивки и подстрекательства экстремистов, блокировали поезда на пролегающей рядом с НЭВЗ железной дороге союзного значения, устраивали другие бесчинства. К примеру, они опрокинули автомобиль, на котором к месту митинга прибыли работники милиции.

Ему, Замуле, известно, что наутро 2 июня несколько танков было выставлено на мосту через реку Тузлов только с одной целью — преградить путь двигавшейся в Новочеркасск многотысячной колонне демонстрантов. Каких-либо других намерений применения бронетехники против демонстрантов не предусматривалось. Правда, один из танков (это уже было в черте города) произвел холостой выстрел для того, чтобы как-то «отпугнуть» двигавшуюся к центру Новочеркасска взбужденную толпу.

Замула также заявил, что он являлся непосредственным очевидцем и событий, происшедших у здания горкома партии и горисполкома. Оставшись в этом здании, они вместе с заведующим отделом ЦК КПСС Степаковым вышли на балкон и предприняли попытку призвать подошедшую к горкому партии и горисполкому многочисленную толпу к прекращению демонстрации. В ответ на это раздалась агрессивные выкрики «Долой», «Давай Хрушева», полетели палки. Возглавляемая мужчиной-«знаменосцем» (в его руках был флаг с древком) толпа ринулась к входу, у которого солдат с оружием преградил путь, предупредив, что входить запрещено. Мужчина-«знаменосец» схватил автомат за ствол и стал его тянуть к себе, пытаясь отобрать оружие. Военнослужащий нажал на спусковой крючок и автоматической очередью убил нападавшего.

Бывший начальник Управления КГБ по Ростовской области генерал-майор в отставке Ю. П. Тупченко пояснил, что никто из руководящих лиц страны команд на применение против демонстрантов оружия не давал. Военнослужащие применяли оружие против отдельных бесчинствовавших лиц в ответ на явное нападение и попытки завладеть оружием. Из числа работников КГБ случаев применения оружия против кого-либо из демонстрантов не было.

Из объяснения генерал-лейтенанта запаса В. А. Демьяна видно, что в связи с по-

сгруппированными сведениями о движении колонны демонстрантов от поселка Буденновский в Новочеркасск рано утром 2 июня 1962 года он с личным составом в количестве 45 — 50 человек на БТР прибыл на мост через реку Тузлов. Здесь в качестве препятствия демонстрантам установили 10 танков и бронетранспортеры. Следовавшая из поселка в сторону города тысячная колонна людей, среди которых находились женщины и дети, «перевалила» через стоявшую на мосту военную технику и устремилась в город. Другая часть колонны пересекала мелководную реку вброд.

Из объяснения одного из офицеров внутренних войск МВД РСФСР (Ростов-на-Дону) полковника запаса В. И. Пелевина усматривается, что утром 1 июня 1962 года подчиненные офицера Малютин по указанию командования части и комиссара УВД Ростовского облисполкома полковника милиции Стрельченко прибыли из Ростова в Новочеркасск в район электровозостроительного завода. Когда колонна военнослужащих подошла к заводууправлению, то там уже находилась многочисленная толпа рабочих (не менее тысячи человек), которые выкрикивали различные угрозы в адрес солдат, а их командира Малютина забросали камнями. На предложение военнослужащих успокоиться и прекратить беспорядки толпа не реагировала.

Далее Пелевин пояснил, что он лично был направлен на охрану горотделов милиции и КГБ с целью недопущения проникновения туда хулиганствующих элементов, захвата оружия и освобождения задержанных зачинщиков беспорядков. Только тогда солдатам были выданы автоматы с боеприпасами.

2 июня 1962 года многочисленная толпа, отделившись от общей массы демонстрантов, следовавших к горкому партии и горисполкому, начала штурмовать горотдел милиции с криками «Давай оружие». Солдаты и офицеры, забаррикадировав двери, пытались сдержать этот натиск, однако ввиду многочисленности нападавших последним удалось прорваться в помещение горотдела милиции. Но своей конечной цели они не достигли. В ходе обороны здания горотдела милиции и КГБ военнослужащими внутренних войск было убито 5 погромщиков, другие нападавшие получили ранения. В свою очередь от действий экстремистов, применявших камни, палки, рамы от окон, пострадали многие солдаты, сержанты и офицеры. Получил тяжелое

увечье и Пелевин. Будучи в безвыходном положении под угрозой убийства со стороны нападавших, он выпрыгнул из чердачного окна горотдела милиции и получил перелом обеих ног. После этого в течение 5 месяцев находился на стационарном лечении в госпитале.

Ему, Пелевину, известно, что одновременно с нападением на горотделы милиции и КГБ, бесчинствующие лица разгромили здание горкома партии и горисполкома и что огонь в сторону толпы был применен только двумя солдатами в ответ на провокационное нападение. В результате этих не только несанкционированных, но и непредвиденных выстрелов было убито и ранено примерно 15 человек.

Кроме того, Пелевин утверждает, что нигде (ни возле горотделов милиции и КГБ, ни горкома партии и горисполкома) не производилось массированного огня по нападавшим, что могло бы повлечь гибель сотен людей.

Факт нападения погромщиков на здание горотделов милиции и КГБ подтверждает и бывший сотрудник Новочеркасского горотдела милиции капитан милиции в отставке К. И. Глухов. 1 июня вместе со своим начальником полковником милиции Николаевым (ныне покойным) в связи с начавшимися волнениями рабочих электровозостроительного завода он прибыл туда, чтобы предотвратить шествие митингующих из поселка Буденновский, где находится НЭВЗ, в черту города. По прибытии к заводу они увидели многотысячную толпу шумевших людей, часть из которых, вооружившись камнями и палками, с угрозой набросилась на них, в результате чего пришлось покинуть поселок бегством.

Кроме этого, Глухов пояснил, что к вечеру 1 июня и в ночь на 2 июня в камеры предварительного заключения (КПЗ), которые находились в его ведении, стали поступать задержанные лица, наиболее злобно проявлявшие себя возле завода. Всего их доставлено было примерно 40 человек. Поскольку стали поступать сведения о предпринимавшем на 2 июня шествии огромных масс людей из поселка Буденновский в город с требованием освободить задержанных, были приняты меры к охране горотдела милиции с получением штатного оружия и боеприпасов. В помощь милиции были выделены подразделения внутренних войск.

2 июня 1962 года примерно в 12 — 13 часов в город вошла многотысячная коло-

на людей, запруднивших улицу Московскую, где находится Новочеркасский горотдел милиции. Основная масса шествовавших, среди которых были дети и женщины, продолжила движение к зданию горкома партии и горисполкома, а часть «демонстрантов» с шумом и криками стала ломиться в здание милиции: разбивала окна, двери, требовала освобождения из КПЗ задержанных. На неоднократные требования прекратить погром и уйти нападавшие не реагировали. Взломав входную дверь и выбив окна, они проникли на служебные этажи и во двор. Только тогда против нападавших было применено оружие. Убитых и раненых оказалось около 10 человек.

А вот какие объяснения представил Главному военному прокурору старший преподаватель Военной академии Генерального штаба генерал-майор П. П. Фалынский:

«По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. На период мая — июня 1962 года я проходил службу в должности заместителя командира танкового полка по политической части в звании подполковника. Командиром этого полка тогда был полковник Михеев Михаил Павлович. Наш полк в тот период времени дислоцировался в Ростовской области. 1 июня 1962 года от командира полка полковника Михеева во второй половине дня поступила команда в группе военнослужащих (во главе с ним) прибыть в район Новочеркасского электровозостроительного завода имени Буденного, расположенного от нашего военного городка примерно в 10 километрах.

К заводу мы прибыли на радиной машине ГАЗ-69 (с радиостанцией) и БТР-152 примерно в 17 часов, заехали туда через тыльные ворота. На территории завода никто не работал, хотя и был рабочий день (рабочее время). Какого-либо митинга на заводе к этому времени не было. Рабочие ходили группами, отдельные из них были в состоянии алкогольного опьянения; в общем, были хаос и беспорядок, брожение рабочих. К нам сразу же подошли подвыпившие люди, которые опрокинули радиную машину, поломали антенны. Люди были возбуждены, недовольны и поэтому наше прибытие восприняли агрессивно.

Как мне стало известно, причина прекращения работы на этом заводе заключалась в том, что в конце мая 1962 года администрацией завода были снижены рас-

ценки на выпускаемую продукцию, что с 1 июня того же года централизованно повысились розничные цены на продукты первой необходимости (мясо и масло). Учитывать надо, что на данном заводе работали и лица, недавно освобожденные из мест лишения свободы, а определенная часть людей не имела прописки, постоянного места жительства. И вот с учетом таких ущемлений жизненного уровня рабочих последние 1 июня 1962 года прекратили работу, начали митинговать, а отдельные из них, употребив спиртное, начали и хулиганить. Уже впоследствии мне стало известно, что такими хулиганствующими лицами были остановлены поезда на железнодорожной магистрали Центр — Юг, следовавшие из Москвы в Ростов-на-Дону и далее и в обратном направлении...

Во время нахождения нас в районе завода я видел там первого заместителя командующего войсками СКВО генерал-лейтенанта Шапошникова и генерал-майора Олешко, осуществлявших руководство прибывшими войсками. Увидел я их примерно в 18 — 19 часов 1 июня 1962 года. При этом я, как не имевший в тот момент при себе личного состава, был послан Шапошниковым в город Новочеркасск для доклада находившемуся в 1-м военном городке генералу армии Плиеву. При этом лично Шапошников мне сказал, чтобы со склада в военном городке я взял дымовые шашки для применения их против собравшей толпы на заводе. Это он мне давал такую команду в присутствии Олешко, возможно, об этом слышал и Михеев (утверждать не могу), но знаю, что там стояли и другие офицеры. Сразу же считаю нужным сообщить, что весь личный состав военнослужащих, находившихся 1 июня 1962 года у НЭВЗ (электровозостроительного завода), был без боеприпасов. Имелись только караульные боевые патроны, что положено по штату, но они находились в опечатанных металлических ящиках в бронетранспортерах. При этом находившийся в районе НЭВЗ генерал-лейтенант Шапошников никаких команд на то, чтобы разряжать автоматы, сдать боеприпасы (как об этом извращенно описывается в печати, а именно в газетах «Литературная газета», «Комсомольская правда»), не давал и не мог давать, поскольку никаких боевых припасов у личного состава не было. Одна команда с его стороны в мой адрес была та, о которой я уже пояснил. Мне был предоставлен автомобиль ГАЗ-69, на котором я благополучно прибыл в военный городок и доложил генералу армии Плиеву, что обста-

новка на НЭВЗ сложная, никто там не работает, люди собираются группами, бродят по заводу, отдельные из них в пьяном виде. Одновременно я Плиеву доложил, что воинские подразделения расположились вокруг завода, одна радионная машина (о которой я сообщил выше) повреждена. Когда я прибыл в военный городок, то встретил начальника политуправления — члена военного совета СКВО генерал-лейтенанта Иващенко, которому доложил об обстановке на заводе (НЭВЗ). Одновременно я ему доложил и указание Шапошникова на получение со склада двух ящиков с дымовыми гранатами, на что Иващенко возмущенно ответил: «Вы что там, на заводе, с Шапошниковым с ума посходили, против рабочих применять дым?» Он запретил мне получать дымовые гранаты и посоветовал об этом Плиеву не говорить. На мой доклад генерал армии Плиев приказал во что бы то ни стало освободить заблокированного в заводууправлении Басова, при этом сообщил, что у того повторяются приступы астмы, что чревато для его здоровья. Он также приказал, чтобы затем после освобождения Басова отправить в Ростов-на-Дону. С этим приказом я и возвратился к заводу, где передал указания Плиева лично Шапошникову. Вопрос к этому времени — моему прибытию к заводу — о применении дымовых гранат не поднимался. После моего доклада Шапошников подозвал (в моем присутствии) к себе командира подразделения роты спецназа и что-то тайком с ним обсуждал. Немного позднее мне стало известно, что личный состав спецназа, переодевшись в рабочую одежду, проник в заводууправление и увел оттуда Басова без каких-либо эксцессов. В общем, можно сказать, что освобождение Басова — это заслуга генерал-лейтенанта Шапошникова. После моего доклада Шапошникову я больше от него никаких команд не получал и о дальнейшей его роли я не знаю...»

Дальше Фалынсков сообщает, что после прочтения в «Литературной газете» за 21 июня 1989 года статьи Щекочихина о событиях в Новочеркасске он написал опровержение, экземпляр которого передал в Главную военную прокуратуру. В этом оп-

ровержении доказывается фальсификация фактов, допущенная Щекочихиным. По мнению Фалынскова, неточности и измышления в статье появились в результате измышлений Шапошникова. Последний, как утверждает Фалынсков, проявил себя во время службы в Северо-Кавказском военном округе как волевой и умный начальник, но его также знали как «до без предела самолюбивого командира». Это явилось одной из причин ненормальных служебных, деловых и просто «по-человечески порядочных взаимоотношений», которые сложились (возможно, не только по вине Шапошникова, уточняет Фалынсков) между ним и командующим войсками округа генералом армии Плиевым.

Автору тоже хотелось бы сделать одно уточнение. 2 июня 1962 года подполковник Фалынсков, оттесненный в гущу людей, скопившихся у здания горкома партии и горисполкома, и сам мог стать жертвой случайных выстрелов, спровоцированных хулиганствовавшими элементами. Точно так же, как и многие другие, в том числе жены военнослужащих и их дети.

Все изложенные здесь факты уточняются и дополняются другими сведениями в ходе продолжающейся прокурорской проверки.

В опровержении генерала Фалынскова есть довольно убедительные строки, которые могут служить и заключением данной статьи. Приведу их: «Со все нарастающим интересом общественность страны хочет знать правду о новочеркасских событиях. Первые публикации в «Литературной газете» и «Комсомольской правде» говорят о том, что корреспонденты этих газет не без участия редакторов, подстраиваясь под лозунги перестройки, не утруждая себя легким трудом поиска истины и величайшей ответственностью за публикации, не только дезориентируют общественность, но и наносят серьезный вред, надеюсь без умысла, сегодняшним дням перестройки, способствуют дестабилизации обстановки в отдельных районах страны...»

*Подполковник юстиции
А. В. ТРЕТЕЦКИЙ*

Какой наша армия нужна НТС

В УСЛОВИЯХ обновления советского общества, расширения демократии и гласности спецслужбы стран НАТО, связанные с ними зарубежные антисоветские центры и организации вырабатывают новые формы и методы подрывной деятельности против конституционных основ СССР, переводят ее на новую стратегическую и тактическую платформу. Путем возбуждения национализма, шовинизма, религиозного фанатизма и нетерпимости они активно пытаются инспирировать очаги социально-общественной напряженности, антисоциалистические проявления и массовые беспорядки, подстрекать враждебные элементы к действиям, направленным на насильственное свержение Советской власти. С особой настойчивостью пытаются сформировать легальные и нелегальные группировки антиконституционной направленности, осуществлять непосредственное руководство ими, оказывать моральную и материальную поддержку, подстрекать их к экстремистским акциям.

Особое место в ряду таких организаций занимают разведывательно-пропагандистский орган ЦРУ США — радиостанция «Свобода—Свободная Европа» (РС/РСЕ) и зарубежная антисоветская организация «Народно-трудовой союз» (НТС).

В связи с новой установкой руководства НТС о перенесении пропаганды и политической работы на территорию Советского Союза эта организация увеличивает выпуск беллетристики и особенно публицистической литературы, «повернутой лицом к России». В периодических изданиях противник усиливает политико-дискуссионный аспект. В НТС считают, что, несмотря на предпринимаемые в нашей стране меры по расширению гласности, «стопроцентной полноты ее не будет никогда». Поэтому все то, что «будет недосказано в СССР, должен восполнить НТС». Ведущая роль в этом отводится журналу «Посев». Наиболее «чувствительными точками в Советском Союзе», по мнению энтэсовцев, являются: международная политика и оборона, экономика и финансы, культура, образование, здравоохранение и социальное обеспечение, защита окружающей среды. Вокруг этих узловых проблем «поднимается и будет развиваться дискуссия в стране».

Руководство НТС внимательно следит за происходящими в СССР процессами.

С точки зрения их интересов, демократизация может позволить им вести более активную борьбу по внесению своих идей в сознание определенной части населения СССР легально. НТС надеется, что дальнейшее расширение гласности создаст необходимую почву для его если не официального, то неформального признания в Советском Союзе. В качестве первой пробы легализации своей деятельности в нашей стране энтэсовцы считают открытие в Москве представительства журнала «Грани».

По мнению главарей подрывного центра, основное население страны, в первую очередь рабочие и крестьяне, особенно из периферийных регионов, фактически в перестройку не вовлечено и проявляет полную политическую пассивность. В этой связи НТС намерен усилить работу среди указанной категории советских граждан, видя в ней резерв для создания новых организаций, союзов, групп, которые могли бы включиться в борьбу за «истинную демократию и свободу в СССР».

Подрывные усилия НТС в настоящее время направлены на организацию в Советском Союзе стачечного движения, посредством которого противник надеется «дестабилизировать внутриполитическую обстановку в стране и создать условия для захвата власти».

В этих целях в НТС создается так называемый «открытый сектор», в задачи которого будет входить: установление и поддержание от имени «Народно-трудового союза» официальных контактов с независимыми объединениями, группами и свободной прессой, а также с якобы возникающими в их среде политическими партиями, поиск общих точек соприкосновения с ними в проведении антиправительственной деятельности, «вооружение» этих организаций «политическими программами», оказание материальной помощи, снабжение множительной аппаратурой, передающими и принимающими информацию устройствами, прием членов неформальных объединений и организаций в члены НТС. На этот сектор планируется также возложить задачу по поиску контактов с так называемыми конструктивными силами в «правлящем, привилегированном слое» нашего общества.

Главарь НТС рассматривают различные неформальные объединения и свободную прессу в СССР как «будущее России». По их мнению, в независимых

общественных объединениях заложены силы, способные вести дальнейшее развитие начатого в СССР процесса, необходимо только своевременно направлять их деятельность в «нужное» русло.

Организационные мероприятия по созданию «открытого сектора» возложены на бывшего председателя Исполнительного бюро совета НТС Ю. Б. Брюно.

В данный момент противником выделено более 50 самостоятельных объединений, на которые, по их мнению, можно опираться в проведении подрывной деятельности против СССР. В работе с самостоятельными объединениями энтэсовские главы планируют склонить их лидеров к отказу от регистрации, то есть легализации своей деятельности, максимальному удовлетворению выдвигаемых требований, игнорированию выработки компромиссных решений с органами власти. В процессе сотрудничества с ними противник намерен разъяснять свои программные установки, цели и задачи, предоставлять возможность печататься конкретным активистам в издательстве «Посев».

Однако самое пристальное внимание главы НТС уделяют «Демократическому союзу», поскольку конечная цель их программ идентична — свержение Советской власти.

В течение 1989 года Советский Союз посетил ряд эмиссаров НТС, среди которых были члены «руководящего круга» этой организации: Фризен, Пушкирев, Рыбаков¹, они поставили перед «открытыми членами» организации в СССР (Сендеровым, Евдокимовым и др.) задачу увеличения численности организации в СССР как за счет выхода из подполья некоторых негласных членов НТС, так и вербовки новых.

Главарями НТС разработаны такие концепции по свержению государственного строя в СССР:

1. Возникновение в стране стихийного народного восстания. При этом оговаривается, что члены НТС не должны подстрекать к этому массы. Но в случае возникновения восстания энтэсовцам рекомендуется возглавлять движения гражданского неповиновения.

¹ РЫБАКОВ (он же Щетинский) Владимир Мечиславович, 1947 года рождения, уроженец Франции, в 1956 г. по каналу репатриации прибыл с родителями в СССР, но в 1972-м возвратился во Францию. Выехав за рубеж, стал заниматься антисоветской деятельностью, в частности, сотрудничал с редакцией газеты «Русская мысль».

С 1985 г. Рыбаков является ответственным секретарем энтэсовского журнала «Посев», одновременно возглавлял сектор, занимавшийся подготовкой информации по так называемому «афганскому вопросу». По заданию НТС он неоднократно выезжал в Пакистан, где склонял к измене Родине попавших в плен к душманам советских военнослужащих. Клеветнические статьи Рыбакова о событиях в Афганистане регулярно публиковались в энтэсовских и других антисоветских изданиях. В настоящее время Рыбаков активно занимается враждебной обработкой граждан СССР, прибывающих по различным каналам во Францию и ФРГ, возглавляет «военный сектор» НТС. В 1989 г. за деятельность, наносившую ущерб интересам государственной безопасности, Рыбаков был выдворен из СССР, куда въезжал по частным делам.

2. Военный переворот. С этой целью в НТС создается «военный сектор», в функции которого будет входить работа с военнослужащими в СССР. Возглавлять его поручено Г. Брудереру и В. Рыбакову.

При этом энтэсовцы видят необходимость поиска единомышленников среди курсантов военных училищ (см. док. 1, 2, 3).

3. Дискредитация социализма с целью посеять у советских людей недоверие к политике, проводимой КПСС и правительством. Реализацией этой концепции главы НТС призвали уделить самое пристальное внимание. Одну из форм ее практического воплощения они видят в пропаганде идей НТС среди населения.

В качестве возможного способа доставки в СССР технических и денежных средств энтэсовцы разрабатывают вариант создания совместного предприятия или кооператива по продаже компьютерной техники, часть доходов от которой пойдет на нужды членов НТС в Советском Союзе.

Вместе с тем НТС по-прежнему ориентируется на создание подпольных группирований с целью ведения подрывной работы и распространения энтэсовской литературы в среде молодежи и интеллигенции, получения материалов о конкретных фактах нарушения местными властями «прав человека», законности, экологии, разрушения памятников культуры, что, по мнению противника, в соответствующей интерпретации и при помощи активной пропаганды через средства массовой информации может вызвать массовое недовольство населения. Через эти же группирования энтэсовцы стремятся получить разведывательную информацию социально-политического и экономического характера о ряде промышленных регионов.

В целях активизации и повышения эффективности своей деятельности в условиях происходящих в СССР перемен НТС первоочередное внимание уделяет различным проявлениям национализма в нашей стране, на почве которого, по их мнению, «хорошо привьются идеи НТС». В этой связи главы НТС одну из своих задач видят в создании и активной поддержке «широкого националистического движения» в СССР, которое, по их мнению, необходимо держать под контролем, обеспечить идейное руководство, очистить от нежелательных ошибок и уклонов. НТС, как считает его руководство, необходимо искать пути консолидации с националистическими группировками, деятельность которых дестабилизирует обстановку в Советском Союзе, для того чтобы завоевать в них руководящее положение и поставить их под контроль.

Документ 1

Заявление

В конце февраля — начале марта 1990 [года] в нашем институте проводились встречи с кандидатами в депутаты Ленгорсовета. Из бесед с другими курсантами я узнал, что одним из кан-

дидатов является Ростислав Евдокимов, который отбывал в прошлом уголовное наказание по политическим, с его слов, мотивам. Это обстоятельство меня заинтересовало, и когда я узнал, что Ростислав пришел в наш институт, я с другими курсантами пошел на встречу с ним. Он стоял на улице и беседовал с курсантами, а недалеко от него стояла пришедшая с ним женщина, которую, как я узнал потом, звали Мила, и она была доверенным лицом Ростислава. Она беседовала с группой курсантов и раздавала им какие-то материалы. Я подошел к ней и взял от нее эти материалы, ими оказались листовки с предвыборной программой Ростислава, а также журнал «Посев». Несколько подобных журналов она дала другим курсантам, говоря при этом, что Ростислав является открытым членом НТС и если кого-либо заинтересует подобная литература, то курсанты могут позвонить ей после 21 часа.

Заинтересовавшись статьями журнала «Посев», я через несколько дней позвонил Миле, и мы встретились на ст[анции] метро «Чернышевская». Она сразу же повела меня домой к Р. Евдокимову. Мила представила меня Ростиславу, и он сразу стал рассказывать, что из себя представляет НТС, историю его создания. После разговора он дал мне устав НТС и журнал «Воля». В дальнейшем у меня было еще несколько встреч с Ростиславом, которые проходили на его квартире. О времени встречи я договаривался с Ростиславом по его домашнему тел[ефону]. Во время наших бесед он рассказывал о том, что явл[яется] открытым членом НТС и представителем этой организации в Ленинграде, упоминал, что подобные секции НТС имеются и в других городах нашей страны. При этом он рассказывал о целях и задачах НТС, о том, что эта организация борется за свободную Россию. Несколько раз Ростислав давал мне различные брошюры НТС, такие, как «Путь будущей России», «Основы перехода к правовому государству» и др. Эти брошюры были изданы типографским способом мелким шрифтом, и, как можно было понять, они издавались НТС за рубежом.

Если мой первоначальный интерес к Ростиславу объяснялся как к кандидату в депутаты, баллотирующемуся по округу, где расположен наш институт, то потом у меня стало создаваться впечатление, что он проявляет интерес ко мне как к военнослужащему. При этом во время бесед Евдокимов пытался ненавязчиво убедить меня в том, что организация НТС явл[яется] единственной организацией, кот[ора]я совместно с другими свободными партиями может спасти Россию. При этом он говорил, что определенную помощь в этом вопросе могут оказать военнослужащие, если армия перейдет на сторону народа. При этом в качестве примера он приводил события в Румынии.

На одной из встреч у Евдокимова я познакомился с Котом Владимиром Ивановичем, который, как я понял, разделяет взгляды Евдокимова в отношении НТС, и они оба проявляют большую заинтересованность, чтобы к своей деятельности привлечь военнослужащих из числа курсантов военных училищ и офицеров СА.

В начале мая Кот сказал мне, что они с Евдокимовым ожидают приезда из ФРГ «большого человека» из НТС, который хотел бы встретиться со мной и курсантом 5-го (в то время 4-го) курса института им[ени] А. Ф. Можайского, который на некоторые встречи с Евдокимовым приходил вместе со мной. Но в мае этот человек в СССР не приехал, т[ак] к[ак], со слов Евдокимова, его в нашу страну не пустили.

Все наши встречи с Евдокимовым заканчивались его ненавязчивым приглашением посетить Ростислава еще раз, и у меня начало появляться мнение, что Евдокимов заинтересован в продолжении знакомства со мной именно как с военнослужащим. Это мнение утвердилось у меня, когда Евдокимов в качестве подарка перед свадьбой дал мне 13 мая 300 руб[лей] (триста).

В дальнейшем я еще несколько раз встречался с Евдокимовым, а после его отъезда за границу с Котом В. И.

В конце августа Кот сообщил мне, что приезд человека из ФРГ ожидается в начале сентября и он хотел бы обязательно встретиться со мной. Эта встреча произошла 12 сентября. Он познакомил меня с мужчиной в возрасте 40 — 45 лет, назвав его Владимиром Рыбаковым. Я познакомился с Рыбаковым, и он в свою очередь представился тоже. А Кот при этом назвал его членом организационного центра НТС. В. Рыбаков сказал, что нам необходимо встретиться и обсудить вопросы, связанные с экономической жизнью страны, а также вопросы, связанные с Вооруженными Силами. После этого он дал мне документ на 52 листах машинописного текста под названием «Какая армия нам нужна». При этом он попросил меня дома внимательно ознакомиться с этим документом и, если у меня появятся какие-либо замечания по его содержанию, то внести свои коррективы.

Зная, что Михаил Туркин также встречался с В. Рыбаковым, я этот документ решил показать и ему. Михаил пришел ко мне домой вместе с Владимиром Рудым, и я отдал им этот документ, и они стали знакомиться с ним, а я в этот момент вынужден был уйти из дома.

При осмотре документа можно предположить, что он изготовлен в НТС и его авторами являются: Г. Е. Брудерер, А. А. Васильев, В. М. Рыбаков, при участии Ф. Е. Незнанского. Исходя из того, что Кот назвал Рыбакова одним из руководителей НТС и он указан одним из авторов этого документа, можно предположить, что и остальные лица имеют отношение к дея[тельности] этой орг[а]

низац]ии, а сам документ явл[ается] как бы программой НТС по реорганизации Вооруженных Сил СССР.

Хотелось бы отметить, что с июля месяца настойчивость, которую проявлял Евдокимов для осуществления встреч со мной, а особенно его просьбы соблюдать определенную конспирацию во время встреч и просьбы никогда не говорить о них моим знакомым стали вызывать у меня опред[е]ленные сомнения. Они еще больше укрепились у меня после встречи с В. Рыбаковым, который, как я понял, приехал в Ленинград специально для того, чтобы встретиться с людьми, кот[оры]х Евдокимов и Кот постепенно втягивали в свою деят[ельнос]ть, связанную с НТС.

Понимая, что я обучаюсь в военном институте и имею отношение к материалам и документам, связанным с обороноспособностью нашей страны и космическими программами, я не исключаю, что В. Рыбаков, являясь гражданином иностранного государства, проявил ко мне интерес не только как к человеку, которого Евдокимов пытался обрабатывать в энтэзовском духе, но и как к военнотружущему, обучающемуся в одном из ведущих военных вузов страны.

Поэтому я и решил обратиться с данным заявлением к сотрудникам Особого отдела института им[ени] А. Ф. Можайского, т[ак] к[ак] считаю, что деят[ельнос]ть Рыбакова В. М., проводимая совместно с членами НТС из числа жителей Ленинграда, направлена на постепенное втягивание и меня в эту организацию — НТС.

18 сентября 1990 г.

курсант 3-го курса
ВИКИ имени А. Ф. Можайского
В. ЖАРКО

Р. С.

Материалы, полученные от В. М. Рыбакова и Р. Б. Евдокимова — «Какая нам нужна армия» на 52 листах, журнал «Посев» № 7 за 1989 год и брошюру «Основы перехода к правовому государству» на 16 страницах прилагаю.

В. ЖАРКО.

Документ 2 *

Заявление

Я, Жуковский Ярослав Игоревич, хочу сообщить о той ситуации, в которой я оказался в последний год и которая в случае, если бы я вовремя это не осознал, могла бы привести к тому, что я мог бы действовать во вред нашему государству...

В ходе предвыборной кампании Евдокимов сообщил курсантам ВИКИ, что если кто-то заинтересовался данной организацией (НТС. — Ред.), то может с ее уставными и программными документами ознакомиться у него дома. Определенную помощь Евдокимову оказы-

вала женщина по имени Мила. После окончания выборов я позвонил по телефону, который был указан в предвыборной листовке Евдокимова, и оказалось, что это был телефон Милы. Мы договорились вместе с Туркиным встретиться с ней у станций метро «Чернышевская», и оттуда мы направились туда, где проживает Евдокимов. Евдокимов встретил нас очень хорошо, стал подробно рассказывать об НТС, целях и задачах этой организации. В частности, он рассказал, что НТС располагается за рубежом, что НТС — это партия антикоммунистическая, что ее основная цель — изменение существующего в нашей стране общественного и государственного строя. Перед нашим уходом он дал нам вместе с Туркиным для ознакомления несколько журналов «Посев», программный документ НТС «Путь к будущей России» и устав НТС.

В дальнейшем я, Туркин М. Ю., Рудый В. С. периодически встречались с Евдокимовым, который, как я теперь понял, в ходе встреч с нами проводил с нами соответствующую обработку по линии НТС как с будущими офицерами Советской Армии.

В начале сентября 1990 г. Рудый сообщил мне, что в Ленинград прибыл представитель НТС — Рыбаков Владимир, который хотел бы встретиться с отдельными курсантами...

Он (Рыбаков. — Ред.) встретил нас радушно, представился, сказав при этом, что является одним из руководителей НТС, а также членом редакции журнала «Посев». В начале беседы Рыбаков заявил, что одной из целей его приезда в СССР являлись встречи с курсантами, о которых он знал со слов Евдокимова. Он заявил, что его интересует, как представителя НТС, положение дел в Советской Армии, те проблемы и процессы, которые в ней происходят. Он интересовался у нас, каким мы представляем себе будущее Советской Армии. Интерес Рыбакова к нашей армии, по его словам, заключается в том, что НТС в настоящее время разрабатывает свою военную доктрину по реформе Советской Армии. Рыбаков упомянул, что в связи с тем, что не ясно, что в дальнейшем будет происходить в СССР, НТС стремится с помощью своих единомышленников в рядах Советской Армии оказывать нужное влияние на военнотружущих.

В ходе дальнейшей беседы Рыбаков дал нам ознакомиться с проектом нового устава НТС, попросил нас не распространяться о состоявшейся встрече и соблюдать конспирацию в дальнейшем...

18.09.90

ЖУКОВСКИЙ Я. И.

Документ 3

Заявление

Обратиться с заявлением побудил меня ряд обстоятельств. Дело в том, что в начале 1990 года я, будучи курсантом ВИКИ, принял участие, как и все

* Документы 2 и 3 публикуются в сокращенном виде.

курсанты, в избирательной кампании. По нашему городскому территориальному округу кандидатом в депутаты баллотировался житель, города Ленинграда Евдокимов Р. Б. Именно в тот период времени я впервые услышал о такой организации, как НТС. Евдокимов, с его слов, является открытым членом НТС и представителем указанной организации в Ленинграде...

На встрече Евдокимов также рассказал, что центр НТС располагается за рубежом, сама организация финансируется Западом, что НТС является, по своей сути, антикоммунистической партией и ее целью является изменение существующего в нашей стране социалистического строя...

15 сентября 1990 года я вместе с Жуковским поехал в Кулчино, где на известной мне квартире проживал Рыбаков.

Когда мы вошли в квартиру, то я понял, что Рыбаков был поставлен о нас в известность и ждал нас. В ходе беседы... он интересовался у нас обстановкой в армии, теми процессами, которые в ней происходят. Он нам показал разрабатываемую центром НТС военную программу под названием «Какая армия нам нужна» и попросил нас тщательно с ней ознакомиться для того, чтобы мы в дальнейшем могли сделать свои дополнения, которые бы были использованы при окончательной доработке воен-

ной доктрины НТС. Когда мы, покидая квартиру Рыбакова, сообщили ему, что направляемся прямо в институт, он решил не давать нам вышеуказанный документ, боясь последствий...

Задуматься над тем, что со мной случилось, заставили меня следующие соображения и факты:

— если НТС преследует действительно благие намерения, то почему Рыбаков встречался с нами, соблюдая меры конспирации, а не официально;

— его боязнь отдать нам с собой в институт документ «Какая армия нам нужна»;

— что НТС является партией антикоммунистов и борется против существующего в нашей стране социалистического строя;

— во время встреч с Евдокимовым, Рыбаковым я понял, что они занимаются делами, которые могут причинить вред нашему государству.

В связи с этим я решил порвать отношения с Евдокимовым и Рыбаковым, которые, как мне представляется, проявляют неоправданный интерес к нашей армии и хотят использовать контакты с военнослужащими ради корыстных целей НТС...

18.09.90 г.

РУДЫЙ В. С.

*Публикацию подготовил
П. К. ВИКТОРОВ*

О МНИМОМ И НАСТОЯЩЕМ

В ДНИ 9 мая и 22 июня мы более глубоко, чем в любое другое время, задумываемся над тем, что значит для людей великая Победа, и, конечно, о тех, кто, не щадя своей жизни, добывал в битвах эту Победу — единственную тогда надежду на продолжение жизни человечества.

Но, увы, до сих пор покрываются не найденные солдаты и не установленные герои в братских могилах. Стирается краска, которой написаны восстановленные фамилии погибших солдат, чтобы их имена вновь ушли в не-

бытие. К сожалению, мы успеваем ставить памятники мнимым героям, забывая о настоящих...

В мемуарах «Малая земля» Л. И. Брежнев так описывает один из моментов своей фронтовой биографии, когда он вел пулеметный огонь в бою у с. Ставище на Киевщине: «За войку я не раз видел врага так близко, но этот ночной бой особенно врезался в память... Не теряя драгоценных секунд, я бросился к пулемету. Весь мир для меня сузился тогда до узкой полоски земли, по которой бежали фашисты. Не помню, как долго все длилось. Только одна мысль владела всем существом: остановить! Кажется, я не слышал грохота боя, не слышал шума команд, раздававшихся рядом. Заметил лишь в какой-то момент, что падают и те враги, в которых я не целился: это вели огонь подоспевшие нам на выручку бойцы. Помню, моей руки коснулась рука одного из них:

— Уступите место пулеметчику, товарищ полковник!».

Только он это «написал», как сразу появился гранитный памятник в честь этого «события»: местные идеологи «вычислили» то место, где был оноп будущего лжемаршала. На памятнике надпись: «Здесь в ночь с 11 на 12.XII-1943 г. начальник политотдела 18 Армии Л. И. Брежнев вел пулеметный огонь, отражал атаку противника». А у настоящих героев, погибших за Родину, таких памятников нет даже на братских могилах. Сейчас этого памятника, конечно, нет: жизнь в конце концов все расставляет по справедливости. Вот только очень хочется, чтобы это «в конце концов» наступило как можно скорее...

В. В. КРУГЛОВ,
кандидат военных наук

¹ Брежнев Л. И. Малая земля. — М.: Детская литература, 1978. — С. 84.

«МУЖЕСТВЕННЫЙ» ПОСТУПОК АКАДЕМИКА

СТАТЬЯ «А если без лукавства?», опубликованная в «Огоньке» № 17 за апрель 1990 года, могла бы быть оценена как рядовой антиармейский выпад, очередная издержка гласности, если бы не была написана академиком — руководителем Института США и Канады. В одном из абзацев он совестит своих оппонентов за якобы доносительскую, в духе сталинских времен форму их статей (см. с. 11). Но на той же странице журнала сам Г. Арбатов пишет: «Генерал выражает... свое несогласие с моим утверждением о том, что «новые политические подходы и установки уже привели к снижению военной опасности». Это, мол., «излишний оптимизм». Серьезные обвинения. Но спорит он здесь отнюдь не со мною, не с моей статьей, а с нашей новой политикой». Сам же академик Г. Арбатов, если с кем-нибудь когда-нибудь и спорил за последние 20 лет, то только не с официальной политикой.

Более того, «я бы, — пишет Г. Арбатов далее, — без труда мог сразить генерала цитатой из недавнего интервью М. С. Горбачева газете «Правда». И что вы думаете, без всяких «бы» академик взял и процитировал ту самую «убийственную» фразу. Что и говорит, мужественный поступок.

Что же касается меня, то я пока не имел ни малейшей возможности убедиться в военно-стратегических талантах М. С. Горбачева. При этом если в качестве критерия истины взять практические результаты, например, политики ускорения социально-экономического развития страны, борьбы с алкоголизмом и нетрудовыми доходами, историю с первой и второй моделями хозрасчета, то становится ясно, что даже М. С. Горбачев может в чем-то ошибаться. Будет весьма трагично, если забегание и недооценки повторятся и в военно-стратегической области.

Тем не менее в неприкрытом доносителизме Г. Арбатова я вижу лишь «непричесанность» его личного очередного нового мышления, но никак не злой умысел. Ибо на дворе не 1937-й, а 1991 год, и генералы, обвиненные им в некомпетентности, необъективности и лукавстве, не будут в одночасье объявлены врагами народа, расстреляны, и советские солдаты не

окажутся внезапно без стратегического руководства, как это уже было в 1941 году.

Но это только моральная сторона полемики директора с генералом. Больше хотелось бы уделить внимания научной ее стороне.

Кто, как не Г. Арбатов, лучше всех в Советском Союзе по долгу службы должен знать повадки нашего динамичного союзника (США), умудрившегося извлечь наибольшие выгоды из двух мировых войн. Не потерявшего на своей территории ни одного города или даже деревни, стерев при этом с лица земли десятки чужих городов, превратившего своих союзников в должников, понеся при этом наименьшие людские потери. Станным образом Г. Арбатов сбрасывает со счетов и то обстоятельство, что в стране, которую многие ставят нам в пример как образец открытости, жители узнавали, например, об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки, об операциях типа «иран-контрас» за чашечкой утреннего кофе как о свершившихся уже фактах.

В связи с этим если академик искренне желает изменения в общественном сознании населения СССР в отношении собственных Вооруженных Сил, то нет пути более простого и выигрышного, чем бесспорными фактами доказать, что сегодня в экономических и военных кругах США нет реальных сил, ставящих перед собой цель изменить политический строй в нашей суверенной стране, ликвидировать все социалистическое — любыми средствами, в том числе и ракетно-ядерными.

Даже для начинающего ученого очевидно, что без ясного ответа на этот общий и принципиальный вопрос всякие рассуждения о частностях грозят последствиями, перед которыми меркнет дурная слава второй мировой войны.

В одном из наиболее представительных трудов последних лет, редактором которого был и Г. Арбатов, а именно в энциклопедическом справочнике «Соединенные Штаты Америки» (с. 344), совершенно определенно записано, что «военная и военно-политическая доктрины США, в основе которых лежат установки на противоборство с Советским Союзом и завоевание,

американским империализмом господствующих позиций в мире, в послевоенный период строились в расчете на силовое обеспечение интересов господствующих классов, выдаваемых за интересы «национальной безопасности»... Главным фактором и основным инструментом внешней политики США в противоборстве с Советским Союзом является ядерная мощь... В этих целях делается ставка на приобретение способности к нанесению первого «обезоруживающего» удара...» и т. д.

Было бы уместно, если бы и другой член редакционной коллегии этого справочника — Н. Ф. Червов — объяснил читателям, насколько актуальны в 1991 году оценки и если они решающим образом устерели, то какими фактами это подтверждается.

Правда, в отсутствии подобных фактов уверен и сам Г. Арбатов, «ибо, — как утверждает он в «Огоньке», — надежная оборона нам остается **необходимой** (выделено мной. — В. И.) и в будущем — более (!) надежная и менее дорогая, чем сегодня» (с. 11).

После таких слов, во-первых, становится ясно, что помощник начальника штаба полка по разведке фронтовик Г. Арбатов в военно-теоретическом смысле так и не смог подняться хотя бы до уровня оперативно-тактического мышления, не говоря уже о стратегическом. Академик, к сожалению, не понимает, что оборона — это вид боевых действий и недопустимо путать ее с обороноспособностью. Иначе говоря, академик собирается содержать такие вооруженные силы, которые в случае войны займут оборону и будут дешево и сердито отстаивать свободу нашей Родины. Между тем вполне очевидно, что в современных условиях рентабельнее поддерживать военный потенциал СССР на таком уровне, который бы исключал нападение любого агрессора на нашу страну (как это было минувшие 45 лет), чем героически выигрывать дешевую ракетно-ядерную оборонительную войну и водружать еще где-нибудь Знамя Победы!

Примеч для достижения этой цели корпус советских ученых вполне способен определить разумные затраты, необходимые для поддержания НЕЗЫБЛЕМОГО МИРА. Однако в погоне за популярностью подавляющее большинство ученых мужей ударились в военно-стратегическое толстовство, демонстрируя свою готовность подставить для бития всю свою суверенную пока «физиономию» каждому, у кого чешутся военно-стратегические лапы.

Во-вторых, приведенная цитата свидетельствует о безбрежном экономическом романтизме академика, ибо он, почти как Хрущев, хочет еще раз попытаться меньшими силами догнать и перегнать США.

¹ Не сомневаюсь, что Г. Арбатов и в этом случае станет утверждать, что автор спорит не с ним, а с официальной оборонительной доктриной и с ее официальной терминологией, желая тем самым навлечь на меня гнев Председателя Совета обороны страны. Плохо только, если это единственный довод академика.

Спрашивается, что это за волшебные средства, при которых экономика СССР, слегка отстающая сегодня от США по темпам научно-технического прогресса, вдруг окажется способной дешево противостоять в оборонительной войне. Из контекста статьи в «Огоньке» следует, что к подобным «волшебным» средствам относятся, например, ликвидация Красноярской радиолокационной станции (РЛС). Сегодня совершенно очевидно, что в ближайшее время закроют Мукачевскую РЛС аналогичного класса, как закрыли подобную станцию и под Ульяновском, которая могла бы стать глазами и ушами ПВО страны. Странно, однако, выглядит позиция бывшего фронтовика-разведчика, предлагающего укрепление обороны через ампутацию «глаз» и «ушей».

Кроме того, для повышения обороноспособности страны, по «логике» Арбатова, необходимо ликвидировать превосходство СССР по танкам, артиллерии и самолетам-перехватчикам. Ведь «ясно» как божий день: если у Страны Советов есть военное превосходство, то на нее обязательно нападут, а если этого превосходства нет, то «любимый город может спать спокойно...». Тоже логика.

Осознавая себя крупным специалистом в вопросах современных танковых сражений, академик сетует на то, что у нас о-очень много танков. Ну просто о-о-очень много.

Но чтобы иметь более надежную оборону, как этого желает сам Г. Арбатов, необходимо знать, что с более время жизни танка на современном поле боя измеряется, к сожалению, несколькими минутами, а учитывая превосходство нашего вероятного противника в развитии тепловизионной техники, систем высокоточного самонаводящегося противотанкового оружия, а также боевых вертолетов огневой поддержки, это время будет уменьшаться пропорционально уменьшению количества танков на поле боя.

Кроме того, если академик искренне желает выиграть оборонительную войну минимальной кровью наших людей, то необходимо иметь в виду, что в условиях применения нейтронного и химического оружия танк — это лучшая и наиболее экономная форма защиты жизни наших солдат.

Короче говоря, прежде чем резать танки, необходимо семь раз отмерить, а еще лучше дать нашему солдату все то, что есть у его противника, и спокойно растить внуков, борясь одновременно за всеобщее полное и непровокационное разоружение.

Следующей статьей укрепления обороноспособности, по Г. Арбатову, является прекращение строительства советских авианесущих крейсеров. Вместо них академик предлагает за ту же цену построить... 100 тысяч квартир для офицеров, передислоцированных из стран Восточной Европы (с. 10). Продав еще один крейсер вместе с палубной авиацией, мы (по Арбатову) тем самым можем обеспечить весь офицерский состав ВМФ вышеперечисленными благами и резко поднять его моральный дух.

Иными словами, у Соединенных Штатов будут авианосцы, а у нас, как и в 1941 году, — высокий моральный дух.

Переводя армию на такой оригинальный вид самофинансирования, академик прекрасноразумно надеется, что именно на этом пути не придется «сталкиваться лбами военнослужащих с гражданами, с трудящимися»² по вопросам жилья. Его устами...

Во-первых, резкое перераспределение финансовых средств при существующем хозяйственном механизме, а тем более при рыночном, сделает офицера, ослепленного квартирой, невольным источником безработицы.

Во-вторых, военные бумажные рубли, снятые со строительства авианосцев и почтапавски срочно выделенные жилищно-строительному комплексу страны, при гигантской нехватке строительных материалов, техники и самих строителей по своей экономической эффективности адекватны темным очкам, выданным глухонемому для лечения заикания.

Следующим «рецептом» удешевления и укрепления армии, по мнению академика, является ее профессионализация и количественное сокращение, т. е. академик считает, что когда американскому профессиональному солдату будет противостоять наш профессиональный солдат, то мы будем иметь некое преимущество, поскольку это будет НАШ профессионал.

Кстати, если верить процентам расходов на содержание личного состава армии США, приведенным Г. Арбатовым, то получится, что в 1970 году это стоило американскому налогоплательщику приблизительно 30 млрд. долларов (т. е. 38 проц. всех военных расходов), а в 1990 году — приблизительно 80 млрд. долларов (хотя эта сумма и составляет только 27 проц. военных расходов США в этом году), что по абсолютной величине вообще превышает все военные расходы США в 1970 году, т. е. до перехода их на профессиональный способ комплектования армии. Если же перевести 80 млрд. долларов по специальному курсу в рубли (1 доллар равен 6 рублям), то получится, что для оплаты нашего профессионала требуется 480 млрд. рублей как минимум. Думаю, что академик, имея самолюбие, не будет настаивать на переводе доллара в рубли по официальному курсу.

Видимо, Г. Арбатов не вполне отдает себе отчет в том, что наш наемник, чтобы быть адекватным американскому, т. е. чтобы воодушевленно противостоять ему в обороне, должен быть адекватен ему же и по уровню оплаты, и по материальному снабжению. Очевидно, что юноша, уже приученный экономически мыслить, отнесется с подозрением к разъяснениям Г. Арбатова по поводу «традиционной» разницы в уровнях дохода советского и американского народа. Ибо стараниями, в том числе и «Огонька», уходит в прошлое тот массовый тип молодого бесребренника, ко-

торый служил в Советской Армии по убеждению, был бескорыстным защитником своей Родины и в своей абсолютной массе не измерял сыновний долг в рублях.

Более того, я сам, пробывший в должности командира взвода и замполита роты чуть более пяти лет, в минуты личной слабости, упадка добросовестности черпал нравственную силу в своих же рядовых подчиненных, которые и в обжигающий мороз, и в одуряющую жару демонстрировали образцы некартинного мужества и патриотизма, получая денежное содержание в размере 3 руб. 80 коп., хотя и они понимали, что 1000 рублей намного больше. В те годы (1968—1973) на роту из 100 человек при добром десятке национальностей, а то и больше, редко приходилось более 2—3 человека, до чьей совести невозможно было достучаться. Этих нескольких, готовых продать, и не единожды, мать родную, ленивых, не по возрасту хитрых и эгоистичных прежде всего по отношению к своим сослуживцам, я запомнил пофамильно, как, впрочем, и тех, тоже не очень многих, которые не просто выполняли свой долг, а делали это красиво, инициативно и всегда умно, с большим человеческим достоинством, да к тому же практически даром, если, конечно, не забывать многоцветье слова ДАР.

Вот этот-то тип советского солдата и мужчины и уходит в небытие. А что приходит ему на смену?

У многих, наверное, свежи еще в памяти сообщения о том, что в одной из советских авиационных частей офицер, великолепно проявив полный набор качеств военного профессионала (тяжело ранил часового, завладел самолетом, попытался расстрелять дежурные истребители, перелетел через море, будучи раненым, совершил посадку на чужом аэродроме), предал свою Родину. Иными словами, военно-технические, военно-профессиональные навыки самого высокого уровня не имеют прямого отношения к понятию и явлению «защитник Родины». Ведь наемник однозначно хорош только в «боях» на Гренаде и в Панаме. Другого опыта, кроме побед над безоружными людьми в колониальных грабительских войнах, в истории наемных армий НЕТ.

Наряду с экономическим обоснованием необходимости перехода к профессиональной армии Г. Арбатов использует и нравственные доводы. Дескать, наша любительская армия порождает «дедовщину», а профессиональная будет чиста от этого порока.

Однако в это верится с трудом, ведь мы видим, что страну захлестнула порнография, а вместе с ней растут проституция и уголовная статистика изнасилований. В 1989 году в стране покончили жизнь самоубийством 56 тыс. человек, более 20 тыс. сограждан убиты в подворотнях и в пьяной резне, растет рэкет, «киднепинг», грабежи, в магазинах исчезли диверные замки, набирает силу торговля современными средствами самообороны вплоть до огнестрельного оружия и гранат. И в этих условиях

² Сохранена оригинальная социологическая классификация Г. Арбатова, который утверждает, что не пытается столкнуть военных с трудящимися.

Г. Арбатов страшно «обеспокоен» фактами «дедовщины» в казармах, не замечая кощунственного цинизма подобных «ахов» в нашей разваливающейся стране.

И самое главное. На мой, не директорский и не генеральский, взгляд, сегодня боеготовность нашей армии никогда, даже в январе 1918 года, не падала так низко с точки зрения морального потенциала солдатской среды и молодежи призывного возраста, их готовности выступить на защиту своей Родины — Советского Союза. Весенний призыв 1990 года показал, что количество дезертиров возросло почти в 6 раз! Собственно говоря, если в ближайшее время эта тенденция круто не изменится на противоположную, то нетрудно предсказать полный развал Советской Армии.

Таким образом, анализ статьи показывает, что, кроме беспрецедентного по «оригинальности» предложения о сокращении военных расходов по всем направлениям, ничего другого академик Г. Арбатов предложить не может. Напротив, с чисто лысенковским пренебрежением ко всему западному он корит советских военных в том, что они будто бы хотят напугать его и самих себя возможностью «создания оружия, выводящего из строя электронику и делающего поэтому беззащитной жертву агрессии» (с. 11). Видимо, по мнению Г. Арбатова, бесспорного знатока физики электромагнитного импульса, этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Тогда стоит ли удивляться и тому, что крупнейший американист ни словом не обмолвился в своей статье еще об одном «слоне», т. е. о принятии на вооружение в этой стране новой уникальной военно-стратегической триады, бомбардировщиков, истребителей и крылатых ракет, изготовленных по технологии «Стелс».

Ничего эквивалентного этим видам оружия в нашей армии пока еще нет.

Как прикажете в связи с этим понимать «забывчивость» академика? Как лукавство или как воинствующую некомпетентность?

Ведь уже давно доказано, тем более в «Огоньке», что Америкой правят в основном практичные и грамотные люди. Поэтому читателей очень трудно убедить, что американцы, затратив сотни (!) миллиардов долларов на создание системы оружия для «звездных войн», триады «Стелс», армады авианосцев и т. д., наконец-то по степени головоуятия переплюнули наш печально знаменитый Минводхоз. Дай-то бог!³

Однако лысенковщина академика Г. Арбатова проявляется не только в форме цитатного доношения или в пренебрежении к военно-техническим «продажным девкам империализма», но и в попытке представиться читателям в качестве специалиста, владеющего единственно науч-

ным, единственно приемлемым, единственно правдивым, если речь идет о динамике ассигнований за период, превышающий год, подходом.

Между тем не следует забывать, что в истории достаточно часто повторялась ситуация, когда администраторы от науки отождествляли то немногое, что они более или менее твердо знали, с «единственно научным» да еще и «единственно правдивым» подходом.

В чем же заключается подход?

В интерпретации Арбатова его полемика с Медведевым выглядит как широко известный в народе диалог глухих:

— Ты в баню?

— Нет, я в баню!

— А я думал, что ты в баню.

Так, в первом абзаце на с. 9 Г. Арбатов предупреждает читателей, что спор пойдет об ассигнованиях на военные нужды, но уже в четвертом абзаце пишет, что он «приводил данные официальной статистики по «Бюджетным полномочиям» министерства обороны США за 1985—1989 годы. А он (т. е. Медведев) — статью расходов (выделено мной. — В. П.) МО США за тот же период. Последние действительно росли». Т. е. генерал ведет речь о расходах (как бы о бузине в огороде), а директор будет говорить об ассигнованиях (как бы о дядьке в Киеве). Неужели это и есть единственно научный подход? Кроме того, выходит, что данные «Бюджетных полномочий» МО США — это официальная статистика, а статьи расходов того же министерства обороны США — это продукция статистического кооператива. Исходя из статистических данных, Медведев утверждает, что расходы МО США росли. Нет, подтверждает Арбатов, военные расходы США действительно росли.

Столь же удачно Г. Арбатов отрицает рост военных расходов и в шестом абзаце. «...Рост расходов, — пишет он, — хотя и продолжается, но в течение 1985—1989 годов резко замедлился — с 9 процентов... до 0,7 процента...». В одном из армейских анекдотов утверждается, что крокодилы тоже летают, но только низко.

Нетрудно заметить, что Медведев констатирует сам красноречивый факт роста военных расходов в США, поскольку и 9 проц., и 0,7 проц. роста военных расходов — это рост, а не сокращение. Просто академик путает сокращение расходов со снижением темпов их прироста. Ну разве это не образец некомпетентного лукавства академика, отлично осведомленного о свойствах вечно экзальтированного читателя «Огонька»?

Еще более лукаво выглядит попытка Г. Арбатова доказать миролюбие администрации США расхождением между суммами, ассигнованными на тот или иной год и израсходованными в этом же году, да еще и с использованием такой оригинальной и самобытной категории, как реальные цены.

Во-первых, можно ли считать миролюбивой ту администрацию, которая, плани-

³ Здесь следует проводить четкую грань между фундаментальным безумием идеи военного решения современных мировых проблем и излещением частных военно-технических и экономических решений, ведущих к реализации идеи вселенской катастрофы.

руя в будущем снижение военных ассигнований, сегодня продолжает выполнять обязательства по созданию космических вооружений, принятые в наиболее драматичный период «холодной войны»? Это все равно если бы дисциплинированный палач, имея на руках первое предписание казнить осужденного и более позднее предписание, отменяющее казнь, решил бы выполнить оба предписания строго в порядке их поступления.

Во-вторых, смешно говорить, что при наличии у США приблизительно 30 тыс. стратегических ядерных боеголовок сокращение прироста военных расходов до уровня $\pm 0,7$ проц. — событие, сколь-нибудь серьезно отдаляющее термоядерную зиму. Даже 50-процентное сокращение стратегических ядерных средств США и СССР не решает задачи повышения международной безопасности. Ибо если США реализуют планы СОИ, то сокращение советских ракетно-ядерных сил немедленно и на те же 50 проц. повысит эффективность системы СОИ, так как резко уменьшится количество объектов, которые ей необходимо будет обнаружить и поразить.

В-третьих, «единственно научный и единственно верный» подход Г. Арбатова к ценам на самом деле достаточно лукавый и потому довольно удобный для окончательного запугивания рядовых читателей.

«Судите сами, Медведев оперирует цифрами военных ассигнований в текущих, — пишет Г. Арбатов, — а я в реальных, учитывающих инфляцию цен». Я уже не напоминая читателю, что «генералы» оперируют расходами, а не ассигнованиями, не необходимо заметить, что именно текущие цены на продукцию и являются с точки зрения экономической науки единственно реальными, поскольку именно текущая цена реально учитывает и уровень инфляции и проходит по всем финансовым ведомствам, превращаясь в реальные зеленые купюры, скажем, на танк, т. е. цену 10—20-летней давности, относительно свободную от груза текущего уровня инфляции. Эту цену и умножают на количество закупленных в прошлом году танков. Полученную сумму сравнивают с затратами в базовом году, и становится подчас видно, что возросшие по абсолютной величине текущие финансовые расходы Пентагона «возмзраждаются» относительно меньшим количеством танков. Именно это «хотел» да не «сумел» объяснить читателям «Огонька» академик. Более того, тенденцию к объективному снижению эффективности военных финансов США академик «случайно» спутал с ростом миролюбия военно-промышленного комплекса (ВПК). А ведь еще Шлесинджер, один из недавних министров обороны США, говорил: «...ужасно то, что своим стремлением быстро увеличить военные закупки мы просто поднимаем цены в некоторых секторах нашей промышленности, без существенного роста их продукции»⁴.

Разве из этого «ужасного» обстоятельства нельзя высосать статистическую спекуляцию о господстве пацифистских настроений в стане военнопромышленников США? И Г. Арбатов не упускает возможность слегка поспекулировать, хотя по типичной профессорской рассеянности в конце статьи указывает, что американцев «непомерные военные расходы за какие-нибудь десять лет сделали самым большим в мире должником и подорвали их конкурентные позиции на мировом рынке...» (с. 11).

Одно из двух: или академик вновь лукавит, или действительно даже Америка подошла к рубежу, за которым гонка вооружений ведет к экономическому краху. Но если военные расходы США больше расти не могут, то приобретает стратегический смысл борьба за снижение расходов в СССР. Не здесь ли зарыта собака?

Не потому ли академик путает причину со следствием и пытается представить снижение эффективности системы закупок оружия в США ростом миролюбия и инфляции. Ведь ему-то, директору Института США, должно быть известно, что не инфляция порождает рост военных расходов, а наоборот, рост военных приготовлений порождал инфляцию. То есть в военно-финансовой области проблема, что первично — «курица» или «яйцо», уже давно решена специалистами всего мира. Мы же, как всегда, запаздываем.

В том случае, когда гонка вооружений приобретает хронический характер, то аналогичным образом выглядит и инфляция, а Пентагон с параноидальным усердием или подобно щенку, гоняющемуся за собственным хвостом, увеличивает ассигнования якобы «с учетом инфляции».

Эту-то видимость и принял за сущность академик Г. Арбатов.

Например, по «логике» академика, выходит, что 115,7 млрд. долларов, затраченных администрацией США на закупку вооружений, есть прямое подтверждение ее миролюбия, а 44,2 млрд. рублей, затраченных на аналогичные цели в СССР, — прямое подтверждение роста агрессивности. Г. Арбатов считает недопустимо неприличным иметь низкие цены на ракеты и танки. Однако когда академик доходит до сопоставления количества советских и американских генералов, то почему-то уходит от открытого им же «единственно научного» подхода: что почему? Между тем думаю, что и в текущих, и в базисных ценах каждый американский генерал перетянет несколько наших генералов с адъютантами в придачу.

А поскольку к научным приемам доказательства Г. Арбатов привык подходить очень избирательно, выделяя только один, удобный для него, то следует вновь пояснить читателю, какого очередного «слона» он «случайно» не разглядел и почему цены на американскую военную технику так подозрительно смахивают на цены наших кооперативов. В частности, академик умалчивает, что в результате расследований, произведенных не так уж давно конгрессом США, обнаружена одна военно-

⁴ Цит. по: Конобеев В. П., Коновалов А. А. О новых военно-экономических программах США и США: экономика, политика, идеология. — 1982. — № 10. — С. 87.

промышленная корпорация, получавшая норму прибыли, равную 2000 проц., несколько корпораций — от 300 проц. до 500 проц., а у основной массы проверенных фирм норма прибыли не опускалась ниже 56 проц.⁵.

Иными словами, кто же виноват, если в США почти 50 проц. ассигнований на закупку вооружений превращается в чистую прибыль капиталиста через спекулятивный рост цен на военную продукцию. Говоря же о 44,2 млрд. советских рублей, академик «забыл», что современный советский рубль за последние десять лет «похудел» более чем вдвое и, следовательно, в «реальных» ценах 1980 года мы имеем на закупку вооружений менее 22,1 млрд. рублей.

Но стороннику «единственно научного» подхода анализ процесса обесценивания рубля невыгоден, и потому академик его обходит. Между тем советский «военный рубль» заслуживает того, чтобы его изучили со многих сторон.

Так, например, за последние три пятилетки Родина ежегодно расходовала на вооружение приблизительно 40 млрд. рублей и, израсходовав 600 млрд., приобрела в этой области, по оценкам американских генералов, стратегический паритет, а, по оценке Г. Арбатова, даже ПРЕВОСХОДСТВО над... самими Соединенными Штатами. Обратите внимание, ни у одной отрасли экономики превосходства над США нет, а у советского военно-промышленного комплекса есть, да еще при ценах на военную продукцию в среднем в 2,5 раза ниже, чем у ВПК США, и при уникальном качестве ряда современных изделий (МиГ-29, Су-27, Ка-29). Казалось, живи спокойно и знай, что твой покой гарантирован.

Однако за те же три последние пятилетки Родина ежегодно вкладывала в агропромышленный «комплекс» (АПК СССР) те же 40 млрд. рублей и, израсходовав таким образом те же 600 млрд. рублей... Дальше нет сил писать... Душат слезы...

Казалось бы, по здравому рассуждению, «отцам» АПК стоило бы задуматься, как это советскому ВПК удается за те же 40 млрд. рублей в год обогнать конкурентов из США, а им, аграрникам, на те же 40 млрд. рублей не удается сделать практически ничего, хотя даже в военных совхозах показатели существенно выше среднесоюзных, причем в любом районе СССР.

Выяснив эту «тайну», аграрии с учетом специфики своей отрасли могли бы повторить передовой опыт и достигнуть паритета хотя бы со штатом Айова. Так нет, в лучшем духе усредниловки-уравниловки Г. Арбатов предлагает забрать деньги у советского ВПК и бросить их туда, откуда ничего не возвращается, т. е. в ...«черную дыру». Так образно окрестил нашу современную гражданскую экономику известный публицист-экономист Селюнин.

В результате мы утратим и «оборону», и навряд ли наша переходящая на рыноч-

ные отношения экономика воспрянет от этого «единовременного пособия», поскольку больше экспроприировать у обороноспособности страны будет нечего.

Трагизм ситуации заключается и в том, что советский ВПК вовсе не «объедает» АПК ни в металле, ни в горючем, ни тем более в удобрениях, семенах и кормах. Если, например, мы производим несколько больше, чем в США, танков, то тракторов, как мне известно, «клепаем» с многократным превосходством над Америкой. Мы явные лидеры в количестве и стоимости производимых никудышных комбайнов.

Наше сельское хозяйство существенно опередило Запад в потреблении удобрений, канцерогенов и мутагенов на душу населения, т. е. нитратов, инсектицидов, гербицидов, белково-витаминных концентратов и т. д. С другой стороны, если, например, собрать всю бочкотару, брошенную гражданскими лицами в советской тундре, или металл вдоль железнодорожного полотна по всей нашей стране, не говоря о брошенных судах, то можно было бы каждому крестьянину вручить персональный комбайн.

Если верить тому, что в 1988 году СССР произвел 3500 танков, то это составляет меньше 1 проц. всей стали, выплавленной в текущем году. Уверен, что «благодаря» гражданской расхлябанности наша экономика на одной лишь ржавчине теряет гораздо больше.

Г. Арбатов сетует, что, по его представлениям, советская военная авиация сжигает горючего в три раза больше, чем Аэрофлот.

Но, во-первых, самолеты-перехватчики взлетают у нас ровно столько раз, сколько раз самолеты иностранных держав без предупреждения приближаются к границам СССР, прочих самолетов у нас меньше, чем у США. Во-вторых, если увеличить в три раза поставки горючего гражданской авиации при нынешнем самолетном парке и летном составе, то Аэрофлот просто захлебнется в этом керосине, ибо количество рейсов, не состоявшихся по причине нехватки горючего, мизерно по сравнению с выполненными. В-третьих, да будет известно академику, что серийные советские авиационные двигатели пока одни из наименее экономичных в мире. Советский легковой и грузовой автотранспорт по потреблению горючего — это непревзойденный Робин Бобин Барабек. В-четвертых, во имя премий за приписанные тонно-километры наши гражданские граждане уже вылили море советского бензина и солярки просто так, на землю. Короче говоря, читайте газеты и к вам придет... Таким образом, чтобы не быть поверхностным, необходимо писать правду, только тогда не возникнет еще одного «единственно научного» подхода к проблеме нехватки горючего в СССР.

Фарисействуя в области теории «укрепления» обороны, академик делает вид, что его страшно волнует «гигантизм» советского ВПК, который якобы приводит к гибели подводных лодок, и к катастрофам самолетов, и даже к «дедовщине».

⁵ См.: Факты обвиняют /Сост. Гершкович Б. Я. — М.: Политиздат, 1980. — С. 63.

Г. Арбатова, видите ли, меньше волнует взрыв на Чернобыльской АЭС, устроенный гражданскими «дедами». Он, видимо, будет утверждать, что и в гибели пассажиров с «Адмирала Нахимова» виноваты военные расходы. Может быть, Г. Арбатов будет утверждать, что военные хирурги инфицировали детей вирусом СПИД в Элисте и в других городах? А взрыв в Башкирии, а поворот сибирских рек, а убийство Аральского моря и залива Карабогаз-гол, а Тенгизское газоконденсатное месторождение, разработанное с непревзойденным головоутизмом? Это академик меньше беспокоит?

Наверное, Г. Арбатов считает, что решение осваивать целину было принято в Министерстве обороны, раз военные ежегодно вывозят оттуда львиную долю зерна.

Почему академика не беспокоит то обстоятельство, что в восьмидесятые годы по «ленинканской технологии», т. е. на песке, строились города не только в Армении, но и в других сейсмоопасных районах.

А разве не военные уже не один год встают между одичавшими гражданскими «националами» и принимают на себя пули, ругань, плевки и пошлость

А известно ли академику, что ежегодно «благодаря» ущербу, наносимому предприятными окружающей среде, мы все теряем от 60 до 80 млрд. рублей в год! Что в результате воровства наша отечественная мафия, по оценкам специалистов, ежегодно оперирует суммами, превосходящими весь военный бюджет Советского Союза.

Однако натренированная многими годами развитого застоя самозашоренность не позволяет Г. Арбатову трезво взглянуть на положение вещей в дорогом его сердцу гражданском обществе.

Создавая нелепость многих его претензий к Советским Вооруженным Силам, но, будучи политическим единоверцем, В. Коротич решил помочь академику и представил очередной его ворчливой статье («Огонек». — 1990. — № 22) свою «Колонку редактора».

Необходимо отдать должное В. Коротичу, ибо, даже не будучи ученым, он понял, что академик из номера в номер будет печатать путаные, утомляющие читателя длинноты, ходить вокруг да около, получать гонорары, так и не сказав главного ясно и недвусмысленно: зачем на нас нападать и кому это выгодно?

Если читатель заметил, то я в самом начале статьи с трепетом спрашиваю у Арбатова: может, все-таки есть факты, неоспоримо подтверждающие намерения империалистов США отказаться от планов военного уничтожения СССР?

Коротич же ставит академику вопрос ребром: «Кто именно и почему намерен напасть на нас?»

Странно, однако, слышать от редактора

журнала «Огонек» подобный вопрос, ведь на него уже ответил именно Г. Арбатов в одноименном журнале, только в № 17 за тот же год. Можно не читать журнал «Наш современник», можно в конце концов не читать газету «Советская Россия», но всему ведь должен быть предел. «Огонек»-то читать следует каждому, кто считает сам себя интеллигентом. Из статьи же в «Огоньке» № 17 следует, что у директора (!) Института США и Канады нет недостатка в информации об американской военной политике, что Америка публикует все и за нас, и за себя (хотя одновременно Г. Арбатов пишет, что нашей излишней секретностью мы американским милитаристам облегчали их нечистую (выделено мной. — В. П.) игру, открывая широкий простор для любых спекуляций... они... могли приписывать нам любые количества вооружений, любые военные расходы или намерения. И под шум оглушительной пропагандистской кампании... делать все новые рыжки в военном соперничестве» («Огонек». — № 17. — С. 9).

Следовательно, поскольку Пентагон, по мнению Г. Арбатова, часто и с упоением лгал, а гонку вооружений наращивал всерьез и всегда, постольку у директора Института США и Канады сложилось мнение, что «надежная оборона нам остается необходимой и в будущем — более надежная... чем сегодня» (с. 11).

Не мог же ведущий американист исходить, например, из анализа военной политики Франции, Японии или Китая. Ясно, что причина необходимости более надежной обороны СССР кроется в политике американского крупного капитала, для которого любой, даже слабый коммунизм был и остается исторической «костюю» в ненасытном «горле» монополизма.

Таким образом, подытоживая все вышеизложенное, мне кажется, рецепты Г. Арбатова могут привести советский народ к необходимости вновь героически выигрывать оборонительную войну. Это единственная причина, которая вынуждает меня взяться за перо и призвать людей лечить гражданскую экономику, а не доламывать то, что пока является необходимым и надежным гарантом мира.

Что касается разоружения, то все настоящие советские военные стояли и стоять будут за полный всемирный «ноль». Ни генералы, ни рядовые не доставили ни малейшего неудобства советскому народу ни тогда, когда правительство внезапно и бесцеремонно сократило 1,2 млн. военнослужащих, ни теперь, когда без особых сантиментов сокращено 500 тыс. личного состава армии и флота, уничтожены ракеты средней дальности, отданы на переплавку современные танки и т. д. Думаю, что на этой почве какие бы то ни было эксцессы исключены.

*Полковник В. А. ПОДГУЗОВ,
кандидат экономических наук*

ХРАМ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ЗДАНИЯ

Николай I приказал вновь составить проект храма, который бы не представлял особенно важных затруднений к его осуществлению. Из многих представленных проектов предпочтение было отдано проекту К. А. Тона, который и был утвержден 10 апреля 1832 года. Для приведения в исполнение проекта была организована особая комиссия под председательством московского генерал-губернатора, строителем храма назначен составитель проекта архитектор К. А. Тон. Построение храма, начатое в 1839 году при председателе князе Д. В. Голицыне, окончено в 1881 году при председателе князе В. А. Долгорукове, который в течение более 17 лет своего генерал-губернаторства в Москве, по званию председателя комиссии, руководя всеми ее делами, начал и довершил все внутреннее благолепие этого всероссийского памятника.

Общий характер здания напоминает древние русские церкви. Основание храма представляет равноконечный крест, в углах которого находятся четыре выступа. Фасад одинаков со всех четырех сторон. Каждая лицевая сторона оконечности креста делится четырьмя столбами на три части, из которых средняя больше крайних. Всех столбов вокруг храма 36; они поддерживают карниз, на котором помещаются 20

полуциркульных, сверху заостренных арок: по три арки на передних концах креста и по две — на выступах, в углах здания. Столбы на исходящих углах имеют восьмигранную форму с семью выступными сторонами; что же касается столбов на средней части оконечностей креста, то сечение их представляет пять выступающих сторон, а во входящих углах — по три выступающие стороны. На переднем фасае каждой оконечности креста, между пьедесталами столбов, устроены три входных двери с широкими откосами.

Все здание увенчано пятью главами, из которых средняя значительно больше прочих; она придает всему строению единство и полноту. Круглая стена средней главы лежит на восьмигранном основании. Прочие главы поставлены на выходящих углах между концами креста и имеют форму восьмиугольных башен или колоколен. Стиль куполов, покрывающих большую и малые главы, соответствует общему характеру зданий: они вверху суживаются подобно всем главам старинных русских церквей. В малых башнях повешено 13 колоколов.

Высота храма, считая от основания и до вершины креста, простирается до 48½ сажень; диаметр большого купола — до 14 сажень; пространство, занимаемое храмом вместе с крыльцами, составляет 1500 квадратных сажень; собственно же внутренность храма занимает пространство 7890 кв. аршин, или 876½ кв. сажень... Фасад украшен двумя рядами рельефных изображений: одни помещены выше верхнего карниза,

в полуциркульных арках, другие — по нижнему карнизу пьедесталов, так что эти изображения приходятся и над арками входных врат, и над нижними окнами.

Четыре колоссальных столба, помещающиеся внутри храма, поддерживают здание. От расположения этих столбов и порталов образуются две стены: внутренняя и наружная, а между ними коридор двух сажен ширины, идущий по обычаю древних христианских церквей вокруг всего храма. Верхнюю часть коридора составляют украшенные живописью хоры с двумя устроенными в них приделами: во имя Святителя и чудотворца Николая и Святого Благоверного князя Александра Невского. Главный же храм посвящен Рождеству Христа Спасителя.

Все здание освещается 60 окнами: из них 16 устроено в главном куполе, 36 — над хорами и 8 — в коридоре. Окна имеют длинную, вверху закругленную форму; снаружи они симметрично расположены между колоннами, стоящими на кронштейнах и соединенными вверху арками. Капители и базы колонн, арки и кронштейны украшены резьбой.

Место для сооружения храма избрано вблизи священного Кремля, на левом берегу реки Москвы, где находился Алексеевский женский монастырь. Более удачного пункта избрать было невозможно: хотя берег для предполагаемого сооружения ниже того, на котором находится Кремль, но все-таки он настолько еще высок, что вполне выказывает величие храма, который, гармонично с видом Кремля, не подавляет его, однако ж, громадностью своих размеров.

По утверждении проекта и по назначении места для построения храма немедленно было поручено московскому военному генерал-губернатору князю Д. В. Голицыну составить правила и штат комиссии, которая должна руководить производством работ... Главным архитектором построения храма назначен сочинитель проекта храма академик Тон.

В 1838 году, 20 июля, происходило торжественное перенесение с Воробьевых гор в Успенский собор тех

вещей, которые были положены при первой закладке церкви для хранения их впредь до закладки храма на вновь избранном месте... Торжественным шествием все вынутые предметы были перенесены в Успенский собор и помещены в ризнице его за печатью комиссии, а на том месте Воробьевых гор, где они сохранялись более 20 лет, император Николай Павлович приказал соорудить часовню.

ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ

Алексеевский монастырь и находившаяся близ него заштатная церковь Всех Святых со всеми принадлежавшими к ним строениями были сломаны в 1838 г. Монастырь переведен еще в 1837 г. в Красное село, близ Сокольников, и на оставшемся, таким образом, свободном пространстве приступлено было к выемке земли для устройства фундамента. ...Под основанием храма земля скрыта в глубину от 15 до 19 аршин, т. е. вынута ее почти 11 тысяч кубических сажен. Этой землей засыпана вся низменная часть берега, где находился прежде лесной ряд.

Во время земляных работ найдено два кладбища, одно над другим. На верхнем кладбище были ветхие гробы с истлевшими костями и много костей без гробов, зарытых там, вероятно, во время чумы 1771 г. В нижнем кладбище костей не оказалось, найдены только гробы, три камня с надписями XVI и XVII столетий, множество старинных крестиков, образов, серебряных монет XV, XVI и XVII столетий и несколько восточных монет, из которых две принадлежали к IX веку.

УСТРОЙСТВО ФУНДАМЕНТА

В 1838 году, 27 июля, на вновь избранном под строение храма месте началась кладка фундамента. Лучшим из всех тщательно исследованных материалов для бута оказался камень, находящийся в Рузском уезде при селе Григоров, в 80 верстах от Москвы... Бут клался большими глыбами в несколько слоев;

каждый слой выравнивался посредством ватерпаса и заливался известью. Для спуска известкового раствора были устроены закрытые шлюзы, а сама известь смешивалась с песком в то самое время, когда она скатывалась вниз. Затворение извести производилось особенным способом: для облегчения расчета творила были устроены так, что в каждое из них входила кубическая сажень; известь насыпалась слоями и пересыпалась равным количеством песка, потом посредством конной подъемной машины с четырьмя нагнетательными насосами вода пускалась в творила по желобам. Известь бухла, подымая лежавший на ней песок, и вся растворялась, причем углекислый газ, задерживаемый слоями песка, не мог быстро улетучиваться и тем ослаблял ее действие; в таком положении известь оставалась от 15 до 20 дней. Во время ветра творила ограждались плотными щитами. Этот способ затворения придавал извести почти двойную силу; она держала на себе от 7 до 8 кирпичей, вместо 4 или 5, как это обыкновенно бывает. Работа по устройству фундамента относительно ее колоссальности и прочности может быть сравнима только с древними римскими постройками.

По окончании работ, осенью 1838 года, фундамент был закрыт толстым слоем сена, как дурного проводника теплоты, для избежания повреждений, могущих быть от промерзания грунта отчасти глинистого свойства и от расширения свежего известкового раствора при действии на него зимнего холода. Все принятые меры дали настолько благоприятные результаты, что с наступлением весны по открытии фундамента в нем не оказалось никаких повреждений и ни малейшего изменения в горизонтальном положении.

В следующем, 1839 году выведено было бута на 7 аршин высоты; в пустотах между фундаментом продолжалась кирпичная расщебенка с заливанием известью. При этом способе работы все основание храма представляло однородную каменную массу, не разделенную ни пустыми промежутками, ни насы-

панным рыхлым грунтом; оно не могло уже подвергаться горизонтальному движению, как бы велика ни была сила вертикального давления. Давление массы на части началось тогда только, когда основание подвального этажа было приведено в одну горизонтальную плоскость. Прежде всего выведены были до поверхности земли стены под четыре крыльца и покрыты сводами.

ЗАКЛАДКА ХРАМА

Работы по устройству фундамента настолько подвинулись вперед, что уже 10 сентября 1839 года возможно было приступить к торжественной закладке храма... После совершения Московским митрополитом Филаретом молебствия с водоосвящением положены в перевезенный с Воробьевых гор тот же самый гранитный камень, в котором они хранились с 1817 по 20 июля 1838 года, вещи первой закладки. В день закладки от Успенского собора до места, предположенного для сооружения храма, стояли войска по всему направлению, назначенному для церемониального шествия. Перед окончанием литургии придворные чины, генералитет, сенаторы и чины гражданского ведомства собрались в Кремле близ колокольни Ивана Великого. В половине двенадцатого приехал император Николай Павлович со свитой, и тотчас же началось церемониальное шествие, направившееся через Тайницкие ворота по набережной до Кремлевского сада, потом около решетки до Боровицких ворот; от них — по Моховой и Пречистенке до места закладки...

Когда процессия прибыла на место закладки, Высокопреосвященный митрополит Филарет после водоосвящения произнес молитву на основание храма...

По окончании речи Государь собственноручно положил в прежний камень, вмещавший в себе предметы закладки 1817 г., крестообразную вызолоченную доску с вырезанной на ней надписью и две плитки протопоповского мрамора... Кроме

креста и каменных плиток положены в закладке золотые и серебряные монеты чекана 1839 года.

Желая увековечить в памяти народной торжество закладки храма, император Николай Павлович приказал выбить 34 золотых, 100 серебряных и 100 бронзовых медалей почти двух вершков в диаметре, изображающих с одной стороны Всевидящее Око с надписью: «Не нам, не нам, а имени Твоему», т. е. то же самое, что изображено на медали 1812 года; на другой стороне медали вычеканены фасад храма и надпись: «Завещал Александр I, начал исполнение Николай I».

ВОЗВЕДЕНИЕ СТЕН ХРАМА

После закладки храма приступили к устройству средней его части и четырех пилонов¹, назначенных для поддержания главного купола, которые и были доведены в эту осень до высоты 2½ аршина от основания подвального этажа. Внешние же стены храма были облицованы с наружной стороны бутовым камнем для защиты их от действия случайной влажности кирпича. По мере возвышения внешних стен наружный ров около них засыпался расщебенкой, т. е. мусором и известью, плотно утрамбованными. В вертикальных бороздах, нарочно оставляемых между кирпичами, помещены были чугунные и гжельские трубы: первые — для стока воды с крыши храма в большую, проведенную в реку трубу, последние — для калориферов²...

Храм Христа Спасителя, как вековой памятник отечественной славы, требовал на сооружение свое материалов из недр Отечества. Несмотря на минеральное богатство, которым обладает Россия, несмотря на разнообразие и несомненное превосходство над каменными чужеземными породами относительно употребления их для зданий северного климата, этот источник народ-

ной промышленности оставался мало разработанным. Дешевизна заграничных мраморов, получаемых из каменоломен, существующих целые столетия и имеющих огромный и постоянный сбыт, всегда давала и дает до сих пор значительный перевес в употреблении заграничных мраморов перед русскими, которые как по их высокой цене, так и по неиспытанным их качествам мало применялись в архитектуре. Но строение храма Спасителя вызвало желание употребить в дело преимущественно такие материалы, которые находятся в России, и желание это осуществилось с замечательным и полным успехом.

Для внешней одежды цоколя и стен храма, равно как и для изваяния наружных рельефных изображений, избран по близости места нахождения, удобству доставки, соответствующим размерам и достоинству мрамор беловатого цвета в неполированном виде, открытый в недалеком от Москвы расстоянии: Коломенском уезде, при селе Протопопово...

Одновременно с кирпичной кладкой производились мраморная одежда и облицовка протопоповским мрамором наружных частей: цоколя, баз храма, приставных к стенам одиночных и двойных пилястр, угловых колонн, стен под пилястры и рельефы нижнего ряда, входных арок, оконных колонок и т. д.

Мраморная одежда храма соединена с кирпичной кладкой посредством укреплений, залитых свинцом. Оставшиеся между мраморными частями кирпичные стены оштукатурены портландским цементом и выкрашены под цвет мрамора. Оштукатуривая гладкие части, техники имели в виду, что облицовка мрамором представляет менее прочности, чем оштукатурка цементом.

ГОРЕЛЬЕФЫ

По мере облицовки наружных частей исполнялись рельефные изображения в полуциркульных арках порталов и углов и над карнизом пьедестала храма. Эти изображения

¹ Пилон — высокие, почти башнеобразные столбы, которые устраивались обыкновенно в египетских дворцах и храмах.

² Калориферы — нагревательные каналы.

расположены в два ряда и сделаны горельефно, т. е. со значительным выступом, так что на карнизе пьедестала храма образуются почти полные фигуры, прислоненные к стене.

Так как храм Христа Спасителя должен быть памятником религиозным — благодарственным, ясно свидетельствующим о божественном заступлении за русский народ в Отечественную войну 1812 года, и вместе с тем — памятником историческим, на котором неизгладимыми чертами изображены славные деяния предков, то на всех четырех стенах храма помещены священно-исторические изображения, напоминающие или имеющие тождество с событиями Отечественной войны 1812 года, и фигуры святых заступников и молитвенников за Русскую землю и некоторых отечественных деятелей, потрудившихся для утверждения и распространения православной веры, а также и князей русских, положивших свою жизнь за свободу и целость Русской земли.

Так как храм посвящен Христу Спасителю, то с западной стороны, при входе, помещено его божественное изображение, окруженное силами небесными с символами их служения и святыми покровителями императоров-храмоздателей, им соименными.

На южной стороне храма (обращенной к Москве-реке) встречаем изображения святых, в дни празднования памяти которых происходили битвы 1812 года, а также и такие священные изображения, которые имеют непосредственное отношение к событиям Отечественной войны.

На восточной стороне (обращенной к Кремлю) помещены: а) святые заступники и молитвенники за Русскую землю и избавители ее от внешних врагов, б) особо чтимые иконы явлений Богоматери и в) священные картины двух важных событий жизни Спасителя: Его Рождество и Воскресение. Первое напоминает об изгнании врагов из пределов России, второе — о взятии Парижа (19 марта 1814 года).

На северной стороне (обращенной к Пречистенке) изображены просве-

тители веры Христовой в России, хранители этой веры от врагов и помощники в битвах.

КУПОЛА И КРЫША

Каменная кладка храма мало-помалу приближалась к тому пункту, от которого должно начинаться устройство главного купола. При этом должно заметить, что рисунки храма и куполов в деталях своих часто подвергались изменениям и улучшениям. По последнему измененному рисунку большого купола, сделанному в 1851 году, основание купола увенчано мраморной короной, состоящей из 26 арок; глава, несколько суженная против прежнего, получила продольную ребристую форму, отчего вид ее, несмотря на колоссальность объема, сделался более стройным и легким. Звезды на ней отменены.

Колоссальный свод большого купола, представляющий своей конструкцией одно из замечательнейших явлений в области современной архитектуры, окончен в 1849 году. Основанием для металлической главы служит кольцо, на которое употреблено 77 полосовых железных скоб, весящих 181 пуд 24 фунта].

Корона исполнена мраморных дел мастером Виноградовым за 20 тыс. руб[лей] в 1853 году; к тому же времени облицованы малые купола, сделан карниз над восьмиугольным основанием большого купола и карнизы малых куполов, наружные подоконники, вырублены украшения в мраморе на арках, поясах и парапетах малых куполов.

Заготовление материала для металлических глав и крыши храма, самая работа их и позолота глав были исполнены Санкт-Петербургским гальванопластическим литейным заводом, принадлежавшим тогда герцогу Лейхтенбергскому... Кроме крыши над аттиком и порталами все внешние выступы храма, как-то: арки, карнизы и проч. — также покрыты медью и окрашены под цвет мрамора. Работа эта, стоившая 60 874 руб[ля] 18 коп[еек], произво-

-дилась постепенно, по мере отделки частей, и совершенно окончена только в 1864 году.

В 1854 году после освящения малых крестов они были поставлены на местах. Постановка большого креста совершилась годом позднее. Событию этому придан торжественный характер: крест был собран на

устроенном для него возвышении посредине храма, освободившегося тогда от лесов. Митрополит Московский Филарет совершал освящение креста в присутствии председателя, членов комиссии, архитекторов, должностных лиц и рабочих людей при храме и при многочисленном стечении народа.

И КАК ВСЕГДА,

ВИНОВАТЫХ

НЕТ

С СЕНТЯБРЯ в редакцию стали поступать жалобы на то, что читатели не получили номера 8, 9, а затем и 10 «Военно-исторического журнала». Поток писем все увеличивается. За ноябрь, к примеру, только из Днепропетровской области таких сообщений пришло 23, из Запорожья — 10, из Нижнего Новгорода — 18. Поступают подобные жалобы и из других городов России, Украины, Грузии. Редакция решила разобраться в этом деле.

После выхода из печати журнал поступает в отдел распространения и обработки заказов издательства и типографии газеты «Красная звезда». Обратились с вопросом к начальнику этого отдела Н. Ф. Нестерову. Боясь, что значитель-

ная часть тиража 8, 9 и 10-го номеров «ВИИ» и по сей день лежит на складе. Радость обнаружения пропажи сменилась недоумением: почему журнал не отправлен по назначению? Задерживается, впрочем, отправка не только «ВИИ», там же горами свалены «Морской сборник», «Авиация и космонавтика». Склад забит продукцией, которую ждут адресаты. Военную периодику не принимает железная дорога, а точнее, Курский железнодорожный вокзал, а еще точнее, отдел перевозок почты (ОПП) Курского железнодорожного вокзала. Нестеров неоднократно ездил на вокзал, туда же еще в августе было направлено отношение № П-511 от 16.08.1990 г. на имя начальника ОПП тов. П. И. Сорокина за подписью начальника издательства и типографии газеты «Красная звезда» Н. И. Костышина с просьбой разбраться с нарушениями графика перевозки военной периодики и принять меры по их недопущению, однако, со стороны руководства ОПП никакой реакции не последо-

вало. Ни к чему не привели и последующие переговоры. В ноябре было направлено письмо в Министерство связи СССР: 15.11 № П-5/216 начальнику главного управления почтовой связи и распространения печати Министерства связи СССР тов. Б. П. Бутенко.

Не ответил и товарищ Бутенко. А письма от читателей, тщетно ожидающих давно оплаченные журналы, все идут и идут. Среди них немало сердитых, некоторые извещают, что из-за перебоев с доставкой были вынуждены отказаться от подписки на 1991 год. Резонный вопрос: считает ли себя в долгу перед этими людьми, перед редакциями Министерства связи СССР, столь нещадно взвинтившее цены за свои услуги и столь же безответственно выполняющее собственные обязательства?

Случайно ли, нет ли, но сбои с доставкой военной прессы начались точечно — с началом подписной кампании. Сколько подписчиков мы потеряли в итоге? Сколько людей возложили на нас незаслуженную вину?

Read in This Issue:

B. I. Nevzorov — The Last Line ● Moscow Officials of Cheka in the Capital's Defences, 1941—1942 (Publication of J. B. Smirnov, V. G. Ushakov) ● «Archipelago GULAG» in the Days of the Great Patriotic War ● A. V. Basov, G. N. Gutenmakher — The Persian Corridor in the Days of the Second World War ● The Bomb for... Sakharov Too ● A. S. Feklisov — Exploit of Klaus Fux ● B. S. Popov, V. G. Oppokov — Berievschina (The Evel World of Beriia) ● A. F. Rediger — The Story of My Life. ● A. I. Talanov — The Horse-Guards-Men ● A. V. Tretetsky — Novocherkassk: June, 1962 ● What Kind of Army Does the National Working Union Need? ● V. A. Podguzov — The Courageous Deed of the Academician ● The Cathedral of the Christ Saviour ● Column of the Editor-in-Chief.

Lesen Sie in diesem Heft:

B. I. Newsorow — Die letzte Grenze ● Die Moskauer Tsch Ka-Männer in der Verteidigung der Hauptstadt (1941—1942) (Die Publikation von J. B. Smirnow, V. G. Uschakow) ● «Archipel GULAG» während des Großen Vaterländischen Krieges ● A. V. Bassow, G. N. Gutenmakher — Der persische Gang während des zweiten Weltkrieges ● Bombe und für... Sacharow ● A. S. Veklisow — Heldentat von Klaus Fux ● B. S. Popow, W. G. Oppokow — Berijewschitschina (Berijas Reich des Unheils) ● A. F. Rediger — Die Geschichte meines Lebens ● A. I. Talanow — Die Kavallergarden ● A. W. Tretetzky — Novotscherkassk: Juni, 1962 ● Welche Armee braucht der Nationalarbeitsverband? ● W. A. Podguzow — Die mutige Tat eines Akademiker ● Christi-Erlöser-Kathedrale ● Die Seite des Chefredakteurs.

ПЕТЕРГОФСКИЙ ПАТРОНАТ ДЛЯ УВЕЧНЫХ СОЛДАТ

(К странице 3 обложки)

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР в фонде «Главное управление Российского общества Красного Креста» хранятся две большие папки в кожаных переплетках, на лицевой стороне которых вытиснено: «Организации графа В. А. Дмитриева-Мамонова. Петергофский патронат для увечных солдат»¹. Содержание этих папок и является предметом настоящей публикации.

ПРОБЛЕМЫ социальной реабилитации встали со всей остротой сразу же с началом первой мировой войны, и именно общественные организации показали пути возможного их решения.

Одной из таких организаций являлось Российское общество Красного Креста (РОКК), при содействии которого 1 мая 1915 года был открыт Петергофский патронат-убежище для увечных солдат Северного района РОКК.

Основатель патроната граф В. А. Дмитриев-Мамонов писал, что для группы жертвователей — основателей патроната было «главною задачей — обучать новому ремеслу таких покалеченных солдат, которые вследствие своего ранения утратили возможность добывать себе средства к жизни той профессией или тем ремеслом, которым они существовали до призыва на военную службу...».

Организацией патроната занимался комитет, в состав которого входили следующие лица и организации: «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» в лице директора — распорядителя О. О. Брунстрема, «Русско-балтийское судостроительное и механическое общество», «Акционерное общество механических гильзо-

вых и трубочных заводов П. В. Барановского» в лице В. П. Барановского и многие другие, принявшие на себя расходы по оборудованию и содержанию патроната.

Патронат располагался в уютном особняке, предоставленном В. А. Дмитриевым-Мамоновым, на углу Царицынской и Александровской улиц в Петергофе (ныне Петродворец).

Открытие и оборудование, за исключением стоимости дома, обошлось более чем в сто тысяч рублей и включало приспособление помещений для нужд солдат-инвалидов, создание школы садоводства и огородничества, фуражечной, портняжной, скорнячной и сапожной мастерских.

Однако полностью интерьеры особняка не менялись, и некоторые комнаты сохраняли отнюдь не казарменно-больничный вид.

Принимая по 50—55 человек, патронат имел небольшой штат, состоящий из начальника — полковника А. Н. Корнеева, двух его помощников, врача лазарета Н. И. Купчика с фельдшером и 5 сестрами милосердия, учительницы для занятий в школе грамотности и ведения библиотeki и садовника В. Г. Асмуса с двумя инструкторами для наблюдения за

школой садоводства и огородничества.

В ноябре 1915 года состоялся первый выпуск воспитанников патроната, обученных сапожному ремеслу, повторявшийся впоследствии каждые два месяца.

Так как уволенным из армии инвалидам не полагалось никакого содержания от казны, то в патронате на личные расходы выдавалась мелочь в размере 20 копеек, а по выходе из патроната — единовременное пособие в размере 25—50 рублей.

В составленной В. А. Дмитриевым-Мамоновым краткой справке приведены следующие данные. За два года израсходовано: на устройство мастерских — 20 тыс. рублей; на содержание воспитанников и штата — 95 тыс. рублей; на оборудование дома и мастерских — 97 тыс. рублей; запасной капитал на счету — 30 тыс. рублей. Таким образом, расходы комитета составили 242 тыс. рублей.

С 1 мая 1915 по 2 мая 1917 года обучено сапожному делу 350 человек, портняжному и скорняжному — 50 человек, огородничеству и садоводству, а также устроено на работу садовниками, курьерами и сторожами — 87 человек.

В делах отсутствуют сведения о дальнейшей судьбе патроната, его огневой и обитателей, но в фондах ЦГВИА СССР имеются материалы, свидетельствующие, что подобные заботы не были явлением исключительным. В составе Всероссийских земского и городского союзов помощи больным и раненым воинам действовали десятки организаций с аналогичными целями и менее стесненные в средствах, раззернувшие деятельность с большим масштабом и размахом.

Но нам достаточно примера этого патроната, чтобы убедиться, что и более 70 лет назад были люди, которых волновала судьба искалеченных соотечественников, и без помощи государства они делали все, что нужно, и делали неплохо.

А. А. ЛИТВИН,
старший научный
сотрудник
ЦГВИА СССР

¹ ЦГВИА СССР, ф. 12651, оп. 3, ед. хр. 408, 409.

В БЛИЖАЙШЕЕ время надо ожидать грандиозное шоу. Кажется, оно уже началось. Недавно Ольга из «кудрявой комсомолки» где-то раздобыла трубку Сталина и обкурилась. А обкурившись, конечно же, понесла окопесницу устами знафталиненного героя своего очерка: «Отчего же он [Гитлер] внезапно отказывается от вторжения в Англию и обращается к плану «Барбаросса», лежащему до поры до времени, как лежат всякие армейские планы в каждом государстве! Гитлер увидел, что Сталин вероломно готовился к войне и декабрьской директивой № 21 1940 года переменял цель».

Эх Оля, Оля, вон даже Алла кричит тебе: «Брось сигарету! Брось!», а ты за трубку взялась. И не мудроно — очумела. Шоу в честь приближающегося 50-летия начала Великой Отечественной войны. Эх кудрявая, как орала раньше: «Даешь всенародную комсомольскую стройку!», так и продолжаешь: «Даешь Адольфика в освободители!»

Другое дело то, что затевается сегодня. Могу, дорогой читатель, предсказать, что предложат тебе завтра и «кудрявые» и «новостюшки», и искры, из которых «огоньки болотные». Завтра они начнут отмечать 50-летие вероломного... О том, что именно вероломно, именно Германия напала на СССР, знает весь мир. Сменю вас заворить, дорогой читатель, «кудрявые», «новостюшки», «огоньки» будут вам доказывать, будто «вероломно готовился к войне» не Гитлер, а Сталин, читай СССР, вам подменят, как уже сделала это генерал Оля, понятие «вероломно напал» на «вероломно готовился». К этому делу привлекут всех: Волкогонова и Геббельса, Яковлева и Власова, Коротича и Гапльдера, Розенберга и Адамовича. Кстати, когда я слушаю, что несет с экрана Адамович, писатель-то он никакой, то думаю, что прав был Сталин, когда очень сомневался в некоторых «партизанах».

За бедного Адольфика поднимется обязательно немецкая волна, балтийская волна, поднимутся бывшие, то бишь нынешние власовцы и бандеровцы, оуновцы и легионеры Грузии и Армении, Туркестана и еще черт знает какое отребье. 22 июня 1941 года — их день, их праздник. Только сегодня и обнаруживаешь, как много было врагов у СССР, как ожесточенна классовая борьба. Конечно, Гитлер будет выглядеть затравленным зайцем, который, спасаясь, кинулся вперед, на Сталина. Сюжет здесь желтая пресса будет раскручивать такой: Гитлер воевал не против на-

шего народа, а против Сталина. А так как из Сталина уже сделали образ самый отвратительный, то никто и не спросит: почему же, воюя со Сталиным, Гитлер somehow уничтожил 27 млн. советских людей. А если учесть, что из 27 млн. армия потеряла чуть более 8,6 млн., а остальные — женщины, старики, дети, то будет ясно, с кем воевала немецкая армия на нашей земле.

А ты, Оля, молодец, так прям и рубанула по-комсомольски: «Архив начинен ложью. Многоступенчатая ложь». Оля, ты — молодец. Мы-то по простоте душевной собирались публиковать архивные материалы, например, хотели показать, что нет в наших архивах ни документика, в котором бы имелись планы нападения на Адольфика, не лежат у нас, «как лежат всякие армейские планы в каждом государстве», варианты «Барбароссы». По секрету только тебе, Оля, — мы будем публиковать документы... из немецких архивов. Пусть сами немцы и расскажут тебе, что и как они планировали, что и как они осуществляли. Читай, милая, наш журнал с третьего номера сего года.

И все-таки я думаю, что Запад нам поможет. Американцам, англичанам и французам придется встать на сторону «Военно-исторического журнала», им придется опровергать с помощью своих архивов ложь всех наших Оль-генералов, обкуривших Сталинскую трубку. Как и нам, им придется говорить правду, иначе получится, что они воевали не на той стороне, в союзниках у них были не те люди. И за Сталина им придется вступить...

В начале двадцатых годов наш военный историк и военный теоретик А. Свечин читал курс лекций по стратегии. На Западе сейчас эти лекции изучают с лупой в руках. Так вот Свечин, кажется, еще в 1923 году говорил: «Источником войны является... не только усиление одних политических группировок, но и остановка роста или ослабление других. Усиление рабочего движения и в частности СССР легко может также поставить буржуазию перед вопросом о превентивной войне. Превентивные войны имеют особое значение при применении стратегии сокращения...»

Дорогой читатель, жди шоу, если, конечно, читаешь желтую прессу.

Гонорар за материалы этой странички перечисляется на счет 700344 в фонд помощи раненым воинам-интернационалистам.

ПО АРХИВНЫМ ФОТОДОКУМЕНТАМ

МИЛОСЕРДИЕ

- Вид здания патроната зимой. 1916–1917 гг.
- Столовая. 1917 г.
- Инвалиды войны, прошедшие реабилитационный период. 1916 г.
- Сапожная мастерская. 1916 г.

